ISSN 0130—8009

ПИОНЕР

12'90

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1990
Издательство «Правда»

12

ЧИТАЙТЕ В ДЕКАБРЕ

На обложке: рисунок А. Симоновой.

НОВОГОДНЯЯ

РАЗМИНКА

Кто должен придумать вопросы к новогодней викторине? Мы сразу решили: конечно же, сказочный Дед Мороз. И пусть это будет его новогодним подарком читателям «Пионера». А поскольку у нашего журнала всегда были добрые отношения с Дедом Морозом, то он согласился с удовольствием. И вот что он предложил.

ЗАДАНИЕ ПЕРВОЕ. «Декабрь год кончает, зиму начинает»,— говорят в народе. Декабрь — последний, двенадцатый месяц года. Но ведь «дека» по-гречески означает «десять». И выходит: декабрь — месяц десятый? Как это могло получиться?

ЗАДАНИЕ ВТОРОЕ Новый год мы отмечаем 1 января. Но всегда ли так было на Руси?

«Считать новый год не с первого сентября, а с первого генваря... И в знак того доброго начинания... в веселии друг друга поздравлять с новым годом... По знатным и проезжим улицам у ворот и домов учинить некоторое украшение от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых... Чинить стрельбу из небольших пушечек и ружей, пускать ракеты, сколько у кого случится, и зажигать огни». Когда произошло это событие? И кто был автором новогоднего указа?

Фотографии П. МОКРОУСОВА.

ЗАДАНИЕ ТРЕТЬЕ. У разных народов летосчисление велось по-своему — от какого-либо исторического или легендарного события. В современном мире общепринятым стало летосчисление «от Рождества Христова». Однако наряду с этим в некоторых странах сохранился свой особый календарь. В одном из таких календарей сейчас... пятнадцатый век, и люди, живущие в нем, ведут отсчет времени от «бегства», или по-иному — «переселения». О каком «бегстве» идет речь и в каких странах придерживаются этого календаря?

И ЧЕТВЕРТОЕ ЗАДАНИЕ, ПОСЛЕДНЕЕ. Раскройте смысл народных обычаев, связанных с новогодним праздником.

Почему в старину девушкам предписывалось в первый день Нового года наряжаться во все новое и в течение дня несколько раз переодеваться?

Почему в первый день года не разрешалось выполнять тяжелую и грязную работу?

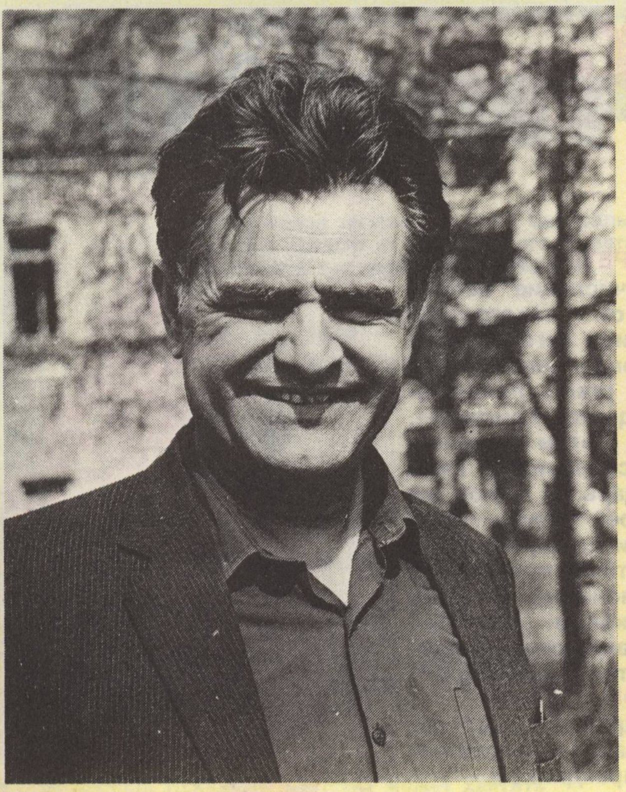
Почему первому покупателю в Новый год отдавали товар за дешевую цену?

И почему в Новый год не следовало платить долгов?

Ждем ваших ответов. Напоминаем: задания новогодней разминки должны быть выполнены до 15 января 1991 года.

И в заключение — коротко об итогах разминки «Ну, детский сад!», которая была предложена вам в седьмом номере журнала «Пионер». Победителями стали Эдуард Покровский из Ангарска Иркутской области, Надя Чамина из Москвы и Маша Бахталина из Ленинграда. Они верно угадали, кто изображен на снимках: в левом ряду (сверху вниз) — Анна Ахматова, Марина Цветаева, Владимир Маяковский; в правом ряду — Петр Ильич Чайковский, Михаил Лермонтов, Владимир Высоцкий. Победителей поздравляем с удачей, а всех наших читателей приглашаем еще раз принять участие в новогодней разминке. Вас ждут интересные книги!

Фотография Н. КОЧНЕВА.

Фазиль ИСКАНДЕР:

«Детства может хватить на всю жизнь»

Ну, это еще вопрос! — скажете вы. А главное — зачем это? Не все довольны своим детством, и многие не прочь поскорее от него избавиться. Что за шутка?

Конечно, Фазиль Искандер — писатель, знаменитый очень веселыми книгами. Читали его рассказы про мальчика по имени Чик? А «Созвездие Козлотура»? И, главное, «Сандро из Чегема», книгу всей его жизни, которую он продолжает и продолжает писать. За юмором, за весельем мы узнаем про серьезные вещи. Даже сердитые. Потому что через жизнь абхазского села Чегем, с виду почти безмятежную, прокатилось колесо всей нашей истории, и всех героев так или иначе коснулись неурядицы, даже жестокость разных времен жизни нашей страны.

Почему-то считается, что насколько веселы его книги, настолько в жизни Искандер будто бы мрачен и неулыбчив. Но он такой же, как и его книги, только наоборот. Он любит говорить загадочно и с виду очень серьезно. Но в итоге — мы улыбаемся...

Именно с таким человеком совсем неплохо поговорить в предновогодние дни. С этим мы и отправили к нему **Владислава ВАСЮХИНА,** известного своей старательностью: перед тем как встретиться с Искандером, он заново перечел все его книги, чтоб не попасть впросак в беседе с этим непростым человеком.

— Вы любите подарки? — задал для начала Васюхин простецкий вопрос. Но тут же вышел из положения: — А что, если бы вам подарили... лошадь?

Тут содержался намек на то, что уходящий год — год Лошади. Фазиль Абдулович не удивился и ответил грустно:

— Я бы тут же отправился верхом на ней в свою Абхазию. Краем детства я застал во многом еще патриархальную деревенскую жизнь Абхазии и навсегда полюбил ее. Меня обвиняют, что я идеализирую ее. Сейчас многое там изменилось. Такого Чегема уже, пожалуй, нет... Идеализируя что-то уходящее, из детства, мы, сами того не сознавая, предъявляем счет будущему: а что будет взамен?

Корреспондент. Только если сесть на лошадь, то от Москвы до Абхазии — плестись и плестись...

Искандер. Она не подведет.

Корреспондент. Да, вот вы в одном рассказе даже признавались лошади в любви. Словами мальчика Чика. «Когда Чик приблизился к лошади, он почувствовал волнение. Точно такое же волнение он испытывал, когда приближался к морю. Чик удивился похожести этого волнения на то, потому что лошадь ничем не напоминала море. Может быть, дело было в том, что запах ее напоминал запах моря?»

Искандер. Спасибо, что вспомнили. Согласны — взрослому не придет в голову такое сравнение? Но дети — замечательные фантазеры. Позавидовать можно!

Корреспондент. О детстве вы говорите как о чуде, из которого выросли ваши книги, хотя чаще пишете про взрослых и для взрослых. Правда, ребята их читают, знают. Любят.

Искандер. Будем надеяться.

Корреспондент. И все же, Фазиль Абдулович, не надо навязывать ребятам: детство — чудо, лучшая пора... Почитали бы письма, которые приходят к нам в «Пионер». Сколько несчастливых, одиноких, обиженных. Не у всех детство без облаков!

Искандер. Но если нет облаков, не оценишь солнце. Ошибка многих ребят в том, что они все время чего-то ждут от других. А надо понять, что детство — это и есть жизнь, а не предисловие к ней. Самое страшное — расти нытиком и чересчур прислушиваться ко всему, о чем судачат взрослые.

Корреспондент. Боюсь, что дети не поймут такое ваше высказывание: «Я полагаю, чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что и там ничего нет, и потихоньку возвращаться обратно. След, оставляемый этим обратным путем, и будет настоящим юмором».

Искандер. Вы плохо думаете про детей. Уверен, они поймут: без юмора, умения посмеяться над собой очень, очень плохо!

Корреспондент. Часто про некоторых людей говорят: «...и на следующее утро он проснулся знаменитым». А может так быть: «...и на следующее утро он проснулся... взрослым»?

Искандер. Я делал такую попытку. Вымазал голову киселем и плотно зачесал волосы назад. Великолепная прическа держалась до вечера. Я собирался погулять со взрослой компанией. Но сестры беспощадно вымыли мою голову и, с хрустом раздирая волосы, вернули их в обычное состояние... Взросление — долгое дело. Вам дети пишут про неприятности? Рекомендую для закалки: пусть будут ссоры, и обиды, и драки, и разбитая любовь, чье-то ненужное обожание, и вражда, и «чемпионство» хоть в чем-нибудь... Поступок, достойный взрослого...

Корреспондент. Что-то у вас не сходится. Взрослых вы призываете подольше «заглядывать» в детство, а детей — совершать взрослые поступки.

Искандер. Это естественно.

Корреспондент. А что вот вы, например, хотели сказать фразой в рассказе «Детский сад» — про какую-то «тираническую стадию развития». Еще я у вас выловил: «Я думаю, что настоящие, взрослые тираны — это те, кто в детстве не успел побыть хоть каким-нибудь тиранчиком». Как это понимать?

Искандер. А вы, например, не терзали в детстве, скажем, любимую бабушку каким-нибудь немыслимым капризом?

Корреспондент. Терзал.

Искандер. Как становятся тиранами, для меня самого загадка. Давайте утверждение про «тиранчиков» оставим читателям: шутка — не шутка, спорно — не спорно?.. Пусть напишут в редакцию. Я же много писал про тяжелые времена сталинщины, и мой герой дядя Сандро, жизнь которого состояла из невероятных приключений, умудрился повстречаться со Сталиным несколько раз. Однажды — на пиру, где Сандро вместе с другими танцорами развлекал Великого. Сталин и попросил Лакобу (председателя совнаркома Абхазии) показать мастерство стрелка. Лакоба должен был попасть в яйцо, поставленное на голову повара санатория... Писал я и о том, как далекое тихое село Чегем тоже стало жертвой жестоких репрессий. Тираны живут в безумном страхе перед теми, кто мог бы отомстить за их тиранство, и зло умножается на зло, растут жертвы. Тиран несвободен. А что такое свобода? Вот еще ребятам для размышлений. Свободен не тот человек, который пользуется свободой, а тот человек, который дает другому пользоваться свободой. Свобода — это не то, что я беру, а то, что я даю.

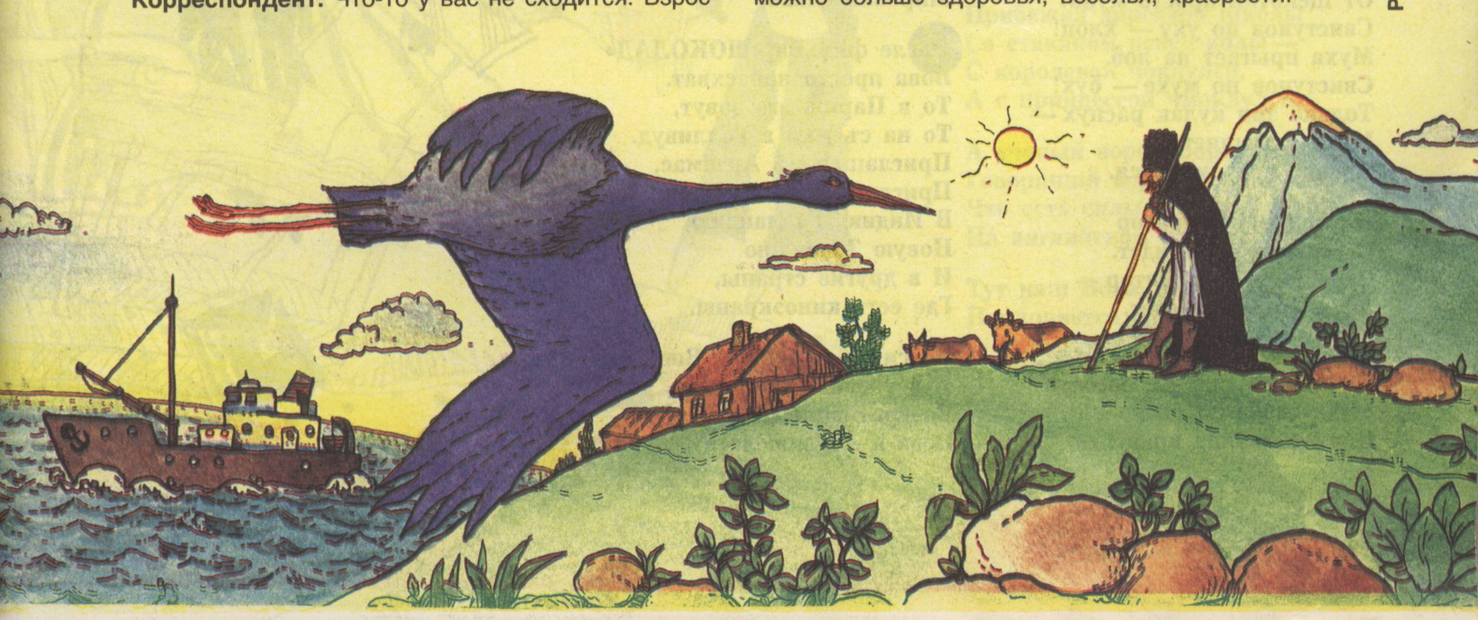
Корреспондент. Значит, пусть думают? И последний вопрос. Грядет год, который одни называют годом Овцы, другие — годом Козы. А хотели бы вы, чтоб будущий год был Годом Козлотура?

Искандер. Это в честь моей повести «Созвездие Козлотура»? Никогда! Я же хотел высмеять старательных бюрократов, которые и разваливали все на свете. Из идеи скрестить козла с диким туром и вывести никому не нужную новую породу ничего не вышло, а сколько шуму, наград, газетного грома было! Можно, я обращусь напрямую к читателю? Дети! Пожалуйста, прочитайте эту книжку только лишь для того, чтобы не внедрять идиотизм, ведь вы вырастете и среди вас тоже будут всякие начальники! Что же касается Козы, то, кроме некоторого упрямства, у нее нет никаких недостатков!

Корреспондент. А теперь пожелайте что-нибудь совсем новогоднее.

Искандер. Дай Бог вам, дети, в Новом году как можно больше здоровья, веселья, храбрости!

Рисунок В. КУЗНЕЦОВА.

Петр СИНЯВСКИЙ

КИНОЗВЕЗДА

Школьник Вова Свистунов
Презирает хвастунов,
Школьник Вова Свистунов
Ненавидит болтунов.

О себе самом ни слова
Не рассказывает Вова,
А про Вову все подряд
Целый месяц говорят.

Как же вы про Свистунова
Не слыхали никогда?
Свистунов — не просто Вова —
Он у нас кинозвезда.
Все девчонки в нашей школе
Любят Вову за талант.
Снялся Вова в главной роли
В кинофильме «ШОКОЛАД».

Если б знали школьницы,
Вовины поклонницы,
Чем он занимается,
Когда в кино снимается...

Начиналось все прекрасно:
Режиссер в берете красном
Не успел сказать «Мотор!»,
А на съемочной площадке
Сто четыре шоколадки
Смолотил киноактер.

Тут бы Вове отдышаться,
Отсидеться, отлежаться,
Но уже несут со склада
Новый ящик шоколада —
Трудно быть кинозвездой,
Даже самой молодой.

Режиссер, нахмурив брови,
Говорит артисту Вове:
— Что-то нынче, дорогуша,
Я тебя не узнаю.
Ты старательнее кушай,
Душу вкладывай свою.
Ты представь, что это вкусно,
Сделай вид, что нравится.
Постарайся для искусства! —
Свистунов старается.

Вдруг на ухо села муха —
От щекотки просто мука!
Свистунов по уху — хлоп!
Муха прыгает на лоб.
Свистунов по мухе — бух!
Только зря кулак распух —
Муха ухмыляется,
На нос приземляется.

На подмогу оператор
С вентилятором идет.
Заработал вентилятор —
Муха ухом не ведет.

Прибежали с пылесосом.
Пылесос остался с носом —
Муха снова на носу,
Портит Вовину красу.

Режиссер опять не в духе:
— Это как же понимать!
Неужели из-за мухи
Будем все переснимать?

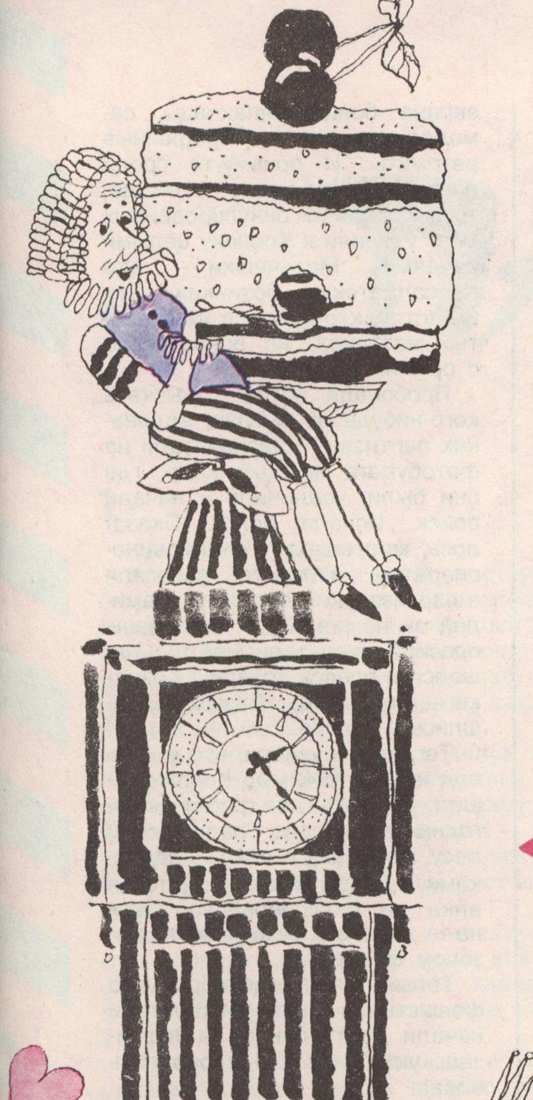
И уже несут со склада
Третий ящик шоколада!
— Подкрепляйся, Вовочка,
Кушай на здоровьичко.

Угощения такого
Не осилят сто слонов.
Не сдается только Вова,
Только Вова Свистунов.

Даже крошки не осталось.
— Браво, Вова, браво!
Нелегко тебе досталась
Мировая слава.

После фильма «ШОКОЛАД»
Вова просто нарасхват.
То в Париж его зовут,
То на съемки в Голливуд.
Приглашают в Арзамас,
Приглашают в Гондурас,
В Индию, Голландию,
Новую Зеландию
И в другие страны,
Где есть киноэкраны.

Не сидит за партой Вова
И в учебник не глядит.
Возвратившись из Тамбова,
Вова в Англию летит.

Вот и Лондон под крылом,
Под крылом — аэродром.
В честь великого артиста
Орудийный грянул гром.

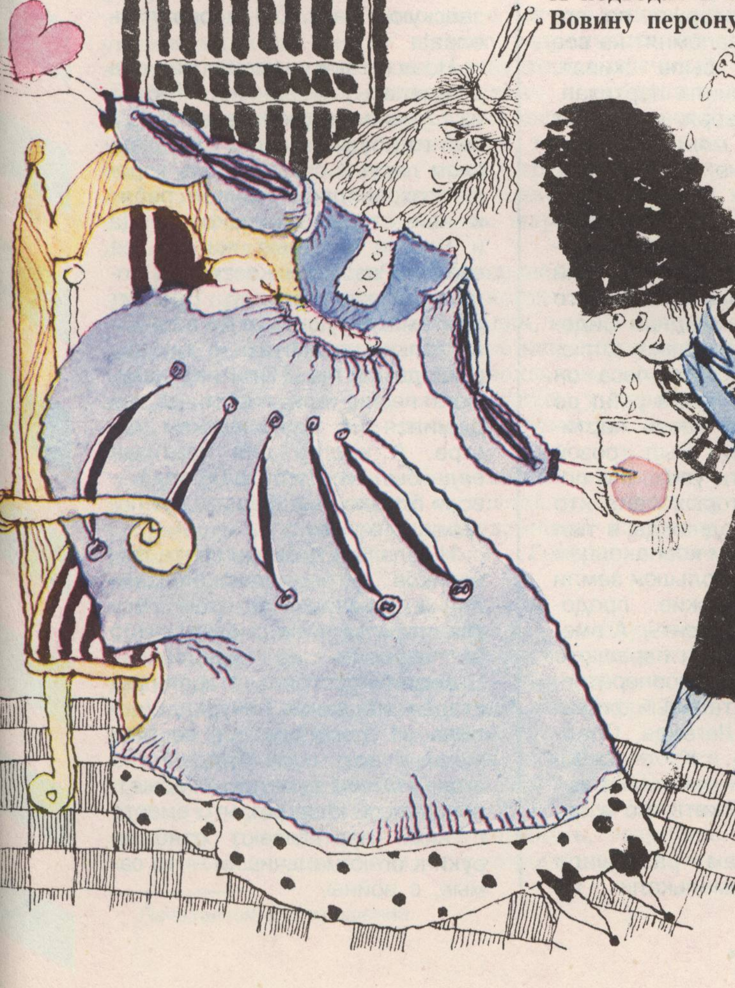
В общем, встретили как надо.
После пышного парада
Лорд — хранитель шоколада
Притащил огромный торт.
Вова, скромно съев полторта,
Отломил кусок для лорда:
— Не смущайтесь, угощайтесь,
Дорогой товарищ лорд.

Ахает и охает
Великобритания:
— Что за поведение!
— Что за воспитание!

— Сразу видно джентльмена.
Этот Вова, несомненно,
Благородней во сто крат,
Чем любой аристократ!
— А по части торта —
Просто мастер спорта!

Начинается прием
У Ее Величества.
Знаменитостей на нем
Жуткое количество.

Но сегодня не до них.
Зал торжественно притих,
И подводят к трону
Вовину персону.

Встала с трона королева,
Обласкала кавалера,
Вову под руку взяла
И беседу повела.

— Вы, похоже, классе в пятом,
Переходите в шестой?..
Извините, вы женаты?
— Я, простите, холостой.

Королева изумилась,
Нежно глядя на него:
— Неужели, Ваша Милость
Не влюбилась ни в кого!
Мой милейший мистер Вова,
Вы скажите только слово —
Я за вас отдать готова
Дочь любимую мою! —
И подводит к Вове дочку...
А принцесса Вову — в щечку!
И — на ушко Свистунову:
— Мистер Вова, ай лав ю.

Ох уж эта заграница,
Как тут было не жениться!
И спешат во все концы
Королевские гонцы:
— Скоро свадьба состоится!
— Скоро свадьба состоится!..—
Решено ее сыграть
В школе номер двадцать пять.

В ученической столовой
Газировка пенится —
Наш простой советский Вова
На принцессе женится!

Триста родичей принцессы
Прикатили на банкет.
Принцы, графы, баронессы
Ели комплексный обед,
А в углу столовой пела
Королевская капелла:
«Не родись отличником,
А родись счастливчиком».
Ну и свадьба! Ну и праздник!
Третий день уроков нет!
Пляшет каждый пятиклассник,
Пляшет даже педсовет!

Прибежал директор школы
Со стаканом пепси-колы —
С королевой чокнулся,
А с принцессой чмокнулся.

А ученый ворон Борька,
Говорящий ворон Борька
Что есть силы крикнул «Горько!»
На английском языке.

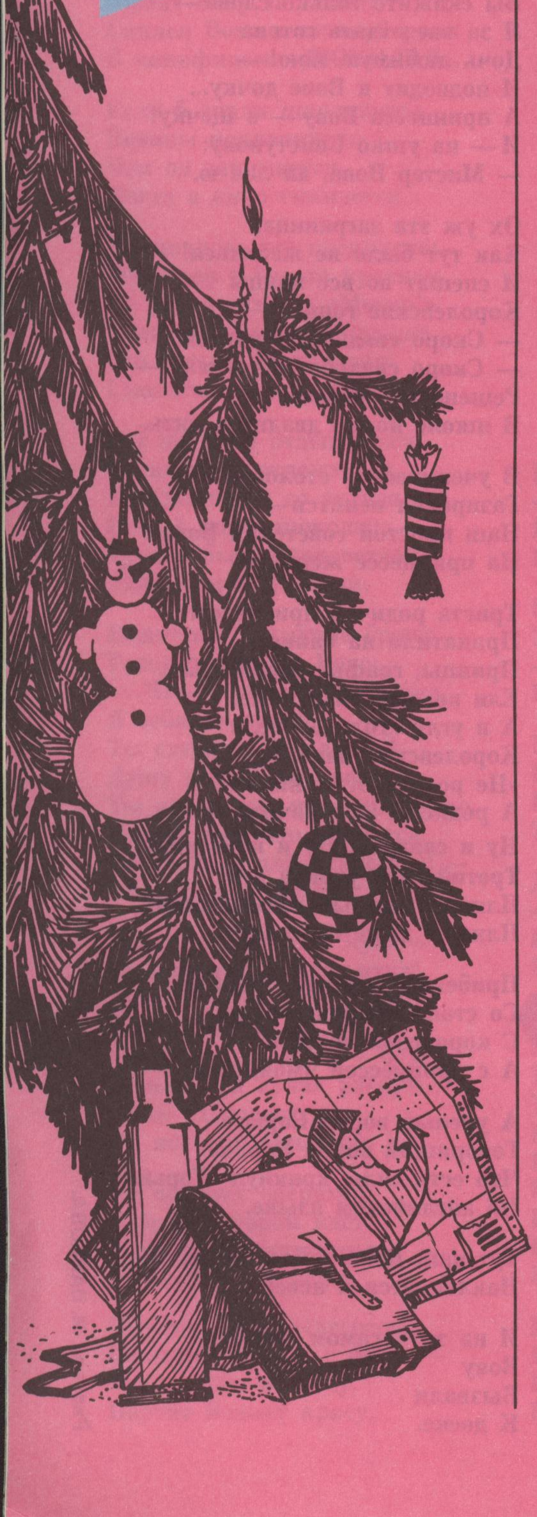
Тут наш Вова, честь по чести,
Наклоняется к невесте...

И на этом самом месте
Вову
Вызвали
К доске.

Рисунок И. ПАНКОВА.

ЗЕЛ СВЯЗИ

Горел партизанский костер...

Нина Агеева, москвичка, написала: ***«Мама сказала, что в этом году вся изведется, исхлопочется, но достанет наконец билет на кремлевскую елку! Я стала расспрашивать подружку, которая там уже была. Она сказала, что Снегурочку не разглядела, все клоуны и Дед Мороз тоже «за три километра». В толпе и давке ничего не разберешь, а пока стояла в очереди за подарком, папа отморозил ухо, потому что все родители должны ждать детей на улице. Как мне сказать маме, что и мне надоело ходить на такие елки, где Дед Мороз обращается к детям: «Уважаемая публика»! Если он что-то перепутал, все равно это правда, раз мы сидим и просто глазеем на представление...»***

...Тут в редакции у нас случился гость — большой любитель путешествий, **альпинист Феликс Михайлович СВЕШНИКОВ,** бывалый человек. Конечно, мы и его втянули в разговор про елки — почему это не нравятся праздники, где все так стараются ДЛЯ детей?

— Потому что не надо быть ПУБЛИКОЙ, а надо...— И тут он рассказал нам про необыкновенную елку, которую, по его мнению, ребята запомнят на все времена. Елка была живая. В лесу. Она помнила партизан.

—...Короче говоря,— говорит Свешников,— у меня в городе Сумы, на Украине, есть друзья. Ребята устроили у себя Музей альпинизма, но собирали заодно всякие интересные истории, которые встречали по пути. Они ведь земляки знаменитейшего партизанского командира Сидора Артемьевича Ковпака. Отсюда, из Спадщанского леса он проделал в тылу врага рейд до самых Карпат со своей партизанской дивизией. Был грозой фашистов. Ребята узнавали подробности, о которых мало кто знал. Например, однажды в тыл врага партизанам-ковпаковцам был доставлен с Большой земли важный груз: оружие, продовольствие, медикаменты. А вместе с этим грузом на парашюте спрыгнул с неба кинооператор. Он снял документальный фильм о партизанах «Легенда Спадщанского леса». К счастью, фильм уцелел, и ребята из музея сумели разыскать его в архивах.

Фильм ребятам разрешили посмотреть. Замелькали на экране бойцы-ковпаковцы, самодельные пушки, трофейные автоматы. И почему-то среди партизан было много детей: да, тогда люди из оккупированных мест уходили к Ковпаку целыми семьями. Мальчишки — кто в солдатских ботинках, кто в лаптях, кто босой, в мешковатых ватниках, но обязательно с оружием.

Пробовали потом разыскать кого-нибудь из бывших маленьких партизан — распечатали на фотобумаге каждый кадр, где они были, увеличили и начали поиск. Искали долго. Оказалось, жив еще тот самый кинооператор, которого сбросили в партизанский лес. Хотя фамилий он не помнил — партизаны просили не записывать. Нашелся и боевой товарищ Ковпака — комиссар Базыма. Нашлись и другие...

Тогда-то и узнали, что в ночь под новый, 1942 год Ковпак решил устроить для ребят новогоднюю елку в Спадщанском лесу. Настоящую елку, с подарками, с Дедом Морозом. Детская елка на оккупированной земле — сама эта мысль была вызовом фашистам.

Только в конце декабря 41-го фашисты и полицаи-каратели начали наступление на партизанскую базу. И сорвалась елка!..

Но все-таки партизанская ель дождалась праздника. Ребята из Сумского музея решили: Новый год будет у нас в Спадщанском лесу! К счастью, ель хорошо сохранилась. Привел ребят к ней старый ковпаковец. Да и многие местные жители ее знают. Разожгли костер на поляне. Елку украсили. Блестит лентами, игрушками. До верхушки только не достать — так высока да статна. Пели партизанские песни, ели пироги, а чай дымился на партизанском костре. А костер для партизан ведь был нечастой радостью — если близко был фашист, не подымишь в лесу...

Нашлась потом при свете фонариков и партизанская землянка. Землянки в этом лесу хранятся, за ними смотрят, чтоб не заросли, не обвалились. В землянке стояла старая-престарая железная печурка. Уцелела. И даже удалось ее разжечь — вот чудо! Глядели на огонь. О чем думалось? Может, показалось хлопцам, что вместе с ними протягивают озябшие руки к огню мальчишки — те самые, с войны.

Светлана ЛЕТТ

ПАВЛА

РАССКАЗ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

1

Вверх-вниз, вверх-вниз!..

И когда это кончится?.. Я чувствую, как с одной стороны носилки угрожающе сползают с телеги и повисают над медленно текущей дорогой. Деревянная нога начинает угрожающе подпрыгивать и биться о низкий борт так крепко, что голова моя мотается на жестком брезенте, как у старой тряпичной куклы.

Вверх-вниз, вверх-вниз, и конца этому не видно.

Возчик сидел впереди, закрывая полмира сутулой широкой спиной. В такие минуты я мысленно умоляла эту спину обернуться — изредка такое случалось — и ненавидела за истуканное равнодушие, прикусывая от острой растекающейся боли губы.

Возчик бурчал себе под нос какую-то простенькую мелодию. А рядом со мной, как мелкие грибы, сидели ребятишки и молча таращили на меня глаза. Им я, наверное, казалась здоровущей теткой.

Крупная голова Гришахи с оттопыренными ушами маячила между высоко задранными коленками. Он был похож на голенастого кузнечика, смотревшего на мир настороженно и неверяще. Я легко задела его по ожидавшей ласки шершавой макушке, и он, дернув коленками, тотчас разулыбался мягким большим ртом, крепко ухватив меня за руку, припал горячей щекой. И уже не выпускал мои пальцы из своих жарких ладошек весь остаток пути.

Прохожие на улице не оглядывались на наш экипаж, привыкли к подобным кортежам на узких улочках тихого курортного городка, насквозь пропахших осенней сыростью. Лишь немолодая женщина с обвисшим на плече рюкзаком, по всей вероятности, приезжая, остановилась у перекрестка и смотрела нам вслед беспомощно и отчаянно.

Я резко, до хруста в шейных позвонках, откинула голову, чтобы потерять ее взгляд, и, щурясь от ударившей в глаза сини, разодравшей на куски низкое свинцовое небо, думала: «Господи, отчего так любопытны люди?..»

Вверх-вниз, вверх-вниз...

Когда автобус стоит на ремонте — а случается такое часто: устал он от суетной жизни и похож на дряхлого скрипучего старика,— санаторских ребят перевозят телегой, той самой, на которой доставляют в санаторий продукты.

Моя болтанка приближается к концу, колеса привычно стучали по знакомым выбоинам. На скамейке у ворот дремал дворник Петрович. Возчик, негромко ругаясь, уже хотел гаркнуть, оглушить его густым вязким басом, от которого шарахалось залетавшее в санаторный двор воронье,— дворник был туговат на ухо, но в самую последнюю минуту Петрович вскочил, загремел запором. Тяжелые створы ворот плохо поддавались его старым рукам, и он, навалившись на одну ослабевшим от времени телом, трудно семенил к кустам, кивая возчику: проезжай!

Но возчик все-таки вытеснил из груди распирающий воздух.

— Др-рыхнешь, стар-рый чер-рт! — рявкнул он в ухо старику и засмеялся, тоже басом, кое-где пронизанным тонкой нитью щенячьего визга.

Дворник отшатнулся, дряблые веки его судорожно задергались. Телега быстро миновала его, и расстояние все стерло — стоит себе человек на дороге, а что с ним, печаль, радость ли,— не угадать.

Санаторский двор дышал осенью: прилипали к мокрым дорожкам желтые пятаки листьев, никли, скручивались под стылой моросью настурции, ярко, задиристо то тут, то там вспыхивали на поблекших клумбах оранжевые игольчатые звезды ноготков. Резко, дурманяще и свежо сталкивались, переплетались запахи палых, уже подгнивших листьев и недавнего дождя.

Время послеобеденное, безлюдное, и лишь на боковой аллее гоняли наперегонки в инвалидных колясках двое мальчишек. Они хохотали от восторга, бешено крутили колеса, сшибались колясками, и голоса их, четкие в осеннем воздухе, насквозь, казалось, прошивали тихую аллею.

— Распустили пацанов,— проворчал старик, недовольно глянув в ту сторону.— Головы снесут друг дружке. Никакого порядка. Куда эти чертовы куклы смотрят? Не-ет, уж если тебя приковало, так и изволь, покоряйсь, лежи и дыши себе на лекарства. Вот тогда будет правильно!..

Я вцепилась пальцами в борт телеги, и в них тотчас возникла, отразилась дребезжащая, под стать тележной лихорадке, боль, но пальцев я не разжала.

Возчик степенно, не торопясь, закрепил вожжи, спрыгнул на землю, постучал концом кнутовища в низкое окно и сердито закричал:

— Э-эй, открывай вороты, чертовы куклы! Позапирались, дьявол вас!..

И тотчас в окно высунулась наша главная нянечка Павла, похожая на втиснутый в халат без сучков пенечек. Лицо безбровое, приветливое, все в мелких трещинках морщин и оттого незащищенное.

Но незащищенность в Павле кажущаяся, и я уже об этом знала, и во мне теплится надежда, что равнодушная спина наконец дрогнет... Павла собиралась оправдать мои тайные надежды. Она еще больше сунулась в окно, рискуя вывалиться наружу, на ощипанную ветром клумбу, на промок-

---

Печатается в сокращении.

шие под дождем задиристые цветки календулы. Голос у нее зычный, радостный — сердится, как ликует.

— Чего бесишься? — пропела весело.— Или на собачий хвост наступил? Мертвый час у нас...

Она всегда говорила «мертвый» вместо «тихий». По всей вероятности, он представлялся ей более надежным — уснул так уж уснул! Как там в сказках говорится: «...И заснул красный молодец мертвым сном...» «Може, и люди потому здоровше булы»,— говорила Павла.

— А мое какое дело — мертвый или живой? — обиделся возчик.— Порядка у вас все одно нету! Вон пацаны головы сносят.— Он кивнул туда, где мотались на колясках мальчишки.— Выгребай свою мелкоту, да поживей!..

Тетка Павла засмеялась, крикнула призывно-требовательно:

— Девки!.. Канарейки мои голосистаи-и!..

И тотчас на крыльцо выскочили молоденькие нянечки Ася и Оля... Носилки зыбко качнулись и ударили невысокими самодельными ногами о земную твердь. Я оказалась у лошадиной морды, которая, кося большим темным глазом, с дружелюбным любопытством потянулась ко мне мягкими губами.

Я видела, как возчик в стороне медленно, с наслаждением курил, морща переносицу. Нянечки выхватывали из телеги мелкоту, и Гришаха, глядя на меня огромными от тоски глазами, не давался Асе. Она с трудом отдирала пальцы от доски. Отдерет одну руку, а другая, как присоска, намертво вцепится в шероховатое дерево. Гришаха никогда не ревел, протесты он выражал через молчаливое упрямство, которое поражало всех, кто имел с ним дело.

— Да что за наказание! — со слезами в голосе, отчаянно вскрикнула Ася.— Тетя Павла!

Павла подскочила к телеге, легко выхватила Гришаху, и он поплыл к крыльцу, и поплыл его взгляд, в котором не таился, молча выплескивался наружу недетский упрек мне, слезливой Асе, всему миру, пропитанному, как губка, несправедливостью.

А наша Павла, этот аккуратный пенечек, втиснутый в белый халат, обрушивала на возчика свой праведный гнев:

— Опять едва носилки по дороге не утерял? Шо за чоловик такый? Куды ж твои очи глядели, чурбак бесчувственный? А ты чего молчишь? — перепало и мне.— Куры заклюют, молчать будет!..

Возчик не торопился докурить папиросу, сплюнул под ноги тугую слюну, спросил с напряженной усмешкой:

— Куды глядел, пытаешь? Уперед, куды ж ишшо? Я в няньки не нанимался!

Лошадь снова потянулась ко мне. Она была грязновато-белого цвета, а в большом темном глазу, которым она разглядывала меня, дрожал светлый блик ласкового любопытства.

Возчик тронул вожжи, но лошадь еще налаживала со мной добрые отношения и почти не отреагировала на приказ.

— Ось стерьва-а! — с тихим ожесточением удивился возчик и так зло дернул вожжи, что лошадиная морда резко вскинулась, всхрапнула, и новая моя знакомая, благоразумно опомнившись, потянула за собой телегу, задевая за низкие лапы елей и сбивая с них дождевую росу.

Близко от моего лица прокрутилось тяжелое деревянное колесо.

2

— Та на кой тебе та лошака? — смеялась Павла, когда я вспоминала лошадь.— В другом месяце нам машину обецали, а эту старую клячу вместе с хозяином спишут на пенсию.

— А коням пенсию не плотют,— мрачно уличила Павлу девчонка из соседней палаты.

Она сидела в коридоре на высоком стуле и с его высоты взирала на снующий мимо санаторский народ. Маленький судья в ситцевой рубашке.

В коридор высовывались головы:

— Тетя Павла, миленькая, к нам!

— Иду, иду, мои голосистаи! — пела Павла и торопилась к тем, кто терпел бедствие.

Окно нашей палаты выходило на тихую скучную улочку. Утром среди редких прохожих мы примечали грустного толстяка в мятой шляпе. Он шел по противоположной стороне улицы вдоль ажурной решетки запущенного городского парка. Шел, сосредоточенно глядя под ноги. Напротив нашего окна он словно натыкался на невидимую преграду, останавливался и, подумав, осторожно поднимал голову, не веря, видимо, что мы и сегодня торчим у окна.

Но разглядев нас, он грустно улыбался, махал нам шляпой и раскидывал в стороны руки, как циркач, пытаясь пройти по острому ребру тротуара. Во всей его фигуре, похожей на шар, появлялось необыкновенное изящество. Потом его рука подхватывала невидимую дирижерскую палочку,

и начинал звучать невидимый оркестр. Толстяк клонил к плечу голову, внимательно вслушивался в отдельные звуки, сливающиеся, вероятно, в большую прекрасную мелодию, и счастливо улыбался.

Сначала мы смеялись, глядя на нелепо размахивающего руками толстяка, не видя ничего, кроме того, что вот стоит немолодой человек самой обыкновенной наружности и валяет дурака перед санаторскими окнами. Наверняка его приметили и в других палатах, но он почему-то оставался верен нашему окну.

Потом, вспоминая этого случайно мелькнувшего в жизни человека, я думала о том, что он все же научил нас слушать неслышимые звуки. Мы замирали перед окном и молча смотрели в его подвижное лицо, угадывая то, что слышит он.

Марьянка, наша тихая, ясноглазая Марьянка, откинув костыли, вдруг легко полезла на подоконник, распахнула форточку и закричала ликующе:

— Вы кто?..

Толстяк замер в растерянности с поднятой рукой, в которой была зажата дирижерская палочка, медленно опустил руку, восхищенно разглядывая рыжекосую девочку, похожую на вызревший подсолнух.

— Кто вы? — звонко повторила Марьянка.

И он, взмахнув руками, будто собирался взлететь, улыбнулся и крикнул в ответ:

— Настройщик! К вашим услугам!..

И поклонился.

— А что вы настраиваете? — продолжала допытываться Марьянка, и мы удивленно смотрели на нее снизу вверх.

На круглом ее лице, густо запорошенном веснушками, грустью и ожиданием, которые, как фокусник, передал ей настройщик, светились чистые глаза.

— Музыкальные инструменты! — радостно ответил толстяк, подумал и добавил с сомнением: — Иногда удается настраивать человеческие души. Иногда, потому что я не очень хороший настройщик.

— Вы хороший настройщик,— сообщила Марьяна, и он благодарно склонил голову.

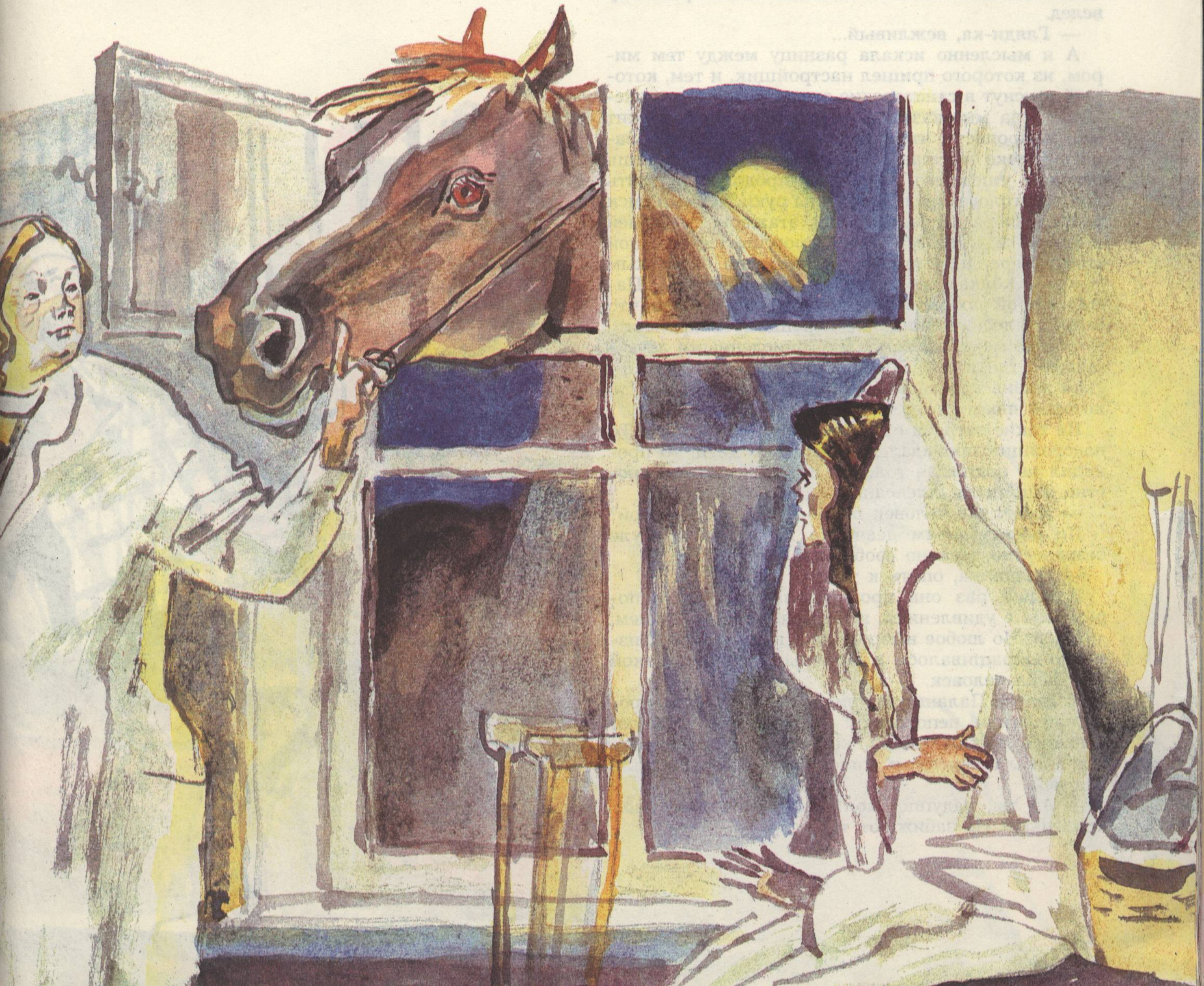
Девчонка, сидевшая на высоком стуле и смотревшая в распахнутую дверь нашей палаты, как в теплый колодец, мрачно молвила:

— Закрой форточку, дует.

По коридору мчалась Павла. Мы издалека узнавали ее шаркающую, но летящую поступь. Казалось, Павла боится далеко отрываться от земли, ей необходимо ощущать ее верную близость.

Она шла на хорошей скорости, по нашим предположениям, должна была проскочить мимо. Но Павла обронила взгляд в распахнутую настежь дверь и судорожно зацепилась за порог, чтобы скорость не унесла ее дальше. И завелась:

— Марьянка, ты шо, сдурела, голубка? Ты шо со мною творишь? А ну, слазь сей момент! Свалишься!..

Марьянка нехотя оглянулась. Лицо ее горело радостью и не готово было отразить Павлины страхи. Веснушки на ее лице дрожали от смеха.

— Лупаешь своими ясными очами, а сама стрыбаешь по верхотурам, как макака, прости господи! — сердилась Павла.— А мне за тебя головы не сносить. Ты хочешь, штоб Павла без головы ходыла.

— Она хочет,— мрачно подтвердила девчонка на высоком стуле, и крупные выпуклые глаза ее смотрели на всех с непонятным коварством.

Александра, самая старшая из нас, стояла, по-бабьи сложив на груди руки. Смотрела и улыбалась чуть снисходительно, иронично, с непонятной тоской.

— Чего в молчанку играешь, ты тут за старшого,— возмутилась наша Павла.

Александра болезненно усмехнулась, произнесла простуженно:

— Я б и сама стрыбанула, не к форточке, а за окно. Если б могла.

Павла безнадежно махнула рукой: все ее тревоги разбивались о нас, как о камни, и она обратила свой гнев на пришельца, с недоумением взиравшего на суету за нашим окном. Павла, кряхтя, взгромоздилась на освободившийся подоконник, погрозила настройщику кулаком, крикнула с обидой:

— Иди своей дорогой, мил человек, иди. У тебя своя жизнь, а тута своя...

Он улыбнулся виновато, снял шляпу, раскланялся и пошел. Павла с сожалением смотрела ему вслед.

— Гляди-ка, вежливый...

А я мысленно искала разницу между тем миром, из которого пришел настройщик, и тем, который втиснут в санаторские стены. Бывали мгновения, когда мне казалось, что между ними лежит теперь пропасть, что прежняя моя жизнь оборвалась далеко и страшно. Память приносила лишь осколки ушедшего. И в них продолжали жить близкие голоса, теплые мамины руки, черный диск репродуктора на старенькой этажерке в нашей комнате, в которую скупо просеивался дневной свет с веранды, путешествия по всем окрестным улицам, колкая земля под босыми ногами. Память порой захлестывала так сильно и больно, что мне казалось: никогда не перешагнуть пропасти, что легла между домом и многочисленными лечебницами, где я побывала за эти годы. И санаторская жизнь казалась скучной и медленной рекой, которая нехотя тянула нас вперед.

Но такие встречи случались не каждое утро. То настройщик пропадал на несколько дней, то проходил не поднимая головы. В такие дни его яростно защищала Александра:

— Имеет же человек право быть самим собой?

По воскресеньям девчонка на высоком стуле безрадостно, мрачно сообщала:

— Паланина, опять к тебе!..

Каждый раз она произносила эту фразу поразному: с удивлением, недоумением, сожалением, досадой. Но любое вызревшее в ней чувство неизменно окрашивалось в мрачные оттенки. Такой она была человек.

К Таиске Паланиной приезжала бабушка — родители жили неподалеку от города. У старухи тряслись рыхлые щеки, когда она, как котенка, оглаживала Таиску и жалостливо приговаривала над ней:

— Ах ты, чадушка моя! Дождалась бабу, моя краленька? Не забижают тут тебя?

Подозрительный взгляд доставался независимой Александре.

Толстая, похожая на булку Таиска распускала мягкие губы, скромно отводила темные хитрые глаза и пряталась за подушку.

Старуха выкладывала из сумок румяные коржики, конфеты, плюшки с повидом. И в палате, глуша стойкие запахи лекарств, разливался сладкий, домашний дух. Марьянка прикрывала глаза, на нежных щеках вспыхивали неровные пятна. Она жадно вдыхала родные запахи и тихо, умиротворенно говорила:

— Хатой нашей пахнет. Маманя на пасху точно такие печет. Неверующая, а печет. Весну пирогами встречает. Все деревенские испробуют. В хате праздником пахнет. Дверь в сенках не закрывается, грязи пуд наносят. Маманя вынесет в миске плюшки и шанежки под окно. Тут уж нам раздолье!..

Старуха чутко ловила слова, торопилась затолкать плюшки в пакет — с глаз долой. Марьянка наконец поняла старухины страхи, мучительно покраснела, руки задрожали от стыда. А Александра смотрела на нее с ласковой усмешкой, как смотрят на меньших и несмышленых.

Уходя, старуха совала нам карамельки, норовила запихнуть прямо в руки, бормоча сердитое:

— Ешьте! Чтоб не подумали на бабу, жадная.

Александра вцеплялась худыми хваткими руками в костыли — на тыльной стороне вздувались, как тонкие шнуры, синеватые старушечьи вены,

жестко стискивала губы и отворачивалась от подарков.

— У-у, злыдень! — шелестела ей в спину старуха и совала карамельки нам с Марьянкой.

Старуха уходила, оставляя после себя душный запах дома, который теперь казался чужим. Он и на самом деле был чужим, близкий Таискин дом. Александра смотрела на нее своими насмешливыми зеленоватыми глазами.

Девчонка на высоком стуле нехотя жевала подаренные нам с Марьянкой карамельки и пристально разглядывала Таиску.

Таиска под ее взглядом крутилась, сопела, беспокойно ощупывала свое лицо, отворачивалась, но не выдержала, крикнула басом:

— Ну чего глядишь? Бабушка говорит: как филин на болоте!

Круглые глаза девчонки-филина беспомощно моргнули и вновь уставились на Таиску. Таиска некоторое время зависимо смотрела на нее, не могла уйти от ее взгляда, но ушла, закрыла голову руками, выставив локти, и заверещала отчаянно, как заяц, поддаваясь непонятному страху.

— Да не трогаю я ее,— мрачно сказала в свое оправдание девчонка.

Тут был свой мир, свои привязанности и законы. Для тех, кто в этот мир не входил, не переступал порога, он казался иным, не похожим на привычный, тот, который двигался, спешил, спорил, смеялся, бежал за санаторскими окнами. Оттуда, издалека, он виделся похожим на лик безумца: разве это жизнь?! И только мы, его обитатели, видели его таким, каким он был на самом деле — медленным (потому что все средства передвижения — коляски, костыли, палки — не могли заменить здоровых ног, бодро и безмятежно топчущих землю, но душе все равно не поспеть за резвыми ногами), беспомощным, но смешливым, жаждущим дружб, разлук, любви, сентиментальным и жестким, не делающим скидок,— перед бедой все равны, и все-таки снисходительным к более слабым, разбитым физической болью, которая тоже лепила в человеке всепрощающее терпение. То, что прощали одному, не спускали другому. Рост души не зависел от неподвижности, он неумолимо делал свое дело.

Вечером Павла взваливала на закорки Гришаху и приносила его в нашу комнату.

— Вот привезла вам прынца заморского! — весело оповещала она.— Кукситя, паршивец!

Гришаха держался за нее крепко, как клещ, и в счастливой улыбке открывал рот, опровергая ее последнее утверждение.

— А я говорю, кукситя,— вновь утверждала Павла.— К вам просится.

Она шлепала Гришаху по тощему задку — шило! — и привязывала мальчишку к стулу полотенцем, а стул к кровати. Ходить Гришаха не мог, но на стуле вертелся так, что протирал штаны, сваливался и умудрялся набивать приличные шишки. Как говорила Александра, трудовые мозоли.

3

Банный день был праздником, если совпадал с дежурством Павлы.

— Баня, девчатки, ба-аня! — призывно пела главная нянечка, заглядывая в палаты и звонко хлопая ладонями.

Был стылый серый день поздней осени, насквозь пропахший сгоревшими листьями, промерзающей по ночам землей. Утром даже из окон было видно, как мелкие лужи подергивались ледяной коркой, которая к обеду плавилась, истончалась к берегам, но надежды на тепло уже не было, хотя днем еще носились в воздухе стойкие запахи осени — завтра льдом вновь погасит в лужах слабое отражение низкого неба.

Мы купались последними. Павла с нами мирилась, не торопилась выпроваживать в палату, хотя хлопот ей хватало.

Павла, вся промокшая до нитки, запахивала на груди и животе хлюпающий халат, бегала от одного крана к другому, шлепая вброд по горячим рекам. Девчонки озорничали, вовсю включали воду, и туманные водяные шатры душа, исходящие паром, колкой мокрой пылью, ненадежно укрывали их от Павлиных глаз.

Я крутила во все стороны головой, следила за перемещающейся Павлой, боясь оторваться от нее.

Александра, выныривая из горячего душа, набирала в ладони холодной воды, опускала в нее лицо, и виднее становились болезненно выпуклые позвонки. Марьянка обливалась водой из таза, и крепкие потоки словно обнимали, скручивались вокруг ее тонкого тела, плотно приклеивая к коже тяжелые от влаги пряди потемневших волос. Марьянка с трудом отдирала, отрывала, как веревки, длинные пряди, и они опять, на короткое время обретя живую гибкость под потоками воды, больно прилипали к телу, опутывали Марьянку, как ползучие травы.

От окна потянуло холодом, остро, знобко. Как будто из прохудившейся кастрюли потекла стылая струйка. Потное, разгоряченное тело Павлы уловило просачивающийся наружный дух.

— Что такое? — забеспокоилась, закричала она, перекрывая гул воды, и двинулась к окну.

Я жадно глотала холодный воздух, зная, что добром это не кончится. После банного пара прохлада приносила обманную легкость. Я уже начинала догадываться о причине случившегося и тихо, беззвучно смеялась.

— Чего смеешься? Чему радая? — успела возмутиться Павла, проплывая мимо на всех парусах.

Едва она подошла к белому окну, как приоткрывшаяся форточка с треском распахнулась, и в небольшое пространство втиснулась лошадиная морда. Я увидела подрагивающие губы моей знакомой.

— Пош-шла отсюдова! — твердила Павла, выпихивая из форточки лошадиную морду.

— Тетя Павла, это моя лошадь! — завопила я от распирающей меня радости и потянулась руками к окну.

— Не дури! — предупредила Павла.

— Не гоните! — просила я.

— Шо ж, я должна в баню ее впустить?..

Марьянка засмеялась и звонко предложила, будто лошадь уже вошла под душ:

— Мойся, тетя Лошадь, за компанию! Мы потеснимся, чего там!..

— Свиристелки! — обиделась Павла и пыталась форточкой вытеснить нежданную гостью. Лошадь подалась назад, форточка захлопнулась, но едва Павла отвернулась, снова распахнулась, и лошадь миролюбиво потянулась к Павлиной косынке.

— Ах ты, старая кочерыжка! — вскипела Павла.— Застудишь мне девчонок, с меня спрос.

Утечка тепла прекратилась, а мне все казалось, что за мутным окном стоит, мается моя знакомая старая лошадь, с обидой глядя на непрозрачное окно.

Павла наклонилась ко мне, зашептала жарко, как шепчут, когда переполняются радостью, которой с лихвой хватило бы на всех:

— Ох ты, господи! Держись руками покрепше за шею, а то плюхнемся с тобой в разливную речку. Держи-ись!..

Павла смеялась, ловко крутила краны, весело выкрикивала, смотрела сквозь пар просветленными, сияющими глазами, словно отмывала нас от ненажитых еще грехов, отмывала на несколько лет вперед. И вдруг она остановилась посреди банной кутерьмы — шума воды, пара, звонких счастливых голосов, растворивших в себе тревоги и боли теплых мокрых девчоночьих тел.

Она и запомнилась такой — влажной, горячей, с красным безбровым лицом. Наверное, человек помнится чаще в той ситуации, где он открыт беспредельно перед собой и людьми.

Она прикованно смотрела на Марьянку, смотрела так, будто видела ее впервые, будто разглядыва-

вала в ней то, что недоступно разглядеть нам. Все заметили остановившуюся Павлу и замолчали — не заметить ее было невозможно. Она стояла босиком в обтекающей ступни воде, мокрый отяжелевший халат прилипал к голому телу, по лицу суетливо катились росные капли пота, смешиваясь с водой. И ощущалась во всей ее фигуре непривычная для нее покорность.

И лишь Марьянка ничего не замечала, крепко стискивала веки, забрасывая, как веревки, за спину пряди волос, улыбалась и медленными движениями руки снимала стекающие по лицу струйки.

Павла покачивалась в горестном раздумье.

— Ох, девчатки,— сказала тихо, услышали все,— та яки ж вы красыви-и...

Наверное, пожалела нас в тот момент. Но не той жалостью, какой жалеют больного немощного ребенка, а по-бабьи горько, от души, без злого умысла. Только Марьянка застыла с поднятыми руками. Веки ее какой-то миг еще были стиснуты короткой сиюминутной радостью, а потом медленно распахнулись, обнажив подспудно вызревшую в черных зрачках боль. Марьянка смотрела на нашу Павлу с печальным недоумением, вода скатывалась с ее плеч и застывших в последнем движении рывке рук.

Александра колюче глянула на Марьянку, на Павлу, на всех ждущих чего-то девчонок, произнесла, проскрипела простуженно и безжалостно:

— Не рыдай, Марьяна, женихи не пропадут, другим достанутся.

Павла поняла, что лишнее скатилось с языка, прихлопнула ладонью рот и смотрела на Александру покаянно. Единственный случай, когда Павла была кругом повинна. И она непривычно суетилась, замаливала грехи.

В предбаннике, так Павла называла комнату с вешалками и деревянными скамьями, девчонок не торопила, зная, что мы любим посидеть здесь, когда санаторский народ схлынет и ослабнет контроль старшего воспитателя.

Ранние сумерки густели по углам, Павла щелкнула выключателем — под потолком вспыхнула тусклая лампочка.

— А заспивай, Марьянка, сердынько мое,— попросила Павла.

Марьянка собрала на затылке волосы, закуталась в простыню, привалилась плечом к деревянной стенке. Павла любила недолгие эти минуты, когда Марьянка пела в теплом, не успевшем остыть предбаннике. Но петь она начинала не сразу, долго вздыхала, будто расставалась с жизнью, и тихо улыбалась.

— Я о прошлом теперь не мечтаю,— пела Марьянка, и гибкие ее пальцы слегка шевелились, словно помогали скручивать тонкую нить песни, в глазах стояла безысходная бабья тоска.

Павла прислонилась плечом к дверному косяку, прикрыв глаза и едва приметно покачиваясь. Наверное, это означало, что она подпевает, поддерживает песню. Даже девчонка, снятая с высокого стула, здесь сидела на скамейке, подняв острые

плечи и до предела втянув в них голову, жадно смотрела на Марьянку.

И тут Павла, странно глянув на запотевшее окно — мне показалось, там маячила грустная морда моей знакомой лошади,— оттолкнулась от дверного косяка, торопливо сказала завернутым в простыни девчонкам, чтобы играли вальс. И наш «оркестр» забубнил, повел мелодию вразнобой, набирая заказанное Павлой веселье. Каждая пела по-своему: Марьяна — чисто и ровно тянула гласные, и пение ее было похоже на искусное плетение, в котором звуки парили, ликовали, круто закручивались в складках летящего платья. Александра пела сдержанно, негромко — простуда сидела в ней крепко. Две девочки выводили звенящими срывающимися голосами, изо всех силенок подражая Марьянке.

Я размахивала руками, помогая себе и не стыдясь чужих глаз, потому что начинала уже понимать, кто за окном и что встречи с такими людьми, как наша Павла, станут копить в душе силы, которые крепко и прочно будут держать нас на трудной и верной земле.

— «Сказки Венского леса»! — с неожиданной радостью закричала девчонка-сова и ударила в ладони, шлепок получился звонким, как всплеск воды.

Голова ее с мокро прилипшими ко лбу волосами всплыла над острыми углами плеч. Я вспомнила слова Павлы: здесь своя жизнь...

Я неотрывно смотрела на девчонку и не уберегла, потеряла тот момент, когда Павла двинулась к Александре. Обернулась, увидела, что Павла стоит уже перед ней, и Александра изящным движением распахнула простыню и обозначилась на ее светлом фоне тоненькая, с выпирающими ключицами, в рубашке с узенькими бретельками. Она посмотрела на крепкие руки Павлы, серьезно спросила со счастливой улыбкой:

— Удержите, тетя Павла?

— Та моя ж рыбонька! — с праведной жалостью возмутилась Павла.— Да такую пушинку?..

Если не смотреть на ноги, которыми Александра почти не касалась пола, можно поверить в Павлин обман: они танцевали легко и красиво. И лишь иногда Павла, словно проверяя, позволяла Александре коснуться пола, ощутить под ногами его прохладную твердь. И тогда та будто спотыкалась, и на лице ее на короткое мгновение, как электрический разряд, вспыхивало отчаяние. Но руки у Павлы были сильные и надежные.

В стекло забарабанили резко и требовательно, и оно отозвалось судорожным звоном — плохо было закреплено в раме. Все обернулись. Сумерки не дали разглядеть, кто рвется в предбанник. О стекло расплющилось лицо, получилась бесформенная маска.

— Откройте!..

Крик звучал как «Именем короля!..», как стихийное бедствие, от которого никуда не укрыться и нельзя отменить.

— Откройте сейчас же! Я приказываю!..

Павла опустила руки, и Александра, теряя опору, привалилась к ней.

— Зина...— безнадежно вздохнула Павла.

Зина Илларионовна, старший воспитатель, имела весьма дурное, как нам казалось, свойство появляться там, где ее меньше всего ждали. Свойство это, видимо, не тяготило ее, не портило ей жизнь. Наоборот, она была переполнена удовлетворением, если заставала нас врасплох.

Она была прочной женщиной, точно собранной из квадратов разной величины. Квадраты — очки, лицо, широкие плечи, крепкие каблуки. В этом сочетании ощущалась своя гармония. Четко выраженные геометрические формы придавали ее облику непробиваемый, завершенный вид.

Крючок заплясал в свободной петле и завис круто загнутым пальцем.

Зина Илларионовна стояла на пороге предбанника с готовностью сокрушить любое препятствие, но препятствий, кроме покорившегося крючка, не было.

— Танцуете? — ехидно спросила она.— Самодеятельность развели?

Обвела нашу спетую компанию испытующим, цепляющимся за каждую мелочь взглядом.

— Та-ак? Поете?

Взгляд ее всегда обламывался на Марьянке, вечной запевале. Марьянка покорно вытягивалась под ее взглядом и густо краснела.

— Во-первых,— сказала Зина Илларионовна, переполняясь искренним чувством собственной значимости,— аудиторию для своих вокальных упражнений Марьяна выбрала не совсем удачно...

И было непонятно — то ли она имела в виду обшарпанные стены, с которых местами, как обожженная кожа, кусками сползала штукатурка, то ли притихших девчонок, зябко кутающихся в простыни.

— Во-вторых.— Она шумно, как лошадь, мотнула головой.— Петь песни о любви... Вы пока не перешагнули тот возрастной барьер, за которым, как ошибочно полагаете, все дозволено...

Она победно оглядела онемевшую аудиторию, наверное, имея в виду все-таки нас, а не стены.

Александра уже стояла у стены, сложив на груди руки. Костыли торчали у нее под мышками, как обломанные крылья, не способные удержать ее легкое тело.

— Русские песни, по-моему, можно петь с пеленок, они никому не испоганят душу,— произнесла она, даже банное тепло не отогрело ее охрипшее горло.

— Точно, дивчинка,— обрадовалась Павла. Но Зина Илларионовна не удостоила ее взором, она не мигая смотрела сквозь квадраты очков на стоявшую у стены Александру.

— Вам,— едко заметила Зина Илларионовна,— не следовало бы вступать в подобные споры, рано иметь свое мнение...

— Почему? — с неровной улыбкой перебила ее Александра.

— Видите ли...

И обожглась о бесовский прищур Александриных глаз. Александра вкрадчиво поинтересовалась:

— Я еще не достигла того возрастного барьера?..

— Александра!

Павла неожиданно заторопила нас, бестолково натыкаясь на вешалки и скамейки:

— Чего тута расселись? А ну, марш на процедуры!

Она не предавала нас, нелепо отводила беду, тянулась перед Зиной Илларионовной, как солдат — руки по швам, пятки вместе, носки врозь; а глаза ее часто моргали, словно хотели изгнать скорыми слезами соринку.

— Что за околесицу вы несете, Павла? Какие вечером процедуры?

— Вечерние,— безмятежно и примитивно врала наша Павла.

— Ура вечерним процедурам! — тихо и четко сказала Александра.

И мы неожиданно поддержали — в такие тревожные минуты мы крепко держались друг за друга.

— Процедурам! Ура! — шепотом выкрикнула Марьянка.

— Уколам — привет! — радостно поддакнула Таиска.

— Массажу — наше с кисточкой! — мрачно поддержала девчонка-сова, не терпевшая массажи из-за сильных болей в суставах, и требовательно глянула на остальных девчонок.

— А о капельницах забыли? — запальчиво напомнила я, с содроганием чувствуя, как коллективная лихость помимо моей воли несет меня, захлестывает, и от этого уже никуда не деться, потому что мы все превращаемся в сложный неуправляемый механизм.

Зина Илларионовна едва успевала поворачивать голову на тихие бунтарские выкрики.

— Ах, вы так? — Она мстительно поджала губы, и за толстыми стеклами очков бесплотно дрогнули размытые диоптриями глаза.— Вы так? — растерянно повторила она.

Павла за спиной Зины Илларионовны подавала нам отчаянные сигналы бедствия — махала руками, мотала головой, хватаясь за пылающие щеки, даже грозила кулаком, но укротить нас уже не могла. И потому в ее глазах копилась горючей слезой жалость к старшему воспитателю. Но последние слова хлестко ударили в нашу Павлу.

— Я с вами еще поговорю! — неожиданно звонко выкрикнула Зина Илларионовна.— У главного!.. Завтра же!.. Непременно!..

Павла опустила руки, пусто глядя ей в спину. Она силилась что-то сказать, но Зина не глядя прошла к двери. Мы не смотрели на Павлу, а она суетливо помогала одеваться, чтобы поскорее выпроводить нас из бани. Простыни летели на пол, она комкала их и запихивала в мешок. Мы послушно подчинялись ее суете.

И тут снова дрогнула едва прикрытая дверь, в щель всунулась голова Зины и с прежним нерастраченным напором оповестила:

— Завтра — ты, ты и ты! — указующий перст остановился на мне, Александре и Марьянке.— К главному!

На этот раз дверь захлопнулась плотно, лишь безвольно болтался, тихонько вскрикивая, раскачивался крючок. Павла вытирала лицо скомканной простыней.

4

Проснувшись, можно думать, что ничего не случилось, что мир так же крепок и надежен, как прежде. Можно прикоснуться пальцами к запотевшему от наружной стылости стеклу и ощутить холодный бег капель. Как собранные в щепоть слезы, они прочертили искривленные прозрачные дорожки-полосы, в которые уже неуверенно глядел искривленный, разбуженный день. Воля ваша — начертите на стекле круг, и день послушно ляжет в него. Но только зачем?..

Словом «можно» пытаюсь неумело раздвинуть границы возможного. Например, можно надвинуть на голову подушку и не слышать четкие шаги за дверью палаты. Мы, конечно, сразу узнавали эти шаги, как узнавали и Павлину поступь. Зина часто останавливалась у нашей двери и убийственно молчала.

Главный врач вошел к нам шумно, иначе он не мог. Он был велик ростом и толст, крупная голова с неуправляемой черной гривой волос круто клонилась долу, чтобы разглядеть — что там, ближе к земле? Ближе были мы. И смотрели на него как на гору. Главный незыблемо стоял, тер бороду — казалось, слышен был характерный треск электрических разрядов. Он погрозил толстым пальцем и спросил страшным бармалеевым голосом:

— Хулиганите?..

Мы глупо молчали. Таиска поморгала и полезла за подушку. А Марьянка, главная грешница, снизу вверх бесстрашно смотрела на Марка Кузьмича.

Марк Кузьмич хитровато покосился за плечо и сказал:

— Что смотрите? Защиты ищете? — И по-мальчишески признался: — Я и сам боюсь эту тетку. Больно сурова. А с педнаукой тягаться сложно. Но тсс-с! Хулиганить — все равно не по правилам. Усвоили?

— Усвоили! — дружно гаркнули мы.

В дверях мелькнуло смятое жалкой, ничего не понимающей улыбкой лицо Зины. А главный опустил ручищу на пушистую голову Марьянки, неловко провел по волосам и, перевирая ее имя, попросил:

— Ты спела бы, Марья, а? А то неизвестно, из-за чего сыр-бор...

Марьянка вздрогнула, опустила глаза. Мы думали, она, как обычно, долго будет молчать, вздыхать, боясь неверно начать песню, но она вскинула рыжую, цвета подсолнуха, голову и завела уверенно, сильно, чисто, с неподдельной радостью глядя в удивленное бородатое лицо.

Самостоятельно нам разрешались прогулки на площадке, огороженной плотной сеткой.

— Детки в клетке,— бурчала Александра, просовывая пальцы в ржавую решетку — на пальцах оставались красные следы ржавчины.

Павла вытолкнула нас без «толкача» — нужно самой крутить колеса — за ворота, крикнула:

— Держитесь у края тротуара. К обеду вернетесь?

Знала, что вернемся — улица была короткой, упиралась в зимний пустынный пляж — и не стала ждать ответа. Улица пуста, ни прохожих, ни машин, здесь всегда стояла почти заповедная тишина. Мы вольно двигались по середине дороги. Я не могла быстро крутить колеса. Марьянка и Александра брели поблизости — не отставали и не прибавляли шагу, и потому общая скорость была — две черепахи в минуту.

По улице тащилась бездомная собака, она внимательно осмотрела нас, подумала, пристроилась к нашей компании, решив, видимо, что мы поладим.

В такие минуты в обманной пустоте обжитого людьми пространства мы принадлежали самим себе и нами овладевала светлая грусть свободы, когда мы никому не нужны, кроме разве что бродячей собаки, когда от недолгой свободы кружится голова.

На пляже бродили мальчишки, они без особого интереса поглядывали на нас, свистнули собаке. Наш собачий попутчик с любопытством смотрел на них — что можете предложить? Мальчишки предлагали то, что не могли мы,— бег по длинному, бесконечному пляжу.

— Эй, цуцик! — кричали они,— давай сюда!

И собака, растерянно покрутившись у коляски — мол, что тут поделаешь, все мы жертвы

соблазна! — подобралась всем телом и прыгнула на песок. Лапы ее выбили рыжие фонтанчики песка. Мальчишки завизжали от восторга и помчались вдоль воды, собака неслась следом, высоко вскидывая зад. А мы с Марьянкой смеялись, наблюдая, как мальчишки пытались обмануть собачьего приятеля — тормозили на песке и круто поворачивали вспять. Собаку проносило мимо, недоумение не сразу останавливало ее, она крутила башкой, оглядывалась на хохочущих мальчишек и снова неслась за ними.

Но улица за нашей спиной ожила, мы оглянулись и увидели в ее начале наш экипаж, он приближался быстро, разбивая заповедную тишину. Возчик глыбой сидел на обычном месте, управляя лошадью. Зато необычным пассажиром была не терпевшая конной тяги Зина Илларионовна. Лицо ее сначала маячило бледным пятном.

— Ага, вот вы где! А ну немедленно в санаторий!..

Мальчишки стояли разинув рты, собака дружелюбно облаяла Зину, встряхивая вислыми ушами, как тряпками.

— Чья собака? Уберите собаку! — требовала Зина Илларионовна.— А, Мельникова-Печерского к тому же читаете?

Александра перекинула на грудь сумку с запретной книгой.

— Чего вы на них орете? — недобро крикнул кто-то из мальчишек в Зинину спину.— Они же в воду не прыгали!..

Зина не оглянулась, она, как пастух, шла за нами следом. Ей приходилось приноравливаться к нашей скорости, я честно пыталась прибавить ходу, но руки срывались с ободов и суета рук ничего не меняла. Она торжественно довела нас до кабинета главного, бросила нам вслед солдатское словечко «Самоволка!» и прикрыла дверь.

Марк Кузьмич устало поднял голову, посмотрел на нас, вздохнул:

— Опять вы...

И вдруг оживился.

— Осенью пахнет! Ах ты, опять осенью!.. А я забываю о времени, все как-то, понимаете, некогда...

Александра вытряхнула из книги прямо на стол ворох еще не засохших, пахнущих сыростью листьев. Марк Кузьмич грел их в руках и жадно вдыхал их запах.

— Мельников-Печерский? — Он взглянул на Александру.— Ну что ж, я «Смерть Ивана Ильича» читал в восемь лет...

5

За несколько дней до отъезда дворник Петрович любезно распахнул перед нами калитку. Впереди осторожно двигались на костылях Марьянка и Александра, сзади суетилась Павла, по очереди подталкивая коляски — мою и девчонки-совы, у которой оказалось звонкое, как удар колокольчика, имя Динка.

Зина Илларионовна раскинула перед нами руки:

— Куда?

Павла прикрыла нас широкой спиной и ласково пояснила:

— Та у гости позвала девчаток. По дому девчатки соскучились...

— Кто разрешил?

Петрович растерянно топтался у калитки, не зная, проявить ли великодушие и выпустить нас на волю или не ослушаться Зину Илларионовну.

— Главный и разрешил.— Павла с легкой доверчивостью смотрела в переносицу Зине.— Сказал: «Та берить их, Павла, вам доверяю этих пигалиц...»

— Именно вам? — Зина Илларионовна стояла перед нами тяжелая, громоздкая.— Несколько лет назад это бы назвали вредительством. Вы понимаете? А сегодня — вседозволенное безумие...

Павла молча переступала с ноги на ногу. Мы переглянулись и тихо двинулись на Зину, теснили ее к воротам, и она пятилась, глядя на нас удивленно. Ей пришлось отступить, и Петрович радостно кинулся к калитке, деликатно распахнул ее перед нами, склонил голову. Павла металась между двух колясок, а старший воспитатель, ухватившись за металлические прутья, крикнула:

— Что вынесут дети из вашей обители?..

Павла не услышала — колеса гремели на выбитой, искореженной дороге, а мы не оглядывались, но долго ощущали затылками Зинин пронизывающий взгляд.

Павла пробовала толкать сразу обе коляски, но ничего не получалось.

— Замотали вы меня, голосистаи! Как ошпаренная мечусь промеж тачками!..

Настройщика я увидела издалека. Маленький, толстый, он странно петляющей походкой шел навстречу, и, когда приблизился, в его глазах стала заметна растерянность. Он узнавал и не узнавал нас. Видно, за санаторскими окнами мы выглядели как-то иначе. И только ухватив взглядом рыжую Марьянку, успокоился. Шагнул в сторону, навстречу, едва мы поравнялись. Павла не успела затормозить, и коляска ткнулась в толстяка, но он не отступил, только потер ушибленную коленку, снял помятую временем шляпу, склонил лысую голову перед Павлой и глянул светло и добро.

— Эт-то вы? — почему-то заикаясь, спросил он, и непонятно, к кому были обращены его слова — к нам или Павле.

— А вы больше не настраиваете музыкальные инструменты? — громко спросила Марьянка, странно обретавшая смелость при виде этого человека.

— Почему вы так решили? — удивился настройщик, не умея погасить в себе печаль.

— Вы теперь не ходите мимо наших окон!..

Он виновато улыбнулся, торопливо нахлобучил на блестевшую лысину шляпу, и за него как-то стало спокойнее — воздух поздней осени был ненадежно прогрет солнцем.

— Нет, инструменты я настраиваю — профессия! — Он развел руками и посмотрел на Павлу.— Просто пришлось выбрать несколько иной маршрут...

— Да простите вы меня, дуру, за ради бога! — закричала Павла громко и покаянно, прохожие оборачивались на ее крик.— То я ж думала: лиходей!..

— Я понимаю...— Он, как мог, оправдывал ее, все-таки робея, неуверенно предложил:— Я могу помочь.

— А давайте! — обрадовалась Павла.

Настройщик подпрыгнул, радостно потер руки и, обежав полукруг, занял за моей спиной освободившееся место и толкнул коляску. Дело пошло веселее, теперь мы с Динкой двигались рядом и могли взяться за руки.

— А ось туточки я и живу, мил человек,— счастливо, чуть задыхаясь, говорила Павла.— Ось туточки. Только улицу минуть...

ФАКТ

(серьезно-новогодний выпуск)

Скоро Новый год. А потому наш 12-й выпуск будет веселым. Готовься, читатель! В путь...

НАБОЛЕЛО

В этой рубрике мы решили поместить анекдот про «Ласковый май». Вот уж действительно наболело!

«Приятель рассказывает приятелю:

— Знаешь, я вчера ходил на концерт «Ласкового мая», но не уверен, что это были они...

— Сколько стоил билет?

— 8 рублей.

— Пели под фонограмму?

— Мне кажется, да...

— Тогда не волнуйся: это был «Ласковый май»!

Прислала Юлия из г. Калиново Свердловской области.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

А сейчас мы представляем твоему вниманию анекдоты про Штирлица. Ребята очень интересуются, хотят понять, как работалось нашему разведчику в тылу врага?!!

«Штирлиц и Мюллер едут в автомобиле. Мюллер спрашивает:

— Штирлиц, где вы так научились водить машину?

— В ДОСААФ,— ответил Штирлиц и подумал: «Не сболтнул ли я чего лишнего?»

«Что-то отличало Штирлица от жителей Германии. То ли мужественный профиль, то ли волевая осанка, то ли парашют, волочившийся за ним...»

Прислала Алиса, г. Кемерово.

«Борман шел по стройке. Сверху на него упал кирпич. «Вот те раз»,— подумал Борман, поднимая голову вверх. «Вот те два!» — подумал Штирлиц, бросая вниз второй кирпич».

Прислал Алексей Рябинов, г. Иваново.

«Штирлиц зашел в кабинет. Борман сидел в ушанке, тулупе и валенках, играл на балалайке. «Ты чего?» — спросил Штирлиц. «Не один ты по Родине скучаешь!» — ответил Борман».

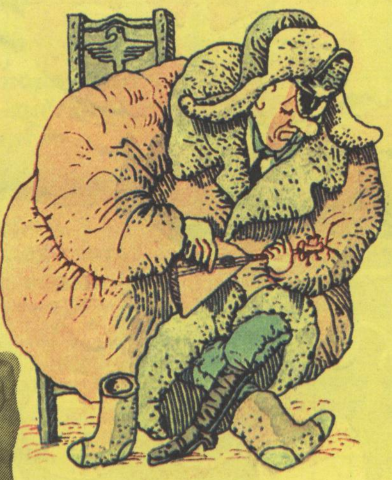
Прислал(а) Т. О., г. Казань.

ИДЕЯ НАШЕГО ГОСТЯ

Давайте жить весело!

Мое знакомство с **детским писателем Эдуардом Николаевичем Успенским** началось довольно странно. Я раздобыл его телефон, позвонил, чтобы договориться о встрече. Но вместо Эдуарда Николаевича в трубке услышал металлическое:

— Это автоответчик... Говорите после длинного гудка...

Я опешил, но, справившись, генеральским тоном заявил:

— С вами говорит корреспондент журнала «Пионер» Андрей Муханов. Пусть товарищ Успенский позвонит в редакцию журнала Андриановой Ирине по телефону: 2122129.

Эдуард Николаевич вскоре и правда позвонил. А Ирина Андрианова, добрейшая женщина, сунула мне трубку в руки... Через двадцать минут я был у писателя в гостях.

— Эдуард Николаевич,— начал я сразу с места в карьер.— Смех — это хорошо?

— Смех — это очень хорошо,— серьезно ответил Успенский.— Но я заметил: дети стали реже смеяться, преждевременно привыкая ко всем трудностям, с которыми сталкиваются взрослые. А дети должны думать только о своей, детской жизни, которая для всех нас несравнимо важнее. Удивительно, но, например, голодное, послевоенное детство было наполнено весельем... Сейчас другое время, другие интересы у ребят. Как сделать окружающую жизнь более светлой, веселой? Над этим вопросом я в последнее время думал и решил создать детский фонд имени Чебурашки...

— Об этом мы поговорим в конце нашей беседы. А вы не могли бы пока рассказать нам несколько анекдотов про Чебурашку?

— Однажды мы выступали с Юрием Иосифовичем Ковалем в Доме архитектора. А за день до встречи я простудился, и Юрию пришлось работать за двоих. Так получилось, что вовремя не подвезли мультфильмы, и надо было как-то заполнить 20 минут. Я попросил ребят рассказать мне анекдоты. Первые же анекдоты были про Чебурашку и Крокодила Гену. Например:

«Шел Чебурашка по городу, а за ним бежала зеленая ящерка. Подошли к Чебурашке люди, спрашивают:

— Почему за тобой бежит зеленая ящерка?

— Это не ящерка, это Крокодил Гена с БАМа вернулся...»

(Продолжение смотрите на стр. 24)

Рисунок А. БАЛДИНА.

«БАЛ». ОЛЯ САМОДАЛА. 11 лет

Наш «Кораблик» ранним утром зашел в устье Невы и отсалютовал своему собрату на Адмиралтейском шпиле. Лоцманом Капитан взял Сергея БОНДАРЕНКО — тринадцатилетнего ленинградского поэта.

* * *

Ночных огней клубится рой.
В промоинах витрин — истома.
Хозяин этакой порой
И пса не выпустит из дома.

Но ночь уходит. Снам конец.
И возникают в тьме крамольной
Пассаж, похожий на Дворец,
Кресты, похожие на Смольный.

* * *

А я пройду по тихим переулкам,
Хотя меня туда совсем не звали.
И по дворам, невыносимо гулким,
Что на Екатерининском канале.

И эхо, словно сотня микрофонов,
Мой голос унесет под эти крыши.
А я пойду стихи читать грифонам,
Они одни сейчас меня услышат.

* * *

Что случилось в этом мире непонятном?
Теплый запах подгнивающей листвы
Всходит к небу и звенит невнятно
Над просторами большой Невы.

Что случилось в этом мире сером
И порывистом — ветрам моим под стать?
Рыжий кот на небо смотрит с верой —
Кошкам тоже хочется летать.

* * *

Адмиралтейство, тихо, вечер...
Деревьев траурный парад.
Под шпилем, как большие свечи,
Колонны белые стоят.

Они не оплывут к рассвету,
Их пламя ветер не качал.
Под их белесым скудным светом
Никто не плачет по ночам.

* * *

Мимо бегут перелески, проселки,
Строчки борозд на страницах полей.
В окнах вагона мелькнувшие села
Радуют глаз переливом огней.

Темные воды реки неширокой
Дремлют тихонько под сенью берез.
Сколько надежды и грусти глубокой
В стуке дробящем вагонных колес.

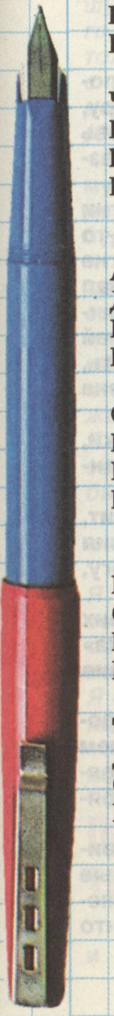

Рисунок И. КЛИМОВА.

РАК

Знак Воды под покровительством Луны.

Мальчики

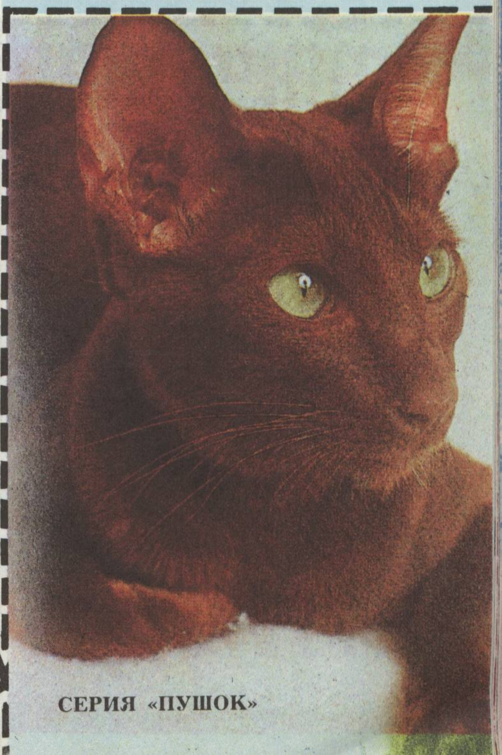
Им можно довериться, с ними хорошо дружить и интересно разговаривать. Раки становятся мыслителями, учеными, музыкантами. Игре в футбол предпочтут прогулку по лесу в одиночестве. И не надо их тревожить...

Девочки

Могут защитить слабого, в том числе и мальчика, чего бы это им ни стоило. Всё они хотят видеть прекрасным, даже если этого нет на самом деле. И давайте не мешать им в этом...

Дружат Раки с Тельцами, Рыбами, Девами, Скорпионами и Львами. Сложные отношения с Весами и Козерогами.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

СЕРИЯ «ПУШОК»

О, НЕ ТРЕВОЖЬ МЕНЯ УКОРОЙ СПРАВЕДЛИВОЙ!

Как известно, дон Гуан соблазнял женщин и покидал их с легкостью необыкновенной, беззаботно и бестрепетно. Подобные поступки, возможно и даже несомненно, совершали и другие испанские гранды. Но в отличие от остальных дон Гуан не скрывал своих похождений. Это позволило окружающим называть его «развратным, бессовестным, безбожным». Но то были ложные обвинения, во всяком случае, в одном пункте. Можно ли называть дон Гуана развратным и безбожным — судить другим. Я же утверждаю, что называть его бессовестным — бессовестно.

Дон Гуан и его совесть жили в полном согласии и мире. При необходимости совесть находила прекрасные доводы в защиту своего хозяина, оправдывая любой его поступок. Со своей стороны дон Гуан лелеял совесть, не позволяя ей тревожиться понапрасну, с помощью простого метода — уверенности во всегдашней своей правоте. При встрече с донной Анной дон Гуан, впрочем, начал ссылаться на «усталую совесть». Однако был ли он в тот момент вполне правдив или это была очередная уловка страсти — не могу сказать. Потому что вмешался Командор, который, вероятно, лучше знал дона Гуана.

По-моему же, Командор поступил неосмотрительно. Следовало бы дождаться начала мук совести и уж тогда осуществлять свое наказание. А так дон Гуан провалился в тартарары нераскаянным, а значит, по-настоящему и ненаказанным.

Отсюда следует вывод: если вы хотите провалиться в тартарары со спокойной совестью — поступайте, как вам желается, и думайте, что вы всегда правы. Правда, в таком случае тартарары могут показаться вам несправедливостью по отношению к невинному человеку. Но в этом случае следует утешаться мыслью, что в мире вообще царит несправедливость.

Пока вы утешаетесь данной благой мыслью, я отработанным движением снимаю с полки очередной том Даля...

Бесстыдству также мера есть!

«Совесть — нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития».

Владимир Иванович Даль был в психологии человеком совершенно темным (хотя в общем-то он был намного более образован, чем многие нынешние психологи). Но как же точно он сказал о совести как о «прирожденной правде, в различной степени развития». Психологи таких уровней развития насчитали шесть. Стоит их перечислить, чтобы можно было определить, на каком уровне находимся мы сами.

На первом уровне человек совершает поступки, стремясь получить награду или не быть наказанным.

Если мы достигли второго уровня — значит, мы вошли в «товарно-рыночные» отношения с окружающими: ты мне наступил на ногу, и я тебе наступлю на ногу.

На третьем уровне люди равняются в своих поступках на какого-нибудь «хорошего человека» и делают это, чтобы доставить удовольствие окружающим.

Четвертый уровень нашего развития — это уровень, на котором мы беспрекословно выполняем установленные законы и правила, уважаем порядок и авторитет. Мы считаем, что это наша обязанность.

Если мы сумеем достичь пятого уровня развития, мы начнем изучать те самые установленные законы и правила, будем стремиться понять необходимость их выполнения, осознаем: то, что мы ценим в жизни,— относительно.

Удержаться от зуда просветительства я не могу, поэтому вместо заголовков использую строки из стихов Федора Ивановича Тютчева.

ДЕКАБРЬ

Пн	3	10	17	24	31
Вт	4	11	18	25	
Ср	5	12	19	26	
Чт	6	13	20	27	
Пт	7	14	21	28	
Сб	1|8	15	22	29	
Вс	2|9	16	23	30	

Посмотрите, какая красавица эта коричневая кошка. Называется она «гаванская». Выведена в Англии в прошлом веке. С 1894 года гаванские кошки участвуют в выставках. Это домашнее животное. Очень любит человека, ласковое и нежное, привязывается к хозяину и к дому. Кошка красиво сложена. Шерсть недлинная и мягкая.

И, наконец, достигнув шестого уровня развития, мы начнем свободно придерживаться общечеловеческих этических законов, будем стремиться в своих поступках и мнениях следовать общим принципам справедливости (помните: «Поступай с другим так, как ты хотел бы, чтобы он поступал с тобой»).

Все это, в сущности, уровни развития нашей совести. Печально, если мы останемся всю жизнь на первом уровне — уж очень недалеко от этого уровня до театра зверей. Но для того, чтобы подняться выше, нужны некоторые усилия, а усилий этих не очень хочется прилагать.

«Часто мы говорим: «Где же твоя совесть?» А что означает это слово — «совесть»? Наверное, это то, чего у нас почти нет. Потому что во многих случаях мы не делаем того, что очень надо сделать. Потому что наша совесть не может сделать ничего против нас. Только у некоторых это чувство совести спрятано недалеко. А ведь как нам необходима совесть для того, чтобы быть добрее. Ответственность есть везде. Где бы мы ни были, мы ответственны за что-то. Есть такая ответственность, которую нам кто-то назначает. То есть ответственность за какую-то работу в школе, в институте, на предприятии. Но эта ответственность очень связана с совестью. Если человеку будет совестно за несделанную работу, то он обязательно будет ее делать. Но это уже зависит от человека. Значит, это как бы «необязательная» ответственность. А «обязательная» ответственность — это то дело, за которое ты ответственен не только перед кем-то, но и перед собой. Например, я ответственна за мою младшую сестру. Если с ней что-то случится, я никого, кроме себя, не имею права винить, потому что только я виновата. Но опять же все связано с совестью. Ведь есть же люди, которые могут все свои «ответственности» свалить на другого» (Оля Трясорукова, 14 лет, Москва).

Кстати, почему мы ощущаем самые острые муки совести (если мы их вообще ощущаем), обидев кого-нибудь, особенно если этот кто-нибудь — близкий нам человек?

«Недавно я поссорилась с моей любимой подругой Олей. Естественно, переживаю очень нашу ссору, но подойти первой не решаюсь, хотя я в ссоре виновата» (Юля, Ленинградская область). «Я не нахожу себе места. Дело в том, что я расцарапал лицо одному мальчику. Прибежала его бабушка и отлупила меня за это. Я живу с ними в одном подъезде и на одном этаже. Как смотреть людям в глаза? Как мне быть? Ведь я осознал вину!» (К. Г., Печора).

И в то же самое время именно близких мы и обижаем чаще всего.

«У меня есть очень вредная привычка. Очень! Я обижаю всех подряд. Мама мне говорит, что, если это будет продолжаться, у меня не останется друзей. У меня есть подружка. Это моя любимая подружка. Она очень добрая, застенчивая. Я ее очень люблю! Но когда я ее обижу, она мне как будто надоедает» (Оля, 11 лет, Алма-Ата).

Какая же работа происходит в нашей душе, когда мы испытываем муки совести?

Понятным сердцу языком твердить о непонятной муке

Самыми первыми возникают чувства жалости и сожаления. Я обидел своего лучшего друга (или свою бабушку, или просто незнакомого человека на улице). Мне становится жалко друга (бабушку, незнакомца). Я начинаю жалеть, что не пожалел друга (бабушку, незнакомца) раньше: тогда бы я не обидел его (ее, его). Сожалею я и о самом себе как об обидчике.

Вслед за жалостью рождается чувство стыда. Это стыд не перед людьми: я могу совершить дурной поступок в полном одиночестве и буду знать, что о моем поступке никто и никогда не узнает, и все же испытаю стыд. Мне стыдно не разоблачения: наоборот, я сам готов признаться в своем поступке. Так чего же я стыжусь?

Я стыжусь самого себя — лучшего.

Каждым своим поступком я приближаюсь к выбранной цели или удаляюсь от нее. И совесть предупреждает о любом отклонении в пути.

Но, чтобы верно указывать путь, совесть должна быть знающей.

Помните, как мы выбирали поступок? Нам нужно было не только иметь возможность выбора. Нам нужно было еще знать, из чего выбирать, а также знать, почему мы сделали такой выбор. Но это ведь подсказывает нам наша совесть. Она знает, какую цель наметили мы в жизни, знает, как мы относимся к самим себе, знает о возможных последствиях нашего поступка, знает, наконец, что — добро и что — зло.

Между прочим, вы не обращали внимания: когда кто-то, например, хорошо знакомый вам Сашка, совершает нечто (разбивает лампочку в подъезде или переводит старушку через дорогу), вы этим «нечто» объясняете его (Сашкин) характер (конечно, разбил лампочку — нехороший человек). А вот когда вы сами совершаете это нечто (разбиваете лампочку в подъезде или переводите старушку через дорогу), вы объясняете, какова была причина поступка, намерение, побуждение, которое заставило вас совершить «нечто», или, как это называют ученые люди, свой мотив. И если ваше «нечто» получилось не очень красивым, вы объясняете, что собирались-то вы сделать замечательное «нечто», но вот так, случайно, получилось. А когда «нечто» выходит замечательным и вас хвалят, вы, хотя, может быть, и сами не ожидали такого хорошего результата и вообще не собирались ничего делать, находите для любопытствующих соответственный поступку мотив.

А окружающие? Ну что ж... Вы же не можете прочесть их мысли, поэтому рассуждаете просто: если плох поступок — плох и его совершитель (да, а если поступок хорош — это случайность, хорошие поступки намеренно можете совершать только вы). Хотя вокруг вас совершают свои плохие или хорошие поступки точно такие же люди, как и вы сами,— каждый неповторим и единствен и в то же время каждый, как и вы сами,— человек. Поэтому хорошо было бы себя судить прежде всего по поступкам, а для поступков окружающих пытаться находить оправдания в их намерениях, мотивах.

Может случиться так, что замысел был хорош, но плох результат (классическая история с бочкой, которую старуха пропарила для солений, а доброхоты решили помочь бабушке — наполнить бочку водой).

Бывает, что человек замышляет недоброе дело, но случайно выходит дело хорошее.

Чаще, конечно, замышленное недоброе дело и реализуется недобро.

И хотя только этот случай соответствует прин-

ципу единства слова и дела, вряд ли можно кого-либо похвалить за такое единство.

За это единство можно хвалить, только когда нравственный мотив осуществляется в нравственном поступке.

Впрочем, за это-то как раз человек и не должен ждать похвалы ни от кого — он ведь совершает добро ради самого добра, бескорыстно.

Единственный, от кого он может и должен ждать похвалы (или осуждения — если отклонится от намеченного пути), это его собственная совесть. Которая, как известно, все знает.

И вот мы с нашей знающей совестью сидим у речки, наблюдаем, как в пяти метрах от берега тонет наш лучший друг, и серьезно, тщательно, неторопливо выбираем: стоит ли немедленно броситься спасать друга, стоит ли подождать, пока он сам не выплывет, стоит ли звать на помощь, стоит ли, после того, как друг утонет, плакать от горя или перенести это горе в молчаливых страданиях?

Нет, конечно, бывают такие случаи, когда человек и его совесть могут достаточно долго спорить и выбирать, но чаще всего на споры времени не остается, даже если дело идет не о спасении человека.

Ну есть ли у вас время на тяжбы с совестью во время урока, когда учитель вызывает к доске и надо либо вывертываться и пытаться хоть что-то промямлить, либо честно признаться, что задание не выучил? Это ведь выбор не между возможной троечкой или несомненной двойкой. Это выбор между ложью и правдой. И хотя правда в этом случае приносит двойку, может быть, лучше выбрать именно ее? (Только, естественно, признаваясь, что не выучил урока, не стоит гордиться собой. Не стоит также преподносить свою правду как вызов учителю. Эти варианты правды не украшают наш путь к самосовершенствованию.)

Так вот, наша тонко чувствующая и много знающая совесть должна еще уметь делать выбор быстро (иногда — мгновенно), чтобы мы могли начать действовать.

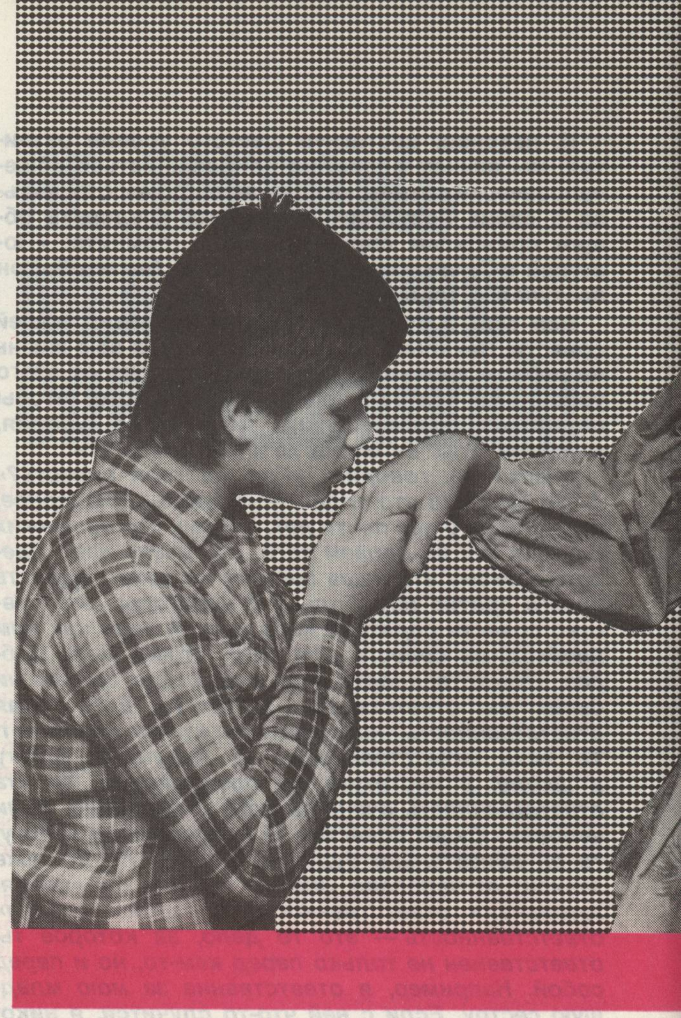
А еще наша совесть должна быть храброй, смелой. Смелость нужна совести не для того, чтобы ее хозяин совершал геройские поступки — пачками таскал людей из огня и воды, регулярно сражался с вооруженными преступниками и систематически вырывал беззащитных женщин и детей из пастей акул и тигров. Наибольшую смелость приходится проявлять совести в ситуациях скучных, обыденных.

Позвонил бабушке, сказал, что через час будешь, только в магазин за хлебом и молоком для нее зайдешь. Вышел во двор, а там приятели. Зовут с собой гулять. Ты объясняешь, что не можешь, говоришь, что идешь к бабушке. И начинается! Как тебя только не именуют: и бабушкиным внучком, и Красной Шапочкой, и пай-мальчиком. Насмешки нестерпимы, ты чувствуешь, как с каждой секундой нарастает презрение к тебе. Но бабушку-то ты любишь. И охотно помогаешь ей...

Ну что? Без смелости твоей совести не обойтись...

А он свершает высший долг

Впрочем, всех этих мук совести, страданий, горя, раскаяния можно легко избежать, что отдельные представители человечества и делают успешно.

С совестью, как они давно убедились, можно договориться. Самый простой и распространенный способ — убедить совесть, что все люди поступают так, как хотим поступить мы и как не велит нам совесть. Все хамят, все плохо работают (учатся), все дураки, все готовы предать друга при первой возможности, и так далее и тому подобное. А равняться-то надо на большинство...

Второй способ сделки с совестью — доказать ей, что человек, с которым мы плохо поступили или к которому плохо относимся, сам виноват в этом. Он сам плохо поступает с нами или плохо относится к нам. Как он с нами, так и мы с ним...

Третий способ успокоить совесть — уверить ее, что во всех наших поступках, не очень красивых с ее точки зрения, виноваты не мы, а кто-то другой: родители, которые не воспитали, приятели, которые дурно влияют, прохожий, который наступил первым на ногу...

Можно оправдаться перед совестью и таким способом — объяснить ей, что нашей вины в дурном поступке нет. Но такой вины нет и на других. Во всем виноваты объективные обстоятельства: дождь, снег, жара, холод, ураган, землетрясение, комары, цветущие деревья... Лучше всего, когда виноваты оказываются ваши болезни, тогда и с совестью можно легко поладить и удовольствие окружающим доставить: они за тобой поухаживают, пожалеют...

Опытный человек всегда выигрывает сделки со своей совестью. И в конце концов добивается, чтобы совесть его совершенно успокоилась и мирно заснула. Она будет спать, а ее хозяин,

освободившийся от навязчивого присмотра и въедливого контроля совести, будет прелестно, легко, беззаботно жить-поживать...

Да добра наживать?

...Не знаю, не знаю. Знаю только одно — освободившийся от совести человек рискует скоро попасть в рабство к своим страстям, в зависимость от «света», в плен ошибочных решений.

Человек станет свободен только в ту минуту, когда изо всех голосов, указывающих путь, выберет голос совести.

Но постойте-ка: некоторые люди свободно выбирают зло и живут в полном согласии со своей совестью, а есть и такие, которые вообще переворачивают все с ног на голову и искренне называют добром то, что всегда называлось и называется злом. Они тоже живут со своей совестью в мире.

У Льва Толстого девизом было выражение: «Делай, что дóлжно, и будь, что будет...» «Что дóлжно» — значит, «что говорит твоя совесть». Но что должна говорить совесть? Откуда она знает, что нужно говорить?

Получается, у совести есть какое-то основание, какой-то источник, из которого она будет черпать и знание о том, что дóлжно, и силы для того, чтобы направлять своего хозяина в дóлжную сторону.

Великий Иммануил Кант считал, что дóлжно исполнять свой долг. Долг существует как бы независимо от человека, вне его, и человек, сознающий свой долг, обязан исполнять его. Долг — это моральная необходимость (необходимо уступать старшим место, необходимо говорить правду, необходимо помогать слабым и защищать беззащитных). И «высокое достоинство долга не имеет никакого отношения к наслаждению жизнью; у него свой особый закон и свой особый суд». В общем, не хочу я эту старушку через улицу переводить, некогда мне, и старушек я не уважаю, но долг велит, и я, с каждым шагом все больше ненавидя старушку, перевожу ее через улицу, желая в душе, чтобы бабку машина задавила.

Просто невероятно, как это великий Кант, сформулировавший моральную аксиому о человеке как цели для самого себя и окружающих, мог додуматься до того, что исполнение долга не имеет никакого отношения к свободе и склонности. Получается, если я получаю удовольствие от своего хорошего поступка,— я не выполняю свой долг? Нет, старика Канта явно занесло не в ту сторону. Это еще и Гегель заметил. Он, хотя и глубоко уважал старика, назвал с большой долей иронии долг ради долга принципом «делать с отвращением то, что велит долг».

Право же, трудно представить себе совесть, которой движет отвращение. Все же подлинно свободен только человек, руководствующийся в поступках совестью и побуждаемый к этим поступкам любовью к людям.

Впрочем, в нашей жизни все так запутано, что, с одной стороны, любовь направляет совесть, а с другой — совесть не должна дремать на страже любви.

О любви мы еще поговорим, а пока я в телеграфно-нравоучительном стиле спешу проинформировать всех, кто жаждет любить и быть любимым, чего никогда не может позволить совесть любящим и любимым, разлюбленным и нелюбимым, нелюбящим и прочему населению.

Совесть говорит НЕЛЬЗЯ в следующих ситуациях любви. НЕЛЬЗЯ:

— если ты сам не любишь, смеяться и издеваться над тем, кто любит (безразлично — тебя или другого),

— мстить человеку, который отверг твою любовь или разлюбил тебя, тем более мстить, заводя показную любовь с другим,

— распускать сплетни о человеке, который отказал тебе в любви,

— завидовать чужой любви,

— «отбивать» своего любимого (любимую) у другого, будь то твой друг или чужой человек,

— хвастаться тем, что завоевал, покорил кого-то,

— разлюбив, перекладывать вину за это на любящего,

— обманывать любящего притворной любовью,

— требовать любви,

— если любишь кого-то, лгать окружающим, что совершенно равнодушен к нему,

— унижать того, кто любит тебя и кого любишь ты,

— удерживать, тем более угрозами, разлюбившего тебя,

— помыкать любящим, пользоваться его любовью,

— вмешиваться в дела любящих, давать им советы и навязывать свои мнения об их любимых (что я с успехом и делаю).

Если вы считаете, что все перечисленное разрешено, а не запрещено в любви, значит, ваша совесть дремлет, а до любви вам весьма далеко.

С надеждой, что это не так, с пожеланиями любви всем вам в новом году, с уважением к вам всем

Елена СЕЛЕЗНЕВА.

Коллаж В. БУРМИСТРОВА.

ИДЕЯ НАШЕГО ГОСТЯ

(Продолжение. Начало на стр. 17)

— Эдуард Николаевич, вы говорили о своем веселом детстве. Какие смешные истории вы часто вспоминаете из того времени и смеетесь?

— Был у нас в школе учитель-фронтовик. Однажды, чтобы урезонить не в меру разыгравшегося ученика, он сказал: «Как ты себя ведешь! Я на фронте такого, как ты, солдата застрелил однажды...» И потом при каждом удобном случае мы к нему приставали: «Зачем солдата застрелил? А!»

Был еще такой толстый, высокий, с восточным типом лица пионерский вожатый. Когда он шел по коридору, то все кричали: «Мао Цзедун! Мао Цзедун!! Мао Цзедун!!!» Мао Цзедун был тогда большим другом нашей страны, да и вожатого мы любили... Был еще школьник, который прекрасно подделывал печати. Он не вылезал из двоек, и, когда его вызывали к доске, он протягивал учителю «настоящую» справку о болезни с «настоящей» печатью.

— Эдуард Николаевич, а рассказывают вам анекдоты дети?

— И еще как рассказывают. «В темном-темном лесу, на серой-серой поляне стояли два черных-черных человека. Один черный-черный человек сказал другому черному-черному человеку: «Василий Иванович, хорош резину жечь!»... Вот еще один: «Летят в самолете медведь без билета и заяц с билетом. А тут контролер подходит. Медведь говорит зайцу: «Заяц, дай мне свой билет, а я тебя пока за уши за окном подержу». Подошел контролер: «Ваш билет?». «Пожалуйста». «А что у вас в другой руке?». «Я курю». «Курить нельзя». «Пожалуйста»,— сказал медведь и положил руки на колени».

— Я знаю, Эдуард Николаевич, у вас дома живут животные. А случались ли с ними какие-то смешные истории?

— В моем доме, в деревне, жил у прежних хозяев пес Мишка. Здоровый, лохматый, сильный. Когда мы поселились, пес так и остался жить в будке и считал себя главным. Он рычал, лаял, гонял нас. Зимой во время холодов жена пустила Мишку в дом. Мороз кончился, а он все живет. Лег посреди кухни, и никого не пускает туда, рычит, командует. Тогда я не выдержал, взял стартовый пистолет, подлез под кухонный стол да как бабахну. Мишка пулей из дома, и жена вслед за ним. После этого случая Мишка сразу зауважал нас и с большим усердием стал охранять дом.

— Эдуард Николаевич, я думаю, ребята ждут, когда вы расскажете о своем фонде...

— Я пытаюсь открыть фонд имени Чебурашки, чтобы сделать жизнь детей более веселой. Я призываю вас, ребята и товарищи взрослые,

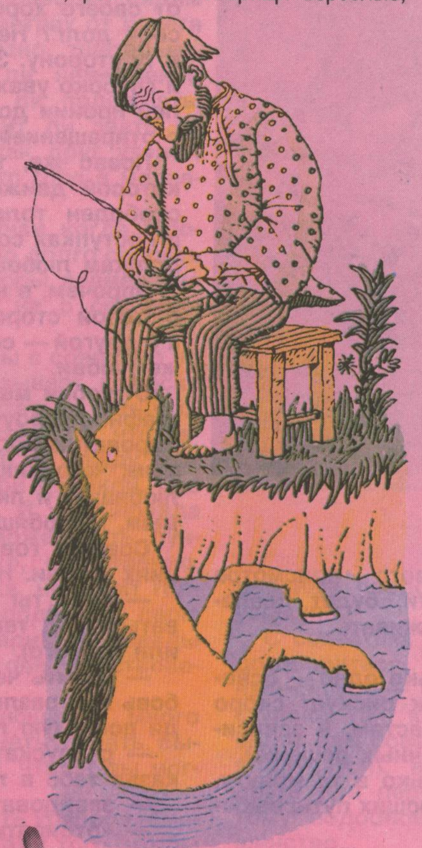

Рисунок А. БАЛДИНА.

переводить свои легкие деньги — бывают же такие, легко заработанные — туда. Наш фонд должен быть веселым!!! Сейчас без веселья, розыгрыша тяжело. Когда начнут поступать деньги, я обязательно соберу Думу из ребят. И мы решим, куда эти деньги внедрить. Может быть, засадим одну из улиц розами или разрисуем, распишем какой-либо переулок. Может, начнем поднимать интерес к русским народным играм: лапте, запусканию змея, прыжкам через костер.

Итак, КОРРЕСПОНДЕНТСКИЙ СЧЕТ 161829 НА РАСЧЕТНОМ СЧЕТЕ 711002 МФО 201791 В МГУ ГОСБАНКА СССР.

— Эдуард Николаевич, ерунда какая! Вы же фантазер, писатель! Срифмуйте сухие цифры, а?

— Хорошо... для лучшего запоминания тугодумам — считалочка: «ПОМНИТ КАЖДЫЙ ГРАЖДАНИН СЕМЬ, ОДИН, ЕЩЕ ОДИН. НЕ ЗАБУДЕТ ГОЛОВА ДВА НУЛЯ И ЦИФРУ ДВА». Дальше рифмуйте сами...

По окончании нашей беседы я не мог найти входную дверь в квартире и позвал Э. Н. Успенского примерно так:

— Эду-уард Нико-олаевич! Я заблу-удился в ва-ашей ква-артире!

Товарищ Успенский через несколько минут нашел меня и довел до порога:

— Знаешь, Андрей, я сам часто в ней блуждаю. Это новая квартира.

И вручил в подарок сушеную рыбу, тоже новую. Придя в редакцию, я всем показывал эту рыбу, хвалился, что она «от Успенского». Потом не пожмотился и поделился со всеми. Больше всех съела Ирина Андрианова: уж очень рыбу любит сушеную. Мне же достался скромненький хвостик. Вкусно!

ПРАВДА ЛИ, ЧТО...

А здесь мы публикуем анекдот, который надо рассказывать со слов: «Правда ли, что...»

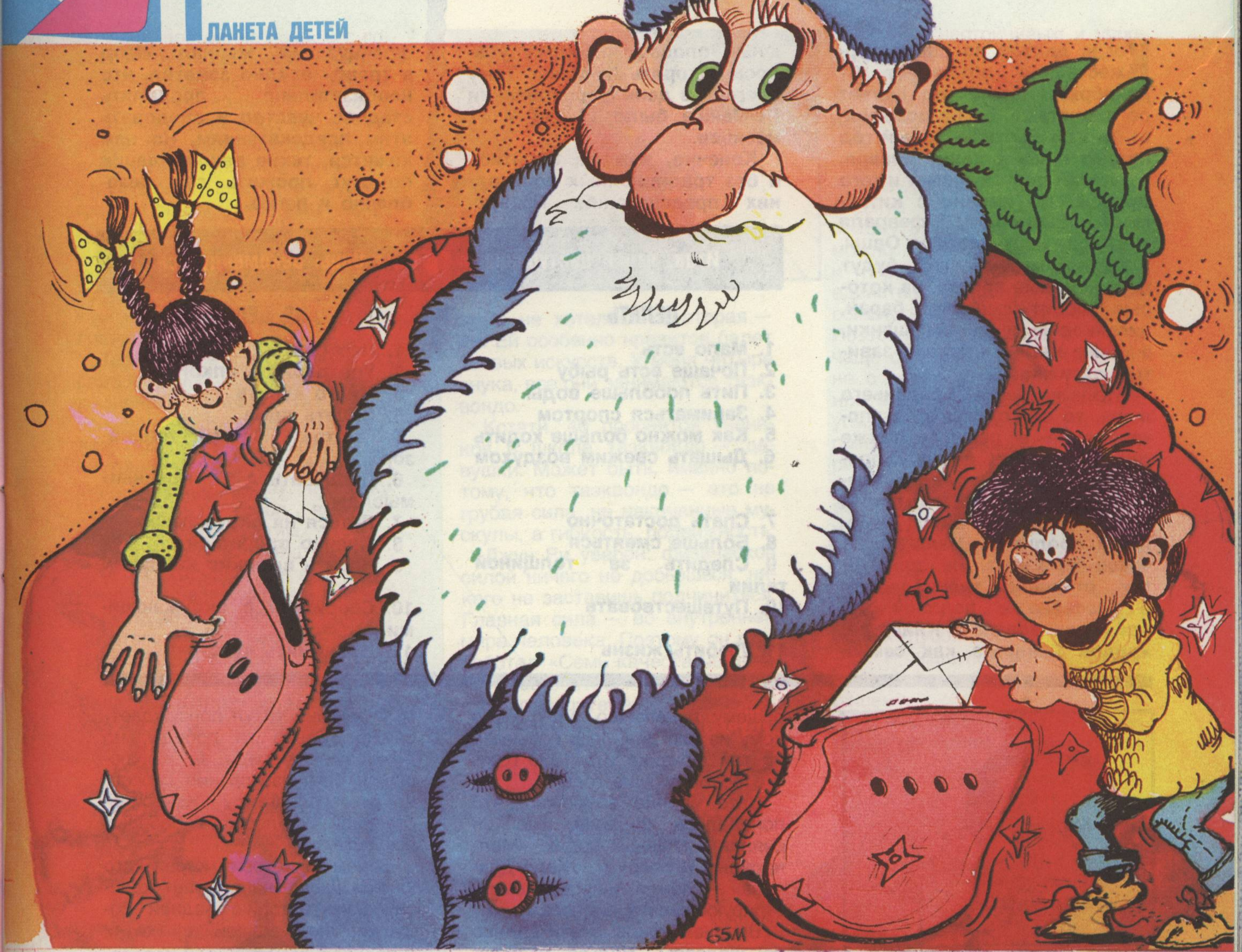
«...сидит мужик на берегу реки, рыбу ловит. Видит, поплавок в воду ушел, поклевка офигенная. Ну, стал он тянуть-вытаскивать, а на крючке лошадь сидит...

— Лошадь, ты чё?

— А правда, чё-й-то я???!»

Прислали Ксюша и Людмила из Курганской области, поселок Сулейманово.

(Окончание смотрите на стр. 57)

Деду Морозу, в собственные руки

«Дорогой Дед Мороз! Поздравляю тебя с наступающим Новым годом! Желаю хорошего здоровья и веселого настроения — ведь у тебя столько сейчас работы.

Очень хочется поскорее тебя увидеть. Приезжай к нам побыстрей.

Редактор международного отдела журнала «Пионер» Анна ЧЕРНЯХОВСКАЯ».

Баббо Натале.
Бульвар Европы, дом 175.
Рим.
Италия.

Это наш новогодний подарок читателям журнала — невыдуманный адрес настоящего Деда Мороза.

Каждый год Дед Мороз обязательно совершает одно кругосветное путешествие. И так понравился ему климат Италии, что решил он там открыть свою канцелярию для корреспонденции. Восемь лет назад он сделал своим постоянным и полномочным представителем директора департамента внешних сношений итальянского министерства почт Энрико Вески. Энрико распорядился, чтобы в конце года на три месяца в каждом районном центре обработки корреспонденции вешали почтовые ящики для Деда Мороза. Письма и открытки из этого ящика попадают в специальный отдел министерства, расположенный на римском бульваре Европы именно в доме 175. Семь сотрудников министерства работают в этом временном отделе, и приходится им нелегко: за три месяца на имя Баббо Натале приходит около 35 тысяч посланий, а каждый обратившийся в рождественскую канцелярию должен получить ответ и маленький подарок.

Деду Морозу поверяют личные и служебные тайны, просят помочь в воспитании детей и животных, найти высокооплачиваемую должность и любую работу, прислать модные сапоги, губную гармошку и даже видеомагнитофон. Конечно, Дед Мороз обладает сверхъестественными силами, но не такими же!.. Поэтому, по его распоряжению, всем посылаются одинаковые подарки — карандаши, фломастеры, лотерейные билеты...

И хотя под канцелярию снежного деда обычно выделяется помещение отдела жалоб министерства почт, претензий на работу его канцелярии никогда не поступает. Дед Мороз жалоб не любит.

Когда диктор по радио торжественно объявляет 31 декабря: «Новый год шагает по планете...», он не добавляет, что во Вьетнам Новый год придет лишь к концу января, а в Китай дорога займет и того дольше. Но именно с китайским новым годом 6 февраля 1991 года наступает год Овцы.

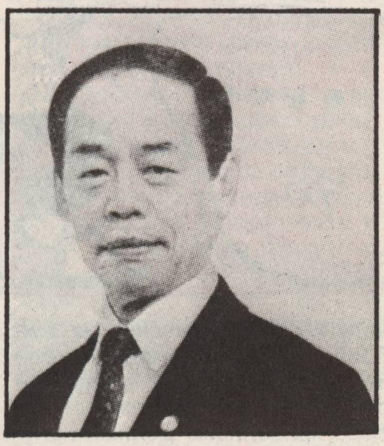
Предполагаем, что будут модны новые ворота, на которые любит смотреть баран, цигейковые шубы и ушанки, а также мелко и крупно завитые стрижки.

Что касается бараньего жира, то он годится для употребления в пищу, а также для покорения водных пространств. Англичанин Том Грегори, намазавшись толстым слоем бараньего жира, переплыл пролив Ла-Манш за 11 часов 55 минут. Не зря Том так отчаянно тренировался в бассейне с ледяной водой — он вошел в Книгу рекордов Гиннесса как самый юный пловец, которому удалось покорить Ла-Манш. Тому Грегори в день форсирования Ла-Манша было 11 лет и 11 месяцев.

Конечно, нам не обойтись и без традиционных новогодних предсказаний. Правда, французский журнал «Мод е траво» ехидно заметил, что необязательно проявлять стадное чувство и следовать этим предсказаниям. Но нам кажется, такие рекомендации помогут прожить год безоблачно и легко.

Итак, что в наступающем году Овцы рекомендуется

ДЕЛАТЬ	И НЕ ДЕЛАТЬ
1. Мало есть	1. Переедать
2. Почаще есть рыбу	2. Употреблять алкоголь
3. Пить побольше воды	3. Много курить
4. Заниматься спортом	4. Сидеть дома
5. Как можно больше ходить	5. Смотреть часами телевизор
6. Дышать свежим воздухом	6. Предаваться мрачным мыслям
7. Спать достаточно	7. Дуться на окружающих
8. Больше смеяться	8. Мрачно одеваться
9. Следить за толщиной талии	9. Носить высокие каблуки
10. Путешествовать	10. Ссориться с окружающими
11. Любить жизнь	11. Экономить чувства

Непобедимый Джун

Этот человек — друг президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Буша. А также — экс-президента Рональда Рейгана.

Хорошо быть другом президента! Однако знаменит он вовсе не панибратскими отношениями с высокопоставленными лицами.

Увидеть этого человека можно было на лужайке перед Белым домом 4 июля 1983 года, когда он заправлял национальным праздником страны — Днем независимости. Кстати, столь почетное «место» он получил вовсе не по блату, а благодаря общему признанию. Увы, мало кому из нас довелось побывать на той лужайке и в 1983 году, и в последующие годы...

Зато вполне возможно, что попадались фильмы, где он снялся в главных ролях. «Молчаливый мастер» и «Жало Дракона» — ленты, широко демонстрирующиеся в видеосалонах.

Впрочем, фильмы эти далеко не шедевры. Нельзя отождествлять человека, который на экране победил две сотни врагов с той же легкостью, будто две коробки спичек переломал, с истинным мастером, нашим героем. Он согласился сниматься скорее из любопытства и по просьбе друзей и трезво оценивает свою роль в искусстве кино.

Тем более он хорошо знает, что такое искусство. Именно он основал балет боевых искусств, которым сегодня занимаются тысячи мальчиков, девочек и взрослых в Америке. Этот балет — и хореография, и спорт, и философия.

Но главное, благодаря чему он стал знаменит не только в Америке, но и во всем мире, это искусство единоборства, американское таэквондо.

Итак, гранд-мастер боевого искусства таэквондо — Джун Ри. Титулом гранд-мастера, кроме Джуна Ри, в мире обладают еще несколько человек. В восточных единоборствах этот самый высший титул присуждается не только за победы, но в первую очередь за выдающиеся организаторские способности, пропаганду ненасильственной философии боевых искусств.

В чем-то история корейского юноши Джуна напоминает классическую историю бедной Золушки, получившей в жизни и прекрасного принца, и королевское состояние. Приехав в США в 1957 году с 47 долларами в кармане, мистер Ри сегодня — один из самых преуспевающих людей страны. Отличие — и немалое — от бедняжки из сказки в том, что Джун Ри добился всего без помощи доброй феи. Кстати, в этом он — типичнейший американец, «сделавший себя сам». Ри не верит в Бога и в счастливый случай, хотя его жизненное кредо: человек рожден для счастья. Джун Ри верит в безграничные возможности человека и в бесконечное самосовершенствование. То есть «человек сам кузнец своего счастья», а Джун Ри учит, как преодолевать самого себя и справляться с жизненными трудностями, чтобы построить счастливый мир хотя бы в отдельно взятой личности!

Первое правило Ри — самодисциплина. Он убеждает: «Подчиняться собственным правилам тяжело. Это как будто небольшой, но ощутимый груз,

который постоянно носишь с собой. А груз сожалений о несделанном весит не одну тонну...» Дисциплинированный человек, по логике таэквондо, это не человек, боящийся наказания. Напротив, на занятиях Ри и инструкторы его школы никогда не говорят своим маленьким ученикам: «Ты отвратительно занимаешься, выйди вон!» Они даже не указывают на допущенную ошибку, а еще раз показывают, как надо сделать упражнение правильно.

Таэквондо — это искусство самообороны и определенные жизненные правила. Таэквондо основано на философии ненасилия, постоянного саморазвития, внутреннего совершенствования. Таэквондо дает человеку уверенность в себе, возможность помогать другим.

Я спросила у Джуна Ри:

— Приходилось ли вам применять ваше искусство в жизни?

Обладатель высшего в мире десятого дана и черного пояса, Джун Ри с улыбкой ответил:

— Нет. Я стараюсь не появляться в опасных местах, не хожу в бары. Я езжу на работу и возвращаюсь домой к семье.

— Занимаются ли таэквондо ваши дети?

— Одна дочь — нет, и я ее никогда не заставлял, раз ей

этого не хотелось. А вторая — да. Ей особенно нравится балет боевых искусств. У меня четыре внука, все они занимаются таэквондо.

Кстати, 40 процентов учеников в школе таэквондо — девушки. Может быть, именно потому, что таэквондо — это не грубая сила, не накачанные мускулы, а гибкость, подвижность.

Джун Ри уверен: физической силой ничего не добьешься, никого не заставишь подчиниться. Главная сила — во внутреннем мире человека. Поэтому он разработал «Семь качеств чемпиона», ибо считает: чемпионом, то есть победителем, человеком, достигшим успеха, может стать абсолютно каждый.

Вот семь качеств человека, который хочет достичь чего-то в жизни.

1. Будь бдительным.
2. Будь настойчивым и упорным.
3. Будь точным.
4. Будь образованным и эрудированным.
5. Будь разумным.
6. Будь мягким.
7. Будь честным.

Джун Ри убежден: «Можно обмануть родных и знакомых, можно одурачить учителей и партнеров по бизнесу. Но единственный, кого не удастся обмануть никогда, это ты сам». Поэтому еще один совет — почаще смотреться в зеркало. Но не с целью накрасить ресницы или выяснить, не появились ли усы, а с тем, чтобы постараться разобраться, что же за человек смотрит на тебя.

А чтобы жизнь у этого человека стала более радостной и счастливой, мастер Ри придумал «Ежедневные заклинания». На первый взгляд они могут показаться наивными и смешными, зато на второй — значительно более глубокими...

1. Я умен, потому что я каждый день учусь чему-нибудь хорошему.
2. Я хорош, потому что я никогда не делаю ошибок сознательно.

3. Я люблю самого себя, потому что я — человек активный и не сижу сложа руки.

4. Я счастлив, потому что я — ... — тут следует произнести собственное имя.

Джун Ри честно произносит каждый день: «Я счастлив, потому что я — Джун Ри». Джун — не средний житель Нового Света, преуспевающий в бизнесе. Он, безусловно, выдающийся американец. Но вместе с тем он воплощает многие черты и качества типичных американцев. Как и большинство в Соединенных Штатах, он очень уверенный в себе человек. Другое дело, что у некоторых эта уверенность — генетическое качество, а Джун Ри выработал ее в себе сам. И сейчас он помогает тем, у кого такое ощущение самого себя и жизни не сформировалось, создать его. Еще одна типичная черта Джуна: трезвая оценка собственных сил и умений. Отсутствие благостной эйфории, когда кажется, что ты — самый-самый-самый! Очень важное качество, особенно, когда надеешься исключительно на самого себя. Сочинив ежедневные заклинания, Ри вовсе не призывает к самолюбованию. Напротив, его метод помогает человеку правильно оценить самого себя, определить свое место среди людей.

В школе и на трехдневных семинарах для бизнесменов, руководителей корпораций и владельцев компаний мастер Ри читает лекции по таким темам, как «Наука убеждать себя и других», «Как эффективно использовать время», «Как снимать стрессы и избавляться от волнений», «Как контролировать гнев», «Как воспитывать хороших детей» и т. д.

У него занимаются шестилетние дети из неблагополучных негритянских семей и мультимиллионеры Мухаммед Али, Энтони Роббинс, Джен Андерсон. Всем ученикам мастер Ри первым делом говорит:

— Вы пришли в спортивный зал не за тем, чтобы научиться боевым приемам и драться, а за тем, чтобы самим стать лучше и чище. Человек, уверенный в своих собственных силах, не имеет негативных комплексов. Ему не надо утверждать себя путем унижения другого.

На семинарах Джуна Ри и в его школе училось более ста членов американского конгресса. Один из них назвал Джуна Ри «лидером американской революции счастья».

— Надо учиться быть счастливым,— считает Джун Ри.— Нельзя сетовать на обстоятельства, надеяться на «авось» и сидеть сложа руки. «Кривая» может вывезти не в ту сторону, которую вы запланировали.

P.S. Советская Ассоциация восточных единоборств приступила к созданию в стране сети клубов «Тигренок», в которых можно начать заниматься ушу, айкидо и таэквондо.

А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ

Победители викторины «Нам этот мир завещано беречь», посвященной 45-летию Победы, летом 1990 года побывали в «Артеке» и международных детских лагерях Венгрии, Германии и ЧСФР.

Вернувшись из Чехословакии, Люда СУХОВА написала нам только об одном дне, проведенном в международном детском лагере в небольшом словацком городе Попрад, где отдыхали еще ребята из Италии и Канады.

Сюрпризы в горах

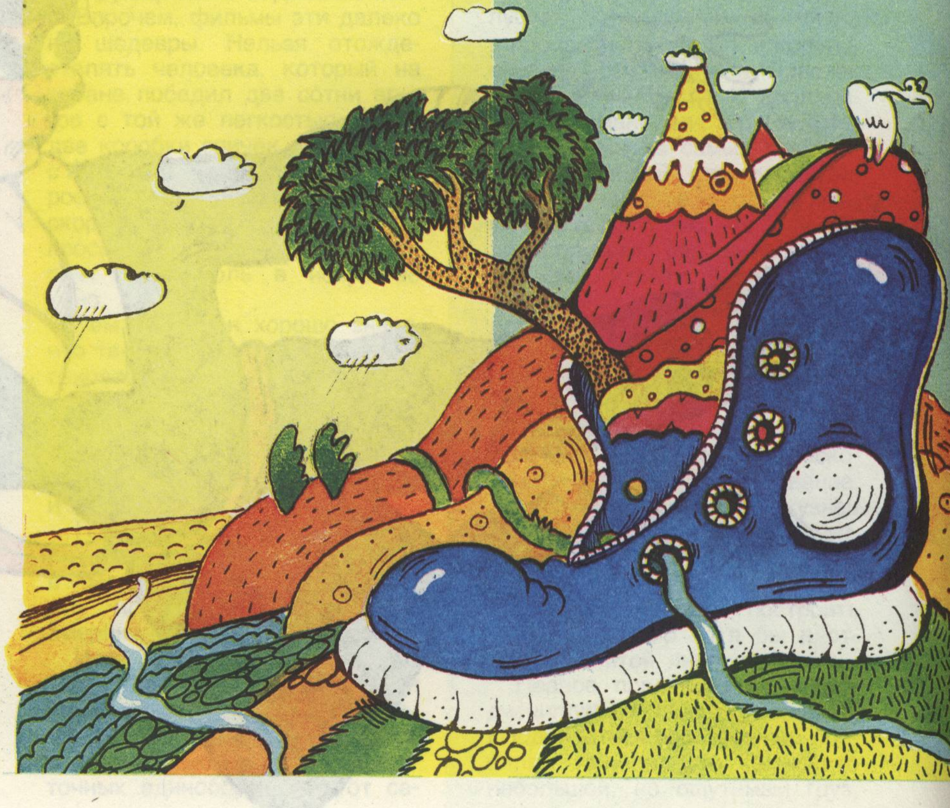
Наш лагерь расположился у подножия Высоких Татр. Горы действительно высокие, а особенно, когда в них заблудишься...

Однажды мы пошли на вершину прямо над лагерем. Поднимались долго, зато красиво было наверху!.. Стали возвращаться. Я шла рядом с девочкой из Чехословакии. Она ни по-русски не говорит, ни по-английски, а я, соответственно, ни по-чешски, ни по-словацки. Но все равно общаемся на смеси разных слов и усиленно себе жестами помогаем.

Шли мы с Каткой первые, и не заметили, как вдруг оказались одни. Других ребят не слышно, не видно. Мы пошли медленнее и через несколько минут уткнулись в речку. «Точно, заблудились!» — решила я, ведь никакой реки на пути вверх нам не попадалось. Катка тоже занервничала. Я попыталась посоветоваться с ней: или назад возвращаться, или идти по этой дороге дальше, ведь куда-то она нас должна вывести! Но Катка повторяла: «Не розуме!» и чуть не плакала. Я села у речки и стала на прозрачную воду глядеть.

Сколько мы так просидели, не знаю, но мне казалось, что очень долго. Я даже не знаю, чего мы ждали, но вдруг послышались голоса, шаги — и у речки оказалась вся наша группа. Оказалось, мы с Каткой настолько их опередили, увлекшись разговорами!

После этого мы с Каткой очень подружились и понимали друг друга отлично.

Рисунки М. КАЗАКА.

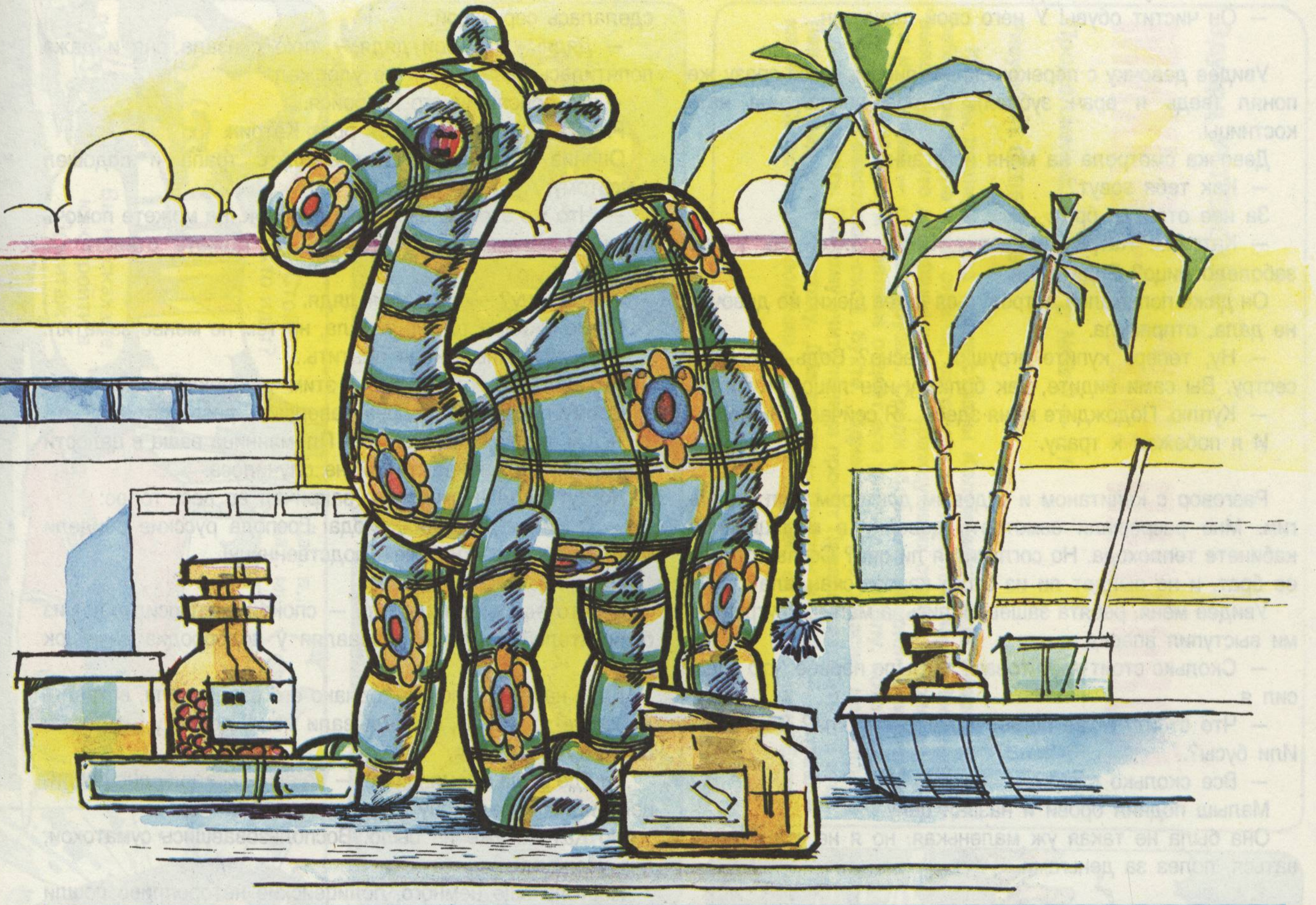

Рисунок П. СЕВЕРЦОВА.

Лев НИКОЛАЕВ

Клеенчатый верблюжонок

Медленно наплывал берег. Теплоход, подав несколько басовитых гудков, стал разворачиваться, входя в гавань. Вскоре были брошены на причал швартовы и спущен трап.

На палубе толпились туристы. У схода с трапа, как всегда, было много мальчишек.

Они изо всех сил норовили всучить туристам всякую всячину: открытки, сигареты, жевательную резинку и многое другое, что, по их мнению, могло заинтересовать иностранных гостей.

Я заметил одного малыша, который суетился позади всех. Малышу было лет семь, не больше. Он продавал игрушки: тряпичную куклу, клеенчатого верблюда, связанное из каких-то засушенных растений ожерелье, глиняный горшочек...

— Это твои игрушки? — спросил я мальчишку по-французски.

Малыш знал этот язык, как знали его здесь все мальчишки, промышляющие у трапа.

— Да,— ответил он.

— Зачем же ты их продаешь?

— Мне нужны деньги на доктора.

— На доктора? На какого доктора?

Через несколько минут я узнал, что у малыша заболела сестренка, что ей требуется доктор, а чтобы идти к нему, нужны деньги.

— А что с твоей сестрой?

— У нее заболело лицо.

Во мне заговорило чувство врачебного долга.

— Где твоя сестра сейчас?

— Там... За воротами, у склада...— неопределенно махнул рукой малыш.

— Приведи ее сюда.

— А что? Тогда купите игрушки? — оживился он.

— Приведи, приведи,— строго повторил я.— Куплю...

Когда малыш убежал, я попытался выяснить у мальчишек, сколько здесь платят за то, чтобы обратиться к врачу, и почему родители этих ребят не могут заплатить?

— У них совсем нет денег,— коротко объяснил мне один из подростков,— потому что их отец не может найти работу.

— За нее может заплатить ее богатый дядя...

— Так почему же не платит дядя?

— Не хочет...

— Но ведь она его племянница, а он, как ты говоришь, богатый?

— Он, наверное, не уверен, что ее отец сможет отдать деньги...

— А кто же у девочки дядя? — спросил я.

— Ее дядя недавно открыл свое дело и преуспевает. Он работает здесь, недалеко от порта.

— Что же у него за дело?

— Он чистит обувь! У него свой павильон...

Увидев девочку с перекошенным лицом, я все сразу же понял (ведь я врач зубной): острое воспаление надкостницы.

Девочка смотрела на меня испуганно.

— Как тебя зовут?

За нее ответил брат.

— Катрин... Катрин ее зовут. Вот видите, как у нее заболело лицо? Видите?..

Он даже попытался дотронуться до ее щеки, но девочка не дала, отпрянула.

— Ну, теперь купите игрушки, месье? Ведь я привел сестру. Вы сами видите, как болит у нее лицо... Купите?

— Куплю. Подождите меня здесь... Я сейчас... Я скоро...

И я побежал к трапу.

Разговор с капитаном и судовым доктором был недолгим. Мне разрешили осмотреть девочку в медицинском кабинете теплохода. Но согласится ли она? Согласится ли ее брат, и не выйдет ли из этого какого скандала?

Увидев меня, ребята зашевелились, а малыш с игрушками выступил вперед.

— Сколько стоит твой товар? — Было первое, что спросил я.

— Что стоит? — не понял малыш.— Кукла? Верблюд? Или бусы?..

— Все сколько стоит?

Малыш поднял брови и назвал цену.

Она была не такая уж маленькая; но я не стал торговаться, полез за деньгами.

Игрушки мне бережно подавал сам продавец. Малыш словно прощался с каждой, зная, что уже больше никогда их не увидит.

Я отдал малышу деньги и тут же стал говорить.

— У твоей сестры болит зуб. Я зубной врач и могу вылечить ее. Вылечить бесплатно. Но надо, чтобы она пошла со мной на теплоход. Там есть медицинский кабинет, и там я смогу ей помочь.

Меня слушали внимательно, не перебивая.

Вскоре Катрин уже сидела в медицинском кабинете теплохода, беспокойно озираясь по сторонам.

— Да не волнуйся ты! — попытался я ее успокоить.— Все будет хорошо.

А судовой доктор, который вызвался мне помочь, добавил:

— Ты же смелая девочка...

Она даже не шевельнулась, когда я делал надрез. «Вот это выдержка! Вот это нервы!» — подумал я, вспоминая тех многочисленных своих пациентов, которые при одном только виде бормашины чуть ли не падали в обморок.

— Ну, вот и все. Теперь тебе будет легче. Полоскать будешь вот этим,— протянул я ей пузырек с лекарством, которое нашел у судового доктора.— А эти таблетки принимай три раза в день. Понятно?

А тем временем у трапа назревал скандал.

Держа Катрин за руку, я появился на трапе. Сзади нас шел судовой доктор в белом халате.

— Вон они! Вон! — увидела нас толпа.

Катрин ничего не понимала. Она все приняла на свой счет, подумала, что встречают ее, и потому улыбалась. Но, заметив на пристани какого-то человека с усами, сразу же сделалась серьезной.

— Дядя... Это мой дядя,— тихо сказала она и даже попятилась назад, но я ее удержал.

— Не бойся! Ничего не бойся...

Рядом с дядей крутился брат Катрин.

Оценив обстановку, я сбежал с трапа и подошел к усатому.

— Что же это вы, взрослый человек, не можете помочь своей маленькой родственнице? Не можете отвести ее к врачу...

— К врачу? — удивился дядя.

Он не ожидал такого начала, но тем не менее заметил:

— Врачу деньги надо платить...

Я понял, что объясняться с этим человеком бесполезно, и потому попытался скорее завершить разговор.

— Ну, ладно,— сказал я.— Племянница ваша в целости и сохранности, ничего с ней не случилось.

Но тут дядя неожиданно закричал во весь голос:

— Полиция! Полиция! Сюда! Господа русские обидели мою несовершеннолетнюю родственницу!

Появились полицейские.

— Что здесь происходит? — спокойно спросил один из блюстителей порядка, поправляя у подбородка ремешок каски.

Дядя начал объяснять, однако его перебивали, вставляли какие-то фразы, оправдывали меня, девочку, не соглашались, возражали.

— Где ваша племянница? — не выдержал наконец полицейский.— Я сам хочу с ней поговорить.

Но Катрин уже не было. Воспользовавшись суматохой, она убежала.

Постояв еще немного, полицейские неторопливо пошли вдоль стоящих у причала кораблей, а я посмотрел на обескураженного дядю. «Не попытается ли этот человек выместить потом на малыше и Катрин свою злость?»

— Скажите, месье, вы можете подождать меня несколько минут здесь?

— О, да! Да! Конечно!

И я опять побежал к трапу.

Вернулся я с целлофановым пакетом и маленькой баночкой крема для обуви — захватил с собой,— думал, пригодится в дороге, но так и не открыл ни разу.

— Это вам как сувенир,— протянул я усатому баночку крема.

Увидев нераспечатанную банку гуталина, дядя растаял.

— О, месье! — сказал он нараспев.— Я вам очень доволен... Я приношу свои искренние извинения вам, месье, за беспокойство...

Мне не хотелось его дослушивать.

— А это тебе,— протянул я пакет малышу.

— Что там?

— Откроешь — увидишь.

В пакете были печенье, шоколад, конфеты и... игрушки, которые я у него купил.

Мальчишка растерянно посмотрел по сторонам, потом вновь взглянул на меня, не зная, как быть.

— Бери! Это мой тебе подарок.

— О, подарок! — Мальчишка прижал к груди пакет и, торопливо схватив клеенчатого верблюда, протянул его мне.

— Подарок! Подарок!

Улыбнувшись, я взял верблюжонка...

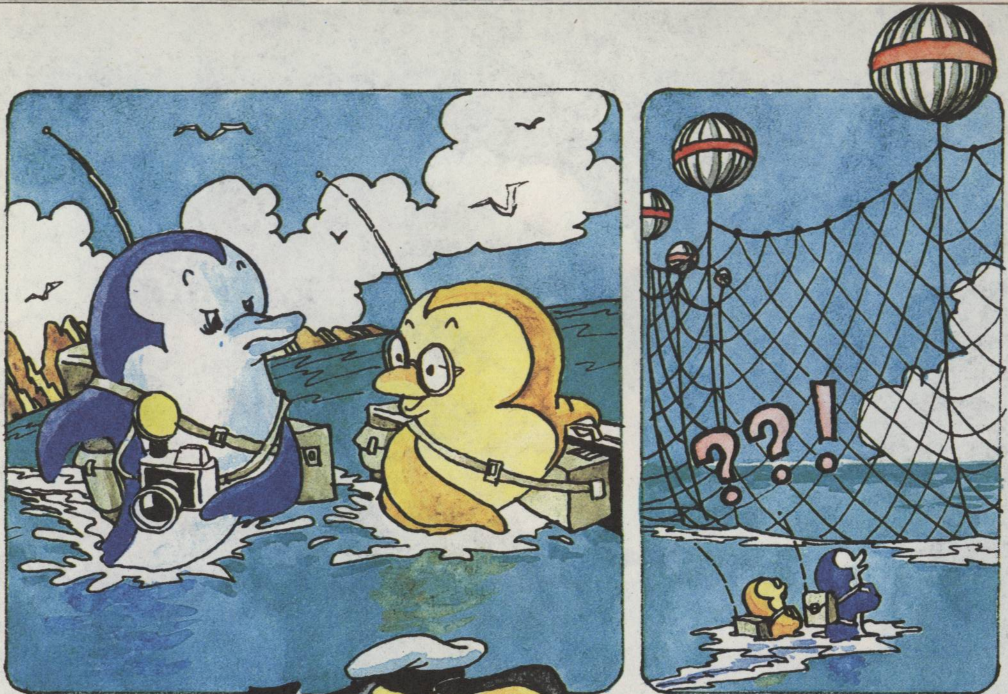
Эдуард УСПЕНСКИЙ

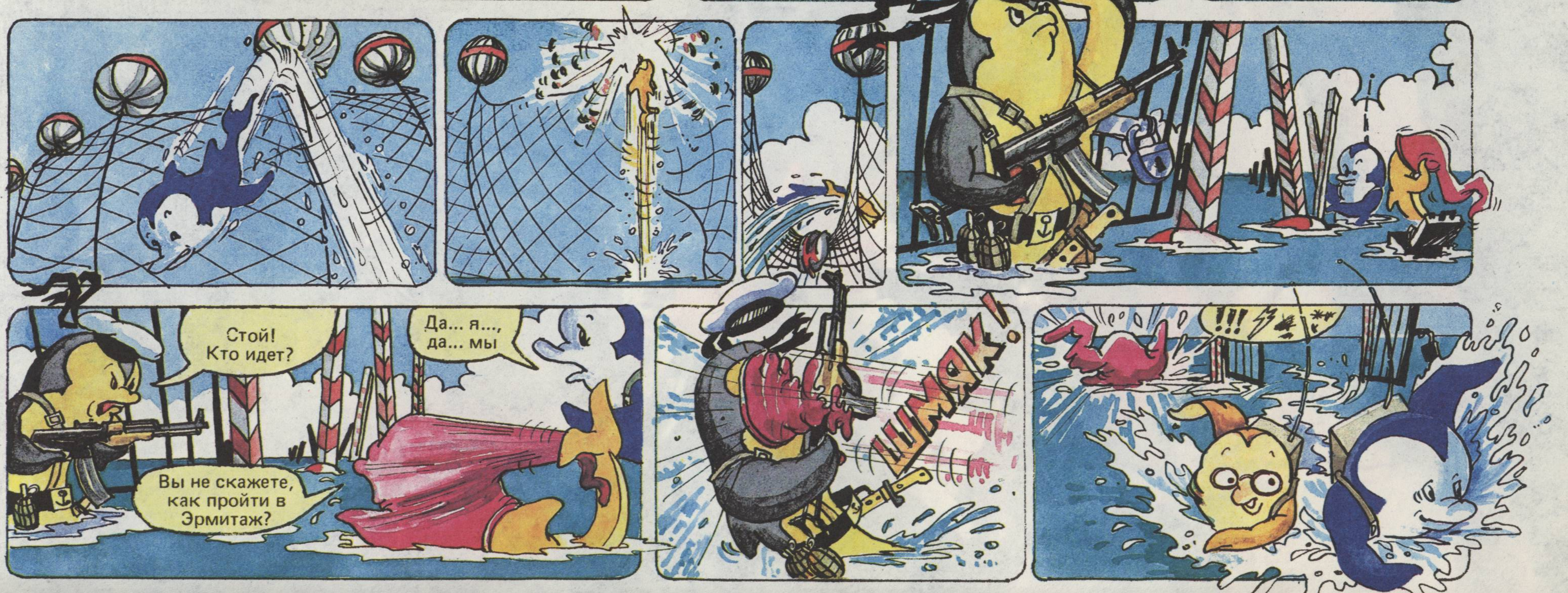
МИККО — СЫН ПАВЛОВОЙ

Продолжение. Начало в №№ 6 — 11.

Рисунки П. СЕВЕРЦОВА.

Как вы помните, два судна страны Колумбарии, яхта «Мария» и корабль диктатора этой страны, затонули в открытом море. Неожиданно выяснилось, что дельфины охраны враждующих сторон — Тристан, Генри и Павлова — старые друзья. Среди обломков «Марии» они спасают мальчика Микко, и Павлова отдает его учиться в школу, которая находится в Севастопольской бухте. Однако Микко ужасно непоседлив и любит шалить. Поэтому учительница просит Павлову вызвать его отца. Павлова радирует Тристану. Два друга — Тристан и Генри — отправляются в Севастополь, получив секретное задание от полковника Еллоу.

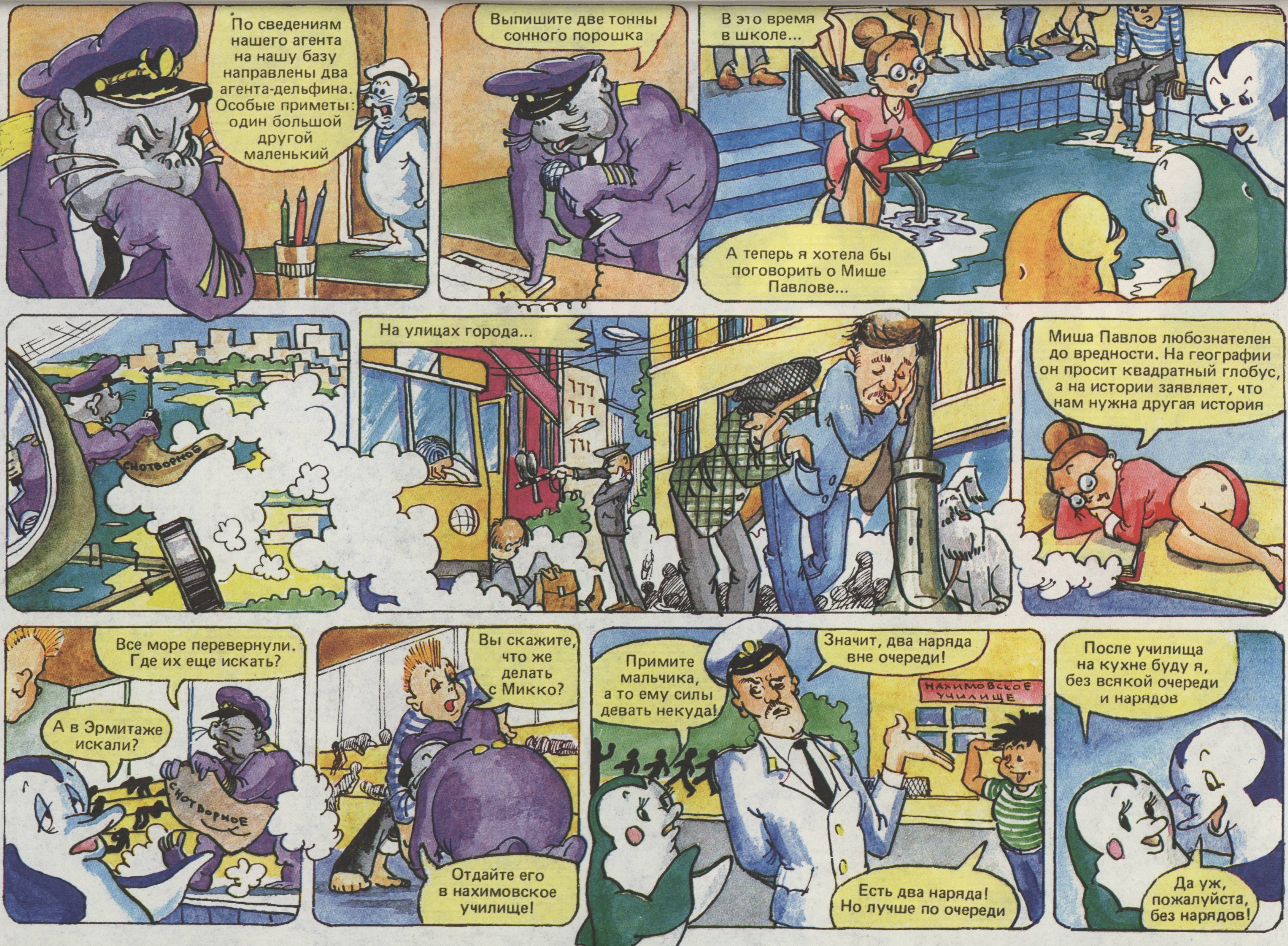
ФОТОГРАФИЯ Н. МАТОРИНА.

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Чт						
Пт		1	1			
Со		2	2			1
Вс		3	3			2
Пн		4	4	1		3
Вт	1	5	5	2		4
Ср	2	6	6	3	1	5
Чт	3	7	7	4	2	6
Пт	4	8	8	5	3	7
Со	5	9	9	6	4	8
Вс	6	10	10	7	5	9
Пн	7	11	11	8	6	10
Вт	8	12	12	9	7	11
Ср	9	13	13	10	8	12
Чт	10	14	14	11	9	13
Пт	11	15	15	12	10	14
Со	12	16	16	13	11	15
Вс	13	17	17	14	12	16
Пн	14	18	18	15	13	17
Вт	15	19	19	16	14	18
Ср	16	20	20	17	15	19
Чт	17	21	21	18	16	20
Пт	18	22	22	19	17	21
Со	19	23	23	20	18	22
Вс	20	24	24	21	19	23
Пн	21	25	25	22	20	24
Вт	22	26	26	23	21	25
Ср	23	27	27	24	22	26
Чт	24	28	28	25	23	27
Пт	25		29	26	24	28
Со	26		30	27	25	29
Вс	27		31	28	26	30
Пн	28			29	27	
Вт	29			30	28	
Ср	30				29	
Чт	31				30	
Пт					31	

ПИОНЕР '91

Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	
	1					Чт
	2			1		Пт
	3			2		Сб
	4	1		3	1	Вс
1	5	2		4	2	Пн
2	6	3	1	5	3	Вт
3	7	4	2	6	4	Ср
4	8	5	3	7	5	Чт
5	9	6	4	8	6	Пт
6	10	7	5	9	7	Сб
7	11	8	6	10	8	Вс
8	12	9	7	11	9	Пн
9	13	10	8	12	10	Вт
10	14	11	9	13	11	Ср
11	15	12	10	14	12	Чт
12	16	13	11	15	13	Пт
13	17	14	12	16	14	Сб
14	18	15	13	17	15	Вс
15	19	16	14	18	16	Пн
16	20	17	15	19	17	Вт
17	21	18	16	20	18	Ср
18	22	19	17	21	19	Чт
19	23	20	18	22	20	Пт
20	24	21	19	23	21	Сб
21	25	22	20	24	22	Вс
22	26	23	21	25	23	Пн
23	27	24	22	26	24	Вт
24	28	25	23	27	25	Ср
25	29	26	24	28	26	Чт
26	30	27	25	29	27	Пт
27	31	28	26	30	28	Сб
28		29	27		29	Вс
29		30	28		30	Пн
30			29		31	Вт
31			30			Ср
			31			Чт
						Пт

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Владимир МАЛОВ

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСТ В МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 11.

Рисунки К. БАТАШЕВОЙ.

Учитель физики одной из московских школ, Лаэрт Анатольевич, построил машину времени. Удалось ему это сделать потому, что в его руках оказалась фотография аппарата, с помощью которого школьники из будущего Бренк и Златко побывали однажды в их школе. Ученики седьмого «А» класса Петр Трофименко и Константин Костиков, друзья Бренка и Златко, понимают, сколь опасно для человечества обладание такой машиной. По совету Петиной бабушки они пытаются выкрасть машину времени из лаборатории. Их застает Лаэрт Анатольевич. Вместе с ним ребята отправляются в недалекое будущее, где проводят всего пять минут. Возвратясь, они понимают, что с помощью этой машины можно отправиться в XXIII век и навестить там Бренка и Златко.

4. Улика из будущего

В эту ночь Петр спал на удивление плохо. Он ворочался, часто просыпался, ему не давала покоя какая-то смутная тревога. Тревога, впрочем, мешалась с другими чувствами: все-таки он побывал в XXI веке, а потом за пять минут промчался сквозь время вообще неизвестно в какую эпоху, и это наполняло душу то радостной гордостью, то ощущением нереальности, сказочности всего того, что произошло. Уже под утро Петр понял, чтó его беспокоит: «Пионерскую правду», датированную две тысячи вторым годом, он так и оставил на полу, рядом с дверью кабинета физики, когда примкнул засов и выключил фонарь. Мигом соскочив с постели, Петр стал лихорадочно одеваться, чтобы прийти в школу первым и подобрать газету-улику, пока ее не нашел кто-то другой. Как же он мог допустить такой промах?! Кляня себя на все лады, Петр молниеносно умылся, мигом собрал портфель и — не до завтрака — уже шагнул к двери. Но тут случилось неожиданное.

С наружной стороны кто-то вставил ключ в замок. Дверь открылась. На пороге появились мама и папа, рядом с ними были четыре чемодана и груда коробок. Светясь радостью, мама с порога затараторила, не делая пауз между фразами:

— Ой, Петр, я так рада, так рада, ты еще больше вырос, мы приехали, потому что туземцы из-за религиозного праздника пока отказались разгружать вагоны, нас вызовут телеграммой, когда праздник кончится, это еще недели через две-три, впрочем, точно неизвестно, как дела, как школа, мы тебе привезли много подарков.

— Люся, да ты войди сначала! — сказал коричневый от африканского солнца, с выгоревшими волосами и бородой папа и стал вносить в прихожую коробки и чемоданы. Мама принялась комментировать.

— Это одежда, это подарок Александре Михайловне, африканская педагогическая литература на разных языках, это снова одежда, это разные сувениры, а вот это тебе видеомагнитофон, знаю, ты давно о нем мечтаешь, но, конечно, он не должен мешать учебе, а это тебе несколько пар новых джинсов, вот еще майки с африканской символикой, а это...

— Ух ты! — с восторгом выдохнул Петр и бросился на шею сначала маме, потом папе, мигом забыв обо всем на свете.

Из своей комнаты на голоса появилась бабушка, тоже светившаяся от радости. Она раз десять поцеловала папу и приветливо кивнула маме. Прихожая наполнилась невообразимым шумом: мама, Александра Михайловна и папа стали говорить одновременно. Петр, душа которого замирала от счастья, тем временем вскрывал коробку с видеомагнитофоном, предметом долгих и сбывшихся наконец мечтаний. «Японский,— отметил он с удовольствием,— ну, теперь мы с Коськой в кино больше не ходим, теперь мы...»

Вспомнив о Косте, Петр мгновенно вспомнил и обо всем остальном. Ему стало стыдно, и он резко выпрямился. Он распаковывает видеомагнитофон, а надо мчаться в школу, чтобы успеть припрятать улику из будущего. Взглянув на часы, он с досадой убедился, что потерял целых десять минут.

— Мне сегодня надо пораньше, дежурный я,— пробормотал Петя первое, что пришло в голову, и выскочил за дверь.

Как вихрь, не переставая клясть себя и за вчерашнюю забывчивость, и за сегодняшнюю медлительность, он кратчайшим путем пронесся от своего подъезда к подъезду школы № 1441. В вестибюле было еще очень малолюдно. Вздохнув с некоторой надеждой, он мигом взлетел на тот этаж, где был кабинет физики, но первое, что увидел,— это длинную спину отличницы Марины Букиной. На его глазах эта блюстительница чистоты и порядка подняла с пола злополучную «Пионерскую правду» и машинально пробежала глазами ее первую страницу.

— Ой,— сказала она и повторила: — Ой!

Петр похолодел. Но, прежде чем он успел что-

либо сделать, по коридору гулко простучали Маринины каблучки, и она умчалась в сторону учительской. Дверь ее захлопнулась прямо перед Петиным носом. В отчаянии он уже хотел ворваться в учительскую вслед за Мариной и отобрать у нее газету, но прямо перед ним откуда ни возьмись появился директор. Степан Алексеевич величественно кивнул Петру и сам вошел в учительскую.

Окончательно придя в смятение, что с ним бывало очень редко, Петр отступил и сел на подоконник напротив. Здесь-то минуту спустя и нашел его Костя Костиков.

— Мы разоблачены,— мрачно сообщил ему Петр.— И виноват в этом только я. Вчера в темноте я так и оставил на полу «Пионерку» из две тысячи второго года, а Букина только что ее нашла и отнесла в учительскую. Что теперь будет? И ведь мог я еще успеть, если б не этот видик!..

Костя тоже помрачнел и, не говоря ни слова — ничего уже все равно не исправишь,— стал анализировать ситуацию. Лично против них с Петром никаких улик не было, но по всему получалось, что они здорово подвели Изобретателя. Директор распорядился закрыть кабинет физики на засов, директор знал, что Лаэрт Анатольевич пока совершил только одно путешествие во времени — в далекое прошлое, в эпоху диплодоков,— а теперь оказывалось, что он, нарушив директорский запрет, еще раз включал машину времени, чтобы съездить в будущее, вскрыв при этом закрытый на засов кабинет.

У учительской нарастал неразборчивый гул голосов; он стал проходить даже сквозь плотно закрытую дверь. Очевидно, там уже было много народу, хотя учителя продолжали подходить. Прошла учительница физкультуры Галина Сергеевна, потом Петр Ильич, литератор. Когда дверь открывалась, в коридор долетали обрывки фраз, например, такие: «Но ведь это не прошлое, а будущее...», «Неизвестно, что он еще натворит...», «Не могу я преподавать как на вулкане...». Медленно тянулись минуты, коридор наполнялся школьниками, и вскоре веселый коридорный гул полностью заглушил шум в учительской. Из нее вдруг вышел Степан Алексеевич и пошел в сторону кабинета физики. Скоро он вернулся, покачивая головой, и исчез за дверью опять.

Появился Изобретатель с отрешенным и вдохновенным лицом. Однако Костю и Петра он все-таки заметил и, подойдя к подоконнику, заговорщически зашептал:

— Ночью я все рассчитал, все понял! Теперь никаких накладок быть не должно! И всего-то каких-нибудь двадцать минут работы, надо перемонтировать блок...

— Лаэрт Анатольевич,— остановил его Костя Костиков,— они все знают! — Он показал на дверь учительской.— Мы вчера забыли здесь «Пионерскую правду» из будущего, а Букина ее нашла. Они знают, что вы, нарушив директорский запрет, ездили в будущее.

— Ну так что же! — сказал Изобретатель с прежним вдохновением.— Мы можем взять их всех с собой! Они наверняка тоже хотят заглянуть в будущее! Мощности машины должно хватить человек на пятнадцать, это зависит от веса...

Петр и Костя переглянулись. Такой вариант как-то не приходил им в голову. Неизвестно было, как к нему могли отнестись учителя, хотя, конечно, кто бы отказался от возможности заглянуть в будущее? А Лаэрт Анатольевич уже скрылся за дверью учительской. Несколько минут спустя прозвенел звонок. Коридор стал пустеть, школьники потянулись в классы на первый урок, однако дверь учительской все не открывалась. В опустевшем коридоре теперь снова был слышен неясный гул голосов. Судя по всему, обстановка накалялась, и неизвестно, чем для злополучного Изобретателя все это могло кончиться. Вздохнув, Костя потянул Петра за рукав.

— Пошли! Пошли на урок. Нехорошо, если нас здесь застанут. Мы как будто подслушиваем!

Они спустились в подвал, в столярную мастерскую — первым уроком по странной случайности была физика, которую вчера директор распорядился пока проводить именно здесь. В тесном помещении, за верстаками, уже собрались все, кроме Букиной. Стульев к верстакам, как известно, не полагается, и поэтому класс стоял. Учительского стола в мастерской тоже не было, и, значит, урок должен был пройти, как митинг: учитель выступал бы перед стоящей за верстаками толпой. Однако учителя все не было и не было, и постепенно все стали поудобнее устраиваться прямо на верстаках, стряхивая с них стружку.

Обстановка, конечно, была очень необычной. Во-первых, не часто физику преподают в столярных мастерских. Во-вторых, вчера произошли необыкновенные события, и седьмой «А» был их непосредственным свидетелем. Да и всю школу уже, разумеется, облетело известие, что Изобретатель построил машину времени и что вчера в школе побывал диплодок. Седьмой «А» взволнованно гудел. Костя с тоской подумал, что многие из учеников школы № 1441, разумеется, рассказали о необыкновенном событии дома, а это и есть изменение хода истории, так как подобная информация может привести неизвестно к каким результатам. «Хорошо,— подумал Костя,— если чьи-нибудь папа и мама будут настолько благоразумны, что сочтут эту историю плодом буйного воображения ребенка или следствием переутомления от чрезмерных занятий. А если кто-то поверит, придет в школу за разъяснениями, напишет в газету, сообщит на телевидение?»

Но додумать он не успел: в столярной мастерской наконец появился Лаэрт Анатольевич, а следом за ним в дверь тихонько прошмыгнула Букина. Костя и Петя впились глазами в лицо Изобретателя, но ничего не поняли: оно по-прежнему было отрешенно-восторженным. А поведение учителя физики просто не укладывалось ни в какие рамки.

— Так что мы проходили на прошлом уроке? — весело спросил Изобретатель с таким видом, словно сам об этом совершенно не был осведомлен. Однако, прежде чем ему успели ответить, учитель махнул рукой и сказал: — Впрочем, это совершенно не важно.— Он оглядел столярную мастерскую.— Как вы сами понимаете, заниматься здесь совершенно невозможно. Нет приборов, видеодоски, компьютера...

Изобретатель задумался.

— Вот что,— сказал он потом,— программу мы всегда нагоним, а на улице сегодня такой прекрасный сентябрьский день... Какой у вас следующий урок?

— Биология,— ответила Букина.

— Отлично! — Изобретатель даже потер руки.— Предлагаю вам до биологии прогуляться по парку. А я пока проведу индивидуальное занятие с Костиковым и Трофименко...

Седьмой «А» взорвался радостными криками, в дверях тут же образовалась веселая давка, все

хотели выйти одновременно. Последней к двери, пятясь, медленно отходила Марина Букина, лицо ее было отмечено предельной стадией любопытства. Заметив это, Лаэрт Анатольевич вдруг проявил обычно несвойственный ему в обыденных, далеких от мира техники делах здравый смысл.

— Марина,— сказал он строго,— ответственность за оздоровительное мероприятие я целиком возлагаю на тебя. К началу следующего урока ты приведешь класс в кабинет биологии. Костикова и Трофименко я прошу остаться для индивидуального занятия.

За Мариной закрылась дверь, на лестнице смолкли ее шаги. Ничего не понимая, Петр и Костя застыли в немом изумлении. Изобретатель с сияющим лицом сильно хлопнул по плечу сначала одного, потом другого.

— Все в порядке! — сказал он весело.— Сегодня в шесть вечера мы отправляемся в будущее! Вместе с нами отправляются и некоторые учителя, а также директор.

— Лаэрт Анатольевич! — вырвалось у Кости.— Ну, конечно, я так и знал! Кто же откажется от возможности заглянуть в будущее?!

Изобретатель заговорщически подмигнул, но вдруг поморщился, словно вспомнив что-то не очень приятное.

— Да нет, такая мысль не сразу к ним пришла,— без удовольствия сказал он,— это уже потом как-то постепенно все изменилось...

Он взглянул в лица ребятам.

— Да, если вам интересно, вы можете послушать: я, разумеется, записывал на магнитофон...

Лаэрт Анатольевич достал из кармана связку ключей и еще один большой ключ.

— Вот, в брелоке я собрал портативный магнитофон. Сейчас мы пойдем в кабинет физики...

Повертев большим ключом, Изобретатель пояснил:

— Степан Алексеевич отдал, взламывать не придется. Там я быстренько перепаяю несколько схем, а вы пока послушаете.

Он обнял ребят за плечи.

— Хоть это, может быть, и не совсем правильно с точки зрения педагогики, но теперь у меня нет от вас секретов. Мы ведь стали,— он вновь подмигнул,— мы стали сообщниками, связанными общим преступлением. Вы взломали дверь, я готов был сделать то же самое, и, значит, я точно такой же преступник, как вы!

В кабинете физики, таком знакомом и привычном, Косте и Пете вдруг стало как-то не по себе. Теперь это был уже не просто учебный кабинет, а место старта путешествий во времени, и, значит, место необычное и загадочное. Изобретатель нажал на брелоке едва заметную кнопку, включив магнитофон, и тут же о существовании Кости и Петра забыл, ушел в лаборантскую, чтобы углубиться в свою таинственную работу.

Ребята прильнули к сверхпортативному магнитофону. В учительской, должно быть, произошло что-то необычное, раз не сразу учителя, по словам Изобретателя, решили отправиться в будущее. Для начала магнитофон голосом Степана Алексеевича саркастически сказал:

— А, вот и наш Уэллс! Путешественник во времени! Милости просим, Лаэрт Анатольевич!

Тут же магнитофон взорвался невообразимым шумом, заговорили, похоже, все сразу. Можно было едва разобрать отдельные возгласы: «О диплодоке, наверное, уже знает вся Москва!», «Я не могу спокойно преподавать...», «Безответственность товарища Ковригина ставит нас всех...». Шум перекрыл саркастический голос директора:

— Нет, так не пойдет! Мы, как коллектив педагогов, то есть людей, воспитывающих всех, в том числе и друг друга, и самих себя, должны прежде всего дать возможность высказаться самому Лаэрту Анатольевичу.

— Двери взламывал! — выкрикнул магнитофон голосом Аркадии Львовны, классного руководителя седьмого «А».— Где же правопорядок?!

— Зато теперь я все понял, разобрался, и машина времени будет работать как часы! Полная гарантия надежности! — убежденно произнес Лаэрт Анатольевич.

— Значит, напустите целую школу этих... дидло... ну, тварей этих ужасных! — возмущенно вымолвила физкультурница.

Наступила пауза. Степан Алексеевич откашлялся, как он всегда это делал, прежде чем сказать что-то важное.

— Лаэрт Анатольевич,— начал он,— вы признаете, что вскрывали дверь кабинета физики, чтобы без моего разрешения отправиться на машине времени в будущее, о чем свидетельствует вот эта улика,— послышалось шуршание газетного листа,— а именно экземпляр газеты «Пионерская правда», датированный 24 мая 2002 года? Сейчас не 2002 год!

— Качество, качество записи какое! — восхищенно пробормотал Петр.— Даже шуршание слышно!

— Понимание того, в чем я ошибся в первый раз,— сказал Лаэрт Анатольевич,— пришло ко мне поздно вечером. Тот, кому знакомо творческое горение, меня поймет: я просто не в силах был дожидаться утра, нужно было все исправить немедленно, пришедшее озарение могло пройти...

— Этот одержимый человек взломал засов! — выкрикнула физкультурница.— Налицо преступление!

— Да, вот они, изобретатели! — сказал Степан Алексеевич даже с некоторой задушевностью.— Одержимые, забывающие все на свете! Но творческие люди могут это понять...

— Взломал засов! — как эхо повторила физкультурница.

— Да, Лаэрт Анатольевич.— Директор словно бы спохватился.— Чтобы отправиться в будущее, вы должны были взломать замок. Однако я проверял, он в полной исправности...

— Замок я не взламывал, просто сумел подобрать ключ,— быстро ответил Изобретатель.— Потом закрыл. А «Пионерку» я просто выронил.

Петр толкнул Костю локтем в бок.

— Смотри, все на себя берет, нас не выдал!

— Значит, вы побывали в 2002 году? — задумчиво проговорил директор.

— Да, но находился там очень короткое время,— отвечал Изобретатель.

— Лаэрт Анатольевич,— послышался голосок историка Веры Владимировны,— ну и... что вы там увидели?

Опять наступила пауза.

— На первый взгляд внешние перемены незначительны, однако и время это не очень отдалено от нас,— уклончиво сказал Изобретатель.— Но я,— быстро продолжил он тут же,— приглашаю всех вас совершить экскурсию в более отдаленное будущее. Неужели вам неинтересно, что будет через века? Теперь... еще немного работы... машина времени абсолютно надежна. Отправиться можно прямо сегодня!

Теперь в учительской поднялся невероятный шум, и ничего нельзя было разобрать. В наступившей только на один краткий миг паузе ясно прозвучал лишь категоричный голос преподавателя литературы Петра Ильича:

— Шарлатанство!

Наконец снова наступила тишина. Вслед за ней голос директора задумчиво сказал:

— Да нет, Петр Ильич, вы не правы! Путешествие в будущее возможно, доказательство налицо,— вновь зашуршала газетная бумага.

— Вот давайте и совершим такое путешествие,— быстро подхватил Изобретатель,— ненадолго. А потом машину времени я обещаю разобрать, потому что для нашего времени она преждевременна. Собственно, в данном случае меня интересовало только одно: сумею ли я по одному фрагменту восстановить полную схему или нет?

— А там, в будущем, наверное, изобилие? — сказала неожиданно физкультурница.— Через век там или через два должно же все наладиться!

— Изобилие, да не для нас,— быстро ответила Аркадия Львовна.— Интересно, как мы сможем что-нибудь купить? Деньги, конечно, будут уже совсем другими. Это все равно, как у нас сейчас кто-нибудь стал бы платить монетами Екатерины Второй!

— Какие такие деньги? — искренне удивилась физкультурница.— Если полное изобилие, значит, и деньги уже не нужны. Ведь именно об этом мечтали целые поколения, себя не щадя. Подошел, взял сколько надо, и никаких денег. Пошел дальше, снова взял. А что одеты мы будем не так, как они, будущие, так, может, мы делегация из какой-то страны этого, как его... третьего мира. Послушайте, Лаэрт Анатольевич, а сколько человек может взять ваша машина времени?

— Подождите минуточку,— сказал Изобретатель.— С абсолютной точностью я этого еще не рассчитывал. Сейчас на мини-компьютере...

Вновь наступила почти полная тишина. Слышно было только, как кто-то с кем-то быстро шептался, но слов нельзя было понять.

— Вот,— подсчитал наконец Изобретатель,— машина достаточно мощная. Может переместить во времени девятнадцать человек со средним весом в восемьдесят килограммов. Значит, в машине времени девятнадцать мест.

— Не поеду я ни в какое будущее,— угрюмо молвил литератор Петр Ильич,— потому что все равно не верю!

— Вы ретроград, Петр Ильич, я всегда вам прямо так и говорю! — возмущенно выпалила физкультурница.— Вы погрязли в своей литературе, вместо того чтобы открыть глаза на действительность. И вообще таким, как вы, давно пора на пенсию, вы тормозите учебный процесс, а также школьные показатели.

— Галина Сергеевна, Галина Сергеевна,— укоризненно произнес директор.

— Это она сейчас правильно,— пробормотал Петр,— такая скука у него на уроках! Уж лучше читать самому все подряд, без программы.

— Итак,— перебил всех Изобретатель, по-видимому, вновь начиная воодушевляться,— в машине времени девятнадцать мест. Но у меня обязательное условие: я непременно беру учеников седьмого «А» Константина Костикова и Петра Трофименко. В конце концов именно они первыми встретились с этими ребятами из XXIII века, с чего все и началось, и они в курсе всего...

— У Трофименко с успеваемостью,— тут же сказала Аркадия Львовна,— да и с домашним воспитанием не все хорошо, несмотря на то, что

у него бабушка доктор педагогических наук и, казалось, могла бы...

Петр густо покраснел.

— А зачем Трофименко в будущее? — искренне удивилась физкультурница.— И так у него родители из-за границы не вылезают и уж чего, конечно, только не привозят...

Петр покраснел еще больше: он вспомнил, что именно из-за привезенного родителями видеомагнитофона не успел убрать улику. Если бы успел, все так и осталось бы в тайне и Изобретателю не пришлось, спасая положение, приглашать в будущее весь педагогический коллектив.

— Галина Сергеевна, вам не стыдно? — тихо спросила Вера Владимировна, но ее перебила Аркадия Львовна.

— Вот Марину Букину надо взять,— сказала она.— У нее все благополучно, и успеваемость, и родители оба зубные врачи.

— Если я ретроград,— вдруг выкрикнул Петр Ильич,— то знайте: никогда ваше кривлянье и дрыганье, которое называется преподаванием физкультуры, не заменит высокого и чистого...

Наступила тишина. В брелоке что-то щелкнуло.

— Пленка кончилась,— догадался Костя, и в тот же момент, словно он специально дожидался, на пороге лаборантской появился Изобретатель и рукой вытер пот со лба.

— Вот и все,— объявил он со счастливой улыбкой,— если хотите, мы можем сейчас, без них...

Он посмотрел на часы, и лицо его стало огорченным.

— Нет, через три минуты уже перемена, а потом подряд несколько уроков надо провести. Так что отправляемся в шесть часов, как мы решили там, в учительской, и не на десять—двадцать лет вперед, а сразу на век, на два, чтобы нагляднее ощутить перемены.

— Лаэрт Анатольевич,— непривычно тихо начал Петр,— там у вас пленка кончилась, а про меня они говорили...

Изобретатель не отвел взгляда.

— Да, действительно пленка кончилась,— ответил он,— а я в пылу разговора как-то этого и не заметил и не перевернул микрокассету... Но ты не обращай внимания на то, что говорили отдельные члены нашего педагогического коллектива. Люди бывают разные, среди учителей — тоже, да ты и сам это уже, конечно, знаешь. Но жалко, что ты не можешь услышать, что про тебя говорила Верочка... то есть Вера Владимировна, да и сам Степан Алексеевич одобрил, как ты диплодока выгонял...

Петр просветлел. А Косте Костикову давно уже не давала покоя одна мысль:

— Лаэрт Анатольевич, но это что же получается? Они ведь хотят набрать в будущем разных вещей и привезти в наше время. А вдруг там, чего доброго, и в самом деле уже все бесплатно, и наберут! Это и будет тот самый поворот в ходе истории...

Изобретатель весело хмыкнул.

— Не будет поворота! И вот почему: у моей машины есть одна особенность. Ты помнишь, что Златко и Бренк носили свой блок хроноперенoса постоянно с собой, и это позволяло им свободно перемещаться в пространстве. А моя машина остается на одном месте, она переносит людей только сквозь время. Так вот, возможность передвижения в этом случае невелика. По сути, мы все время будем на одном месте, ограниченном радиусом в семь-восемь метров. Если кто-нибудь попытается отойти в сторону, будущее само вытолкнет его на прежнее место, так что вряд ли они смогут походить там по магазинам. Будут стоять и смотреть по сторонам, только и всего!

— Лаэрт Анатольевич,— застенчиво спросил Петр,— а мы можем отправиться в то время, где живут Златко и Бренк? Сможем их повидать?

Изобретатель задумался, потом честно ответил:

— Все-таки, чего кривить, моя машина не очень еще совершенна. А тут нужна особая точность. Я попробую настроиться на шестидесятые годы XXIII века, но ваших ребят нужно ведь искать еще и в пространстве...

Петр и Костя уныло переглянулись, и тут же зазвенел звонок.

— Ну, до вечера,— сказал Изобретатель и положил ключи с магнитофоном в карман.— В той части разговора, которую я не записал, постепенно пришли к решению, что отправимся ровно в шесть... Да не огорчайтесь вы! Чего только не бывает на свете! Может, найдем и Златко с Бренком. Не в этот раз, так в другой.

5. Третье путешествие во времени

В пять часов вечера Петр пошел к Александре Михайловне на кухню, где она готовила великолепный праздничный ужин.

— Бабушка, а у тебя пельмени в морозилке есть? — спросил он.— Мне бы пачки три-четыре...

— Нет сейчас нигде пельменей! — ответила Александра Михайловна.— Их, должно быть, тоже теперь на экспорт отправляют, за валюту, куда-нибудь в Сенегал или в Новую Каледонию!

Бабушка замолчала, внимательно посмотрела на Петра и все поняла.

— Постой, значит, сегодня вы собираетесь...

Петр кивнул.

— Ты только родителям ничего пока не говори, ладно? Они только утром приехали, от самой Африки летели, устали. Пусть пока отдохнут. А к ужину я должен вернуться.

— Постой, постой,— сказала Александра Михайловна и стала складывать в пакет только что испеченные пирожки.— Пельменей нет, так вот это им от меня передай, если встретишь. И привет, конечно.— Голос ее дрогнул.— Такие славные ребята! Ну, ни пуха вам ни пера! Да и Лаэрта вашего тоже угости, я как-то его теперь зауважала. Подожди, я тебя поцелую!

Бабушка обняла внука, всхлипнула и, помедлив, подтолкнула его к двери.

У Петра защемило сердце: все-таки он отправлялся неизвестно куда и — кто знает — ТАМ могло произойти всякое. Взяв пакет и не оглядываясь, он шагнул за порог. Во дворе его уже должен был ждать Костя. Петр нашел его на лавочке у подъезда. Костя был сосредоточен, собран, но видно было, что он тоже взволнован и напряжен. Завидев Петра, он сразу же встал.

— Когда чего-нибудь сильно ждешь, время почти не движется! — сказал Костя нетерпеливо.— И чего это они решили отправиться только в шесть!

— Не могут же они так сразу все бросить и отправиться в будущее,— рассудительно заметил Петр.— Надо и тетради проверить, и дома по хозяйству чего-нибудь. Учителя — они тоже люди, и я им многое прощаю... А я так прямо еле вытерпел. Говорю с родителями про Африку, а сам все на часы смотрю!

Костя уже сорвался с места.

— Пошли! Может, Лаэрту Анатольевичу еще помочь в чем-нибудь надо?

Но на мгновение он все-таки остановился и, помедлив, зловеще сказал:

— Эх, есть у меня предчувствие! Будет сегодня какой-нибудь поворот в ходе истории! Будет, что́ бы Лаэрт ни говорил!

Маленький школьный дворик был уже пуст. Низкое сентябрьское солнце подсвечивало розовые школьные стены косыми лучами, тени были по-осеннему резкими и причудливыми, отчего все здание теряло привычный облик и представлялось фантастической постройкой тех далеких времен, куда вот-вот должны были отправиться Петр и Костя.

В дверях они уступили дорогу подошедшей с другой стороны Галине Сергеевне. Преподавательница физкультуры, неожиданно одетая в элегантный вечерний костюм, держала в руках огромную дорожную сумку, совершенно пустую, судя по степени сплющенности. Рядом с Галиной Сергеевной шла какая-то незнакомая женщина с сумкой еще большего размера. «Ты, Вет, только ничего не бойся,— говорила на ходу физкультурница.— Как он объяснял, раз — и ты сразу там, а потом раз — и сразу обратно. Ну не сразу, конечно, мы там еще...» Ребята пропустили их вперед и, чувствуя все большее волнение, как спортсмены перед стартом, тоже стали подниматься по лестнице, ведущей к кабинету физики. Сверху донесся голос Галины Сергеевны:

— Знакомьтесь, это моя подруга по институту физкультуры, ее зовут Виолетта Ивановна. Нет-нет, Лаэрт Анатольевич, я подсчитывала: если вместе девятнадцать, то она вполне войдет.

Ответные слова Изобретателя, тоже донесшиеся до ребят, оказались не очень разборчивыми.

— Видел сумки? — спросил Костя.— Они хотят их наполнить — там, в будущем!

— Это из-за меня все! — вспыхнул Петр.— Не потеряй я эту газету, мы бы отправились в будущее втроем! На месте Изобретателя я бы меня просто возненавидел! Представляешь, что ему из-за меня приходится терпеть!

Они поднялись, увидели, что́ происходит перед дверью физического кабинета, и Костя подумал, что никто из авторов прочитанных им многочисленных фантастических книг так и не смог себе точно представить, как путешествия во времени будут начинаться на самом деле, когда станут не фантастикой, а реальностью. Во всяком случае, никто из фантастов не снаряжал своих героев, отправляющихся в будущее или в прошлое, таким количеством сумок, объемистых портфелей и даже рюкзаков. У Аркадии Львовны была большая хозяйственная сумка на колесиках, а у Степана Алексеевича — матерчатый клетчатый чемодан. У Марины Букиной, которая тоже оказалась здесь, на плече висела пустая сумка с надписью «Спартак». Взглянув на Костю и Петю, Марина почему-то отвела взгляд. Все беспорядочно толпились перед кабинетом, а всклокоченный Изобретатель, стоя в дверях, был похож на уставшую стюардессу, которая вот-вот запустит пассажиров в самолет. Но когда Лаэрт Анатольевич заметил Петра и Костю, губы его тронула озорная усмешка.

— Товарищи! Коллеги! — крикнул он, перекрывая шум.— Все готово, но я хочу сделать важное предупреждение. Мощность машины рассчитана на девятнадцать человек со средним весом в восемьдесят килограммов. Если на обратном пути вес будет превышен, кому-то придется навсегда

остаться со своей поклажей в будущем.

— А сколько нас? — нервно спросила Аркадия Львовна и, сбиваясь, начала считать.— Четырнадцать,— объявила она наконец,— ах нет... Вас-то я и не посчитала, Лаэрт Анатольевич. Пятнадцать! Значит, есть запас, да и ребята весят, конечно, поменьше. Да, должна еще подойти Розалинда Аркадьевна, председатель родительского комитета, Степан Алексеевич, мы с вами договорились... Ой, Верочка, Вера Владимировна, а вы что же, ничего с собой не взяли, даже сумочку?

Костя увидел, как Галина Сергеевна толкнула в бок Виолетту Ивановну.

— Вет, а если там ничего, почему б и не остаться? — громким шепотом сказала она.— Ну что нас здесь держит, а там, может, и личную жизнь устроим?..

Тяжело ступая, по лестнице поднялась очень полная дама, элегантно одетая, обильно украшенная массивными кольцами и браслетами и с большой, но элегантной сумкой.

— Розалинда Аркадьевна, здравствуйте, дорогая! — с радостью сказала Аркадия Львовна, но на мощные формы председателя родительского комитета взглянула без особого удовольствия.— Вас, дорогая, только и ждем!

— Если все в сборе, прошу! — сказал Изобретатель и еще больше стал похож на авиационную стюардессу.— Всех прошу пройти в лаборантскую!

Было заметно, что, несмотря на уверенный тон, Лаэрт Анатольевич тоже порядком волнуется: все-таки путешествия во времени еще не стали для него нормой жизни. Очень чувствовалось, что волнуются и все остальные: одно дело было представить поездку в будущее абстрактно, за разговором в учительской, и совсем другое — на самом деле. Степан Алексеевич на ходу вдруг выронил свой чемодан, подобрал его, сконфузился и громко извинился.

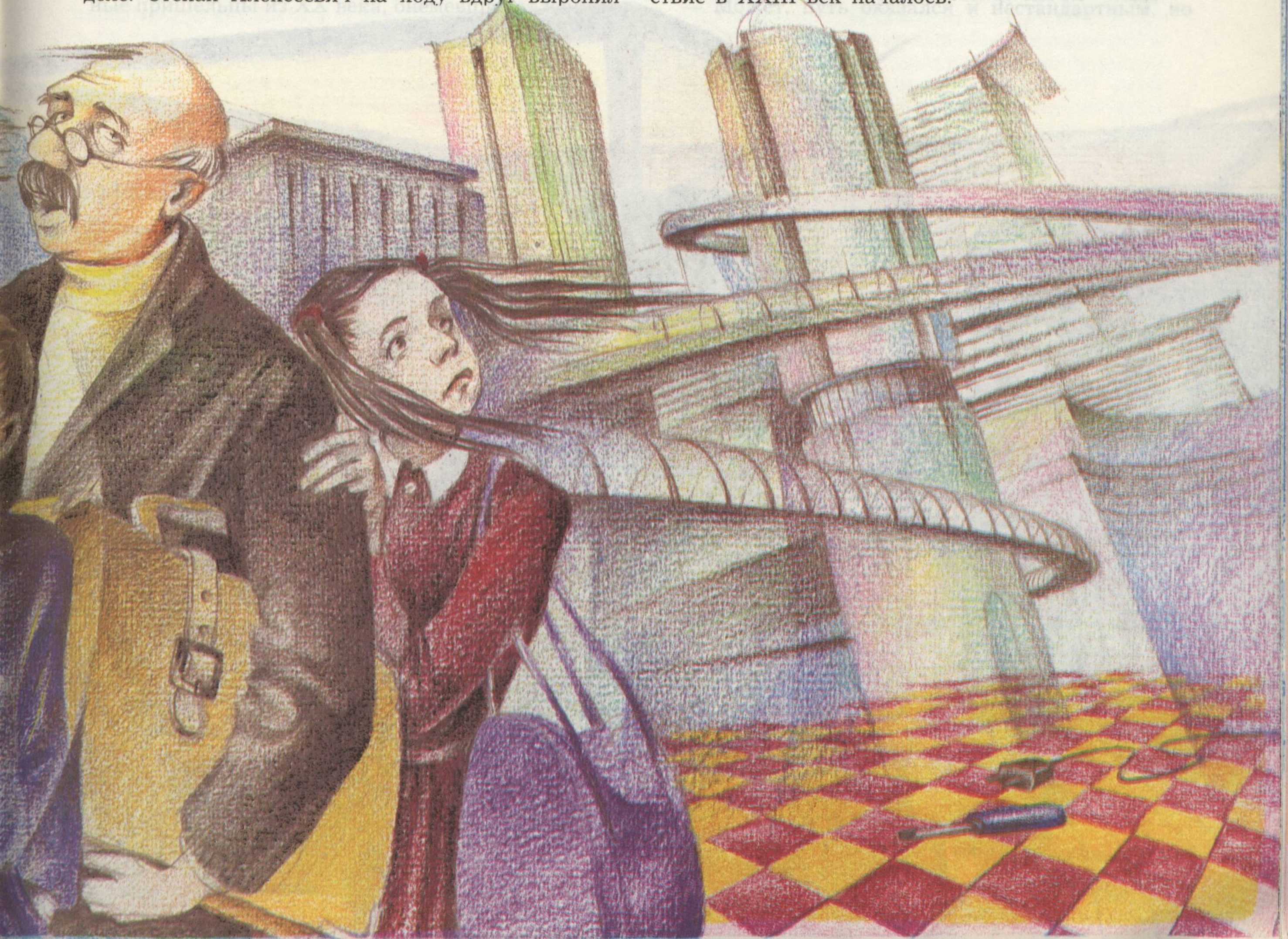
Пропустив всех, Изобретатель запер изнутри дверь на электронный замок. Это похоже на то, как у ракеты перед стартом закрывают люк, подумал Костя, и этим обрываются все связи с внешним миром, остается только радио, а здесь и его нет. Подруга Галины Сергеевны порывисто вздохнула. Елизавета Петровна, математичка, посмотрела на дверь с глубокой тоской. Было видно, что многие уже начинают жалеть о скоропалительном решении посетить будущее, но идти на попятную на глазах у всего педагогического коллектива, с которым еще работать и работать, и особенно трех учащихся, которых еще учить и учить, было теперь как-то неловко.

— Лаэрт Анатольевич, вы все в этот раз проверили? — хрипло осведомился директор.— Никаких накладок не будет?

— Не должны вроде бы,— ответил Изобретатель. Голос его заметно дрогнул, но усилием воли он взял себя в руки.— Прошу всех занять место в центре лаборантской. Мы отправляемся в шестидесятые годы XXIII века через десять секунд после того, как я замкну рубильник.

Учителя, директор, ученики, председатель родительского комитета и подруга Галины Сергеевны, волнуясь, сгрудились посреди лаборантской. Здесь сразу стало очень тесно. Лаэрт Анатольевич не очень уверенной рукой включил рубильник, встал рядом со всеми и вытер со лба пот.

— Да, я хочу всех предупредить еще раз: разумеется, о нашем путешествии никто не должен...— начал было он, в тот же момент все вокруг вдруг исчезло, наступила полная темнота, и послышался надсадный неприятный гул. Путешествие в XXIII век началось.

Несколько долгих секунд царил полный мрак. Затем он мгновенно рассеялся, и солнечные лучи осветили здания причудливой конфигурации, уходящие в высокое голубое небо, и многоэтажные висячие дороги, по которым в разные стороны с огромной скоростью мчались какие-то разноцветные экипажи. На один короткий миг прямо перед путешественниками во времени, тесно прижавшимися друг к другу, вдруг возникла прекрасная девушка, идущая им навстречу, но тут же все опять заволок густой мрак, и осталось только прежнее басовитое гудение.

Вскоре на какое-то мгновение опять проявился интерьер лаборантской. Слышно было, как Степан Алексеевич перевел дух, видимо, с облегчением. Однако сейчас же все окуталось прежним непроницаемым мраком, и в этот раз он не спешил рассеиваться. Медленно текли минуты. Гудение машины времени стало еще более мощным, и на мгновение опять мелькнул солнечный свет, тут же снова погасщий. Потом из мрака опять проявилась лаборантская и опять исчезла. Правда, теперь темнота не была уже непроницаемой — вокруг плыл плотный туман, слегка подкрашенный призрачным желтым светом. Опять мелькнули громадные дома, тянущиеся в небесную высь; снова на мгновение мелькнула лаборантская. Еще раз путешественники во времени погрузились в абсолютную темноту. Машина времени надсадно гудела. Опять посветлело. И наконец произошло то, что оказалось еще более фантастичным, чем само это необыкновенное путешествие во времени: чей-то незнакомый голос с уважением сказал:

— Однако! Просто поразительная мощность! Никак не меньше тысячи гектахронов! Тащит полтора десятка человек, и хоть бы что, а дистанция — почти триста лет!

— Останавливай! — отозвался другой.— Ясно, что они уже вот-вот прорвутся.

Гудение машины времени смолкло. Загорелся очень яркий свет. На время он всех ослепил. Третий голос сказал:

— Убавь освещение. Они же ничего не видят.

Стало потемнее. Понемногу проявлялось окружающее. Оно представляло собой длинную комнату без окон и без дверей, ничем не обставленную. У правой стены в ряд стояли три высоких широкоплечих человека в одинаковых черных комбинезонах и одинаково бородатых. Бороды почти полностью скрывали лица. Незнакомцы внимательно рассматривали толпу пассажиров машины времени, которые после всех этих превращений, чередования света и тьмы, выныривания неизвестно где пребывали в каком-то безразличном ко всему оцепенении.

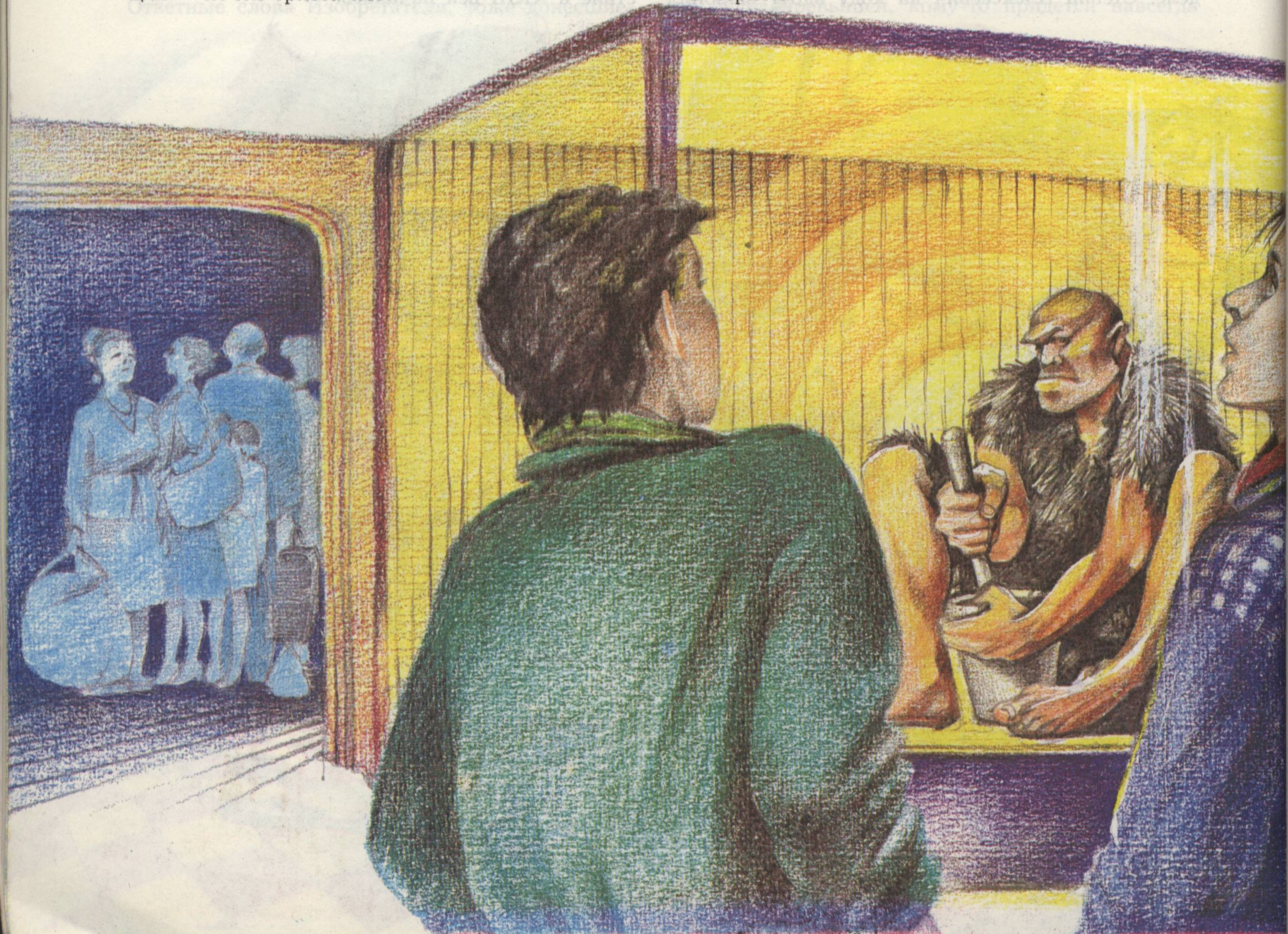
После некоторого молчания один из бородачей представился:

— Служба преждевременных открытий, патруль 782А. Автора схемы просим подойти к нам.

Лаэрт Анатольевич слабо пошевелился. Он был удивлен и растерян до последней степени, как и все остальные. Неуверенно он двинулся к незнакомцам. Вслед за ним машинально шагнул было и Степан Алексеевич, потому что и здесь он чувствовал, что несет на себе директорскую ответственность за все, но остановился, ощутив перед собой невидимую, но вполне ощутимую преграду. Перед ним явно ничего не было, и все-таки пройти он не мог. Оцепенело, равнодушно, не произнеся ни слова, директор отступил.

— Всех остальных просим оставаться на местах,— сказал бородач.

Лаэрт Анатольевич дошел наконец до людей в черном.

— Ничему не удивляйтесь,— сказал тот же бородач, по-видимому, начальник патруля 782А.— Соберитесь с мыслями. Прежде всего мы должны вас поздравить, так как вы решили проблему переноса во времени очень оригинальным, самобытным путем. Обычно перемещаются вместе с хроноаппаратами, да к тому же очень небольшими группами. У вас сам аппарат остается на месте, а перебрасывает и возвращает назад только пассажиров. И к тому же какая мощь — чуть ли не два десятка человек! Ваш технический гений, безусловно, заслуживает награды, и мы ознакомим вас с собранной патрулями службы коллекцией преждевременных машин времени и всех других преждевременных открытий. Ваша машина тоже преждевременна, но в коллекции займет весьма почетное место. А естественный срок для открытия этого способа хронопереноса подойдет, если вам это любопытно, к 2189 году. Особого распространения, впрочем, он не получит. В дальнейшем все в основном будут пользоваться блоками индивидуального хронопереноса.

Бородач вел себя естественно и непринужденно. Казалось, все происходящее было для него самым привычным делом.

Изобретатель, напротив, подавленно молчал. Точно так же молчали и все остальные. Зато подала голос Галина Сергеевна.

— Способ уже открыт, раз мы здесь,— сказала она возмущенно,— и я не понимаю... Это будущее? Это какая-то камера, какое же это будущее?

Начальник патруля 782А сделал движение рукой, и преподавательница физкультуры замолчала и застыла в неподвижности, сразу став похожей на хорошо выполненный витринный манекен в элегантном вечернем костюме. Впрочем, и все остальные пришельцы из XX века, онемевшие от изумления, мало чем от нее отличались.

— Извините,— сказал бородач Лаэрту Анатольевичу,— но мы вынуждены будем стереть воспоминания об этом маленьком путешествии из памяти всех ваших спутников. К тому же, как представляется, они имели далеко не бескорыстные, не познавательные цели и, значит, недостойны знакомства с будущим. Но вы — да, вы сохраните память о том, что увидите, о нас. Такие исключения мы делаем для всех талантливых людей, с какими приходится сталкиваться. Вам знакомы, конечно, имена Фарадея, Кулибина. Разве такие люди виноваты, что опережают свой век, а это может принести непоправимый вред закономерному развитию человечества? Вернувшись в свое время — за несколько дней до того, как начали практические эксперименты,— вы сохраните память обо всем, что мы вам покажем, дав обещание, что в дальнейшем будете все хранить в строжайшей тайне. Когда мы вернем вас назад, ваша конструкция уже будет в нашем музее. Открытие бесследно исчезнет для ваших современников.

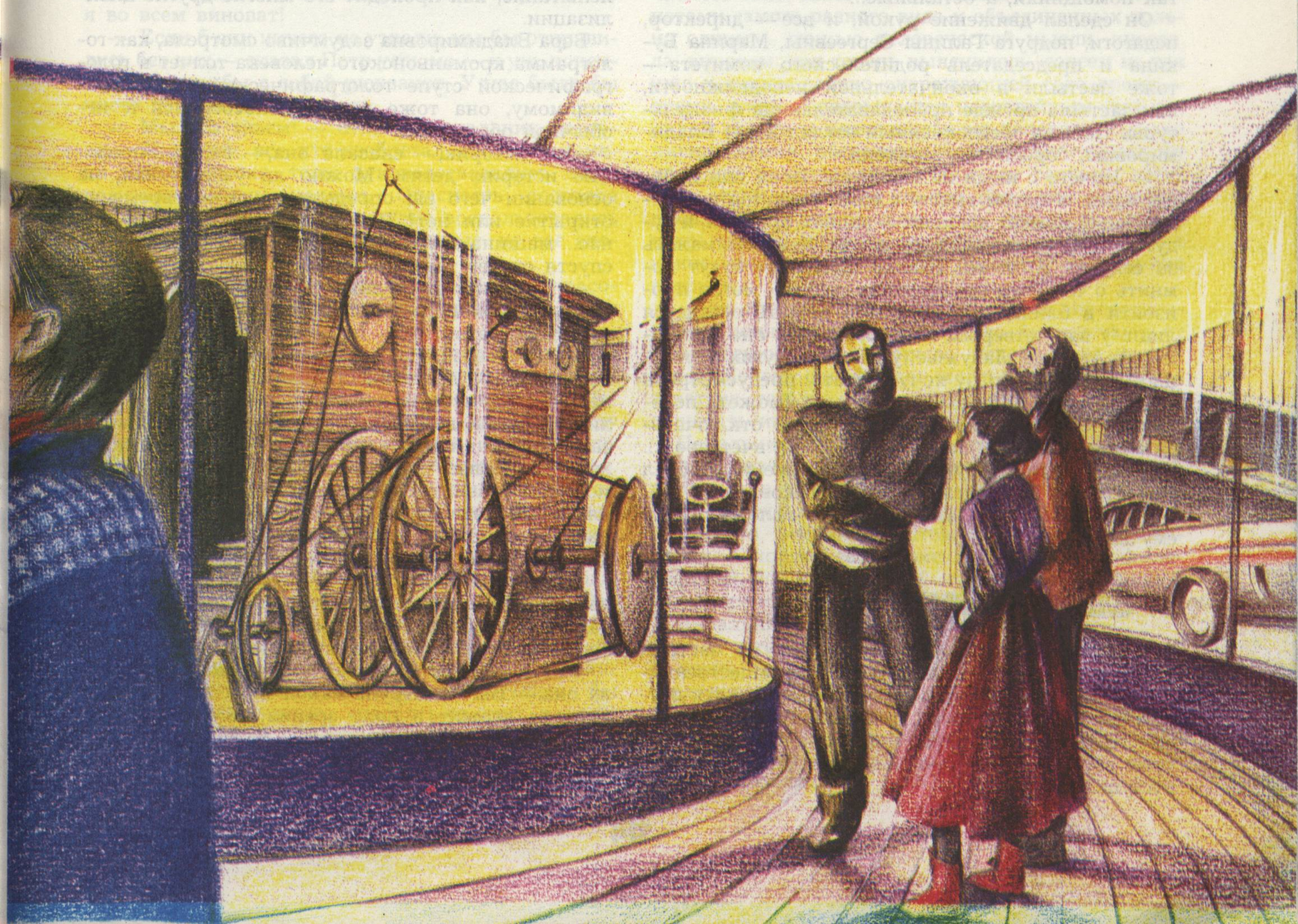
Изобретатель проглотил слюну.

— Но ведь до этого я побывал и в прошлом,— сказал он честно и простодушно.— В школе видели диплодока!

Начальник патруля 782А улыбнулся.

— Вы вернетесь за день до диплодока. Про него тоже никто не будет знать. Что же касается нас, мы, разумеется, давно не выпускали вас из вида. Можно было пресечь вашу работу в самом начале, но вы пошли очень нестандартным путем, и, как профессионалам, нам было любопытно проследить его до конца. К тому же нежелательных последствий не было, иначе мы вмешались бы сразу.

— Может, путь оказался и нестандартным, но

у меня была зацепка,— честно вымолвил Изобретатель.

— Да, обрывки схемы, оставленной школьниками из XXIII века. Это нам известно, но вы сумели найти совершенно неожиданное продолжение.

Изобретатель поднял голову. В глазах его засветился тот огонек, что так хорошо знаком был Косте и Петру. Лаэрт Анатольевич вновь становился человеком, для которого не существовало ничего, кроме мира научно-технических чудес.

— А сейчас? — спросил он с жадным любопытством.— До какого времени мы сумели добраться?

— Когда вас остановили,— сказал начальник,— вы уже чуть было не прорвались в XXIII век. Но то, что мы сейчас вам покажем, существует как бы вне времени, здесь оно не движется.

В стене отворилась широкая дверь, никаких признаков которой еще мгновение назад не было.

— Подождите,— сказал бородач,— прежде надо стереть все воспоминания из памяти ваших спутников и на некоторое время законсервировать сознание. Зачем им видеть и знать то, что все равно будет стерто?

В растерянной, застывшей, хранившей и до сих пор подавленное молчание и жмущейся друг к другу толпе путешественников во времени Костя Костиков сделал движение, и Изобретатель его понял.

— Стойте! — быстро сказал он.— Я работал не один, у меня были помощники. Вот,— он показал на Костю и Петра.— И еще,— вдруг добавил он и, заметно покраснев, указал на Веру Владимировну.

Губы начальника патруля 782А опять тронула едва заметная улыбка.

— Ничего не имею против! — ответил он.— Мы ведь немало знаем о каждом из вас. Помощники так помощники, а остальные...

Он сделал движение рукой, и все — директор, педагоги, подруга Галины Сергеевны, Марина Букина и председатель родительского комитета — тоже застыли в окончательной неподвижности, как застыла прежде преподавательница физкультуры. Поймав обеспокоенный взгляд Веры Владимировны, бородач ее успокоил:

— Ничего с ними не случится! Пока они побудут здесь, а потом вместе с вами вернутся в определенный момент времени — вашего времени, и будут продолжать заниматься тем, чем занимались за секунду до этого. Только ничего не будут помнить о том, что происходило, вернее, могло произойти в ближайшие дни. Эта память останется лишь у вас четверых, как оставалась она, например, у Антуана Лавуазье, у многих других достойных людей. Но сразу хочу сказать: предусмотрена система защиты, и вы ни с кем не сможете поделиться, если захотите — тут же будет отключаться механизм речи. Зато между собой, вчетвером...

— Неужели первую машину времени изобрел Лавуазье? — изумился Костя Костиков.

— Пойдем,— сказал бородач и положил руку ему на плечо.

6. Златко и Бренк

Живописная скульптурная группа из застывших в разных позах злополучных путешественников во времени осталась под присмотром двух других бородачей. В дверь, раскрывшуюся в стене, вместе с Изобретателем, Верочкой, Костей и Петром вошел только начальник патруля. Войдя, он отступил в сторону.

Ярко освещенный зал тянулся, казалось, на многие километры. В два ряда с проходом посередине вдаль уходили витрины, на которых были выставлены конструкции самого разного вида и совершенно непонятного назначения.

— Первое преждевременное открытие на Земле было сделано в незапамятные времена,— голосом экскурсовода начал бородач-начальник.— Один кроманьонский охотник, совершенно случайно составив вещество, аналогичное пороху, затем додумался до того, как сделать маленькую боевую ракету. Кроманьонцы — это, знаете ли, очень способные люди. Но поскольку такое открытие в корне изменило бы ход межплеменных столкновений, изобретение мы изъяли. Да вот этот кроманьонец, взгляните!

В витрине сидел живой человек в звериной шкуре и каменным пестиком растирал что-то в каменной ступе. Петр и Костя испуганно отшатнулись. Изобретатель прижал к себе вздрогнувшую Верочку. Заметив их реакцию, начальник усмехнулся:

— Не пугайтесь! Это лишь то, что вы называете голограммой. В дальнейшем, кстати, люди не раз изобретали оружие, которое оказывалось преждевременным, и нам приходилось его изымать.

Костя Костиков понемногу осваивался. Он вдруг вспомнил фантастический рассказ, о котором говорил с Александрой Михайловной накануне попытки изъятия машины времени из кабинета физики, и спросил:

— Скажите, а атомная бомба не была преждевременным открытием? Ведь столько из-за нее...

— Нет! — ответил начальник патруля.— Это была закономерность, она готовилась целым рядом последовательных научных исследований. И человечество должно было пройти через это испытание, как проходят его многие другие цивилизации.

Вера Владимировна задумчиво смотрела, как голограмма кроманьонского человека толчет в голографической ступе голографический порох. По-видимому, она тоже уже приспособилась к необычной обстановке.

— Я историк,— сказала она,— вернее, преподаю историю детям. Можно ли узнать, как, на основании чего вы определяете, преждевременно открытие или нет? Почему сейчас... то есть для нас... машина времени преждевременна, а два века спустя станет закономерной?

— У цивилизаций, даже самых разных с биологической точки зрения, существуют общие закономерности развития,— ответил начальник патруля.— Точное знание этих закономерностей и лежит в основе деятельности нашей службы. Наша цель — не допустить катастрофы или просто уродливого, тупикового пути развития. Любая цивилизация должна пройти свой путь, как проходит его любой здоровый отдельно взятый организм — гармонично развиваясь, взрослея, болея теми болезнями, что неизбежны, но не подвергаясь случайным и совершенно ненужным, которые легко предупредить. Вот и мы, работая сейчас на Земле...

— Постойте, постойте! — У Веры Владимировны бешено заколотилось сердце, и вдруг неожиданная и необыкновенная истина открылась ей со всей ясностью и непреложностью.

— Так вы... не земляне?! — с трудом выговорила она.— Вы — патруль какой-то особой службы, которая держит в поле зрения не только нашу цивилизацию, но и...

Начальник патруля твердо взглянул ей в глаза.

— Вот этого вам все-таки лучше не знать,—

ответил он с интонациями изысканной, необыкновенной, такой, какую никогда не сыщешь на Земле, вежливости.— Но, как мне представляется, в первую очередь вас должны интересовать преждевременные машины времени?

Костя и Петр разглядывали его во все глаза. Человек как человек, бородач. И все-таки какое-то совершенно необыкновенное существо, которому открыты самые непостижимые тайны. Не человек... Но кто он, откуда, представитель какой сверхцивилизации, взявшей на себя заботу о других, причем она простирается даже и по временной шкале?.. А Изобретатель с горящими глазами никак не отрывался от кроманьонца, безымянного изобретателя первой ракеты.

— Нет-нет, нас все интересует! — сказал он жадно.

— Однако коллекция машин времени, пожалуй, самая обширная среди всех остальных,— ответил начальник патруля.— Это может показаться парадоксальным, но принципиальная идея этого изобретения действительно довольно проста. Машину времени много раз заново изобретали разные люди, однако пользоваться ею цивилизация должна лишь по достижении определенных моральных высот и только чисто в познавательных целях. В двадцать втором веке, например,— начальник патруля внимательно и многозначительно взглянул в лица Изобретателя, Верочки, Кости и Петра,— уже никому на Земле просто не могло бы прийти в голову отправиться, скажем, в двадцать пятый век с сумками, рюкзаками, чемоданами.

Петр отчаянно покраснел. Он снова вспомнил, что тайна Изобретателя стала известна всем именно из-за него. Хотя, подумал он, диплодок появился до меня! Да нет, подумал он, все равно это я во всем виноват!

— Если б они ничего не узнали, мы бы отправились без них,— сказал Петр угрюмо,— и уж, конечно, не взяли бы с собой рюкзаков. У нас была бы чисто познавательная цель.

— Мы это знаем! — ответил начальник патруля.— И, кстати, все, кто изобретал машины времени раньше срока, тоже руководствовались лишь познавательными целями. Опасность состояла в том, что открытием неминуемо воспользовались бы другие люди, корыстные, жадные, на все способные.

Они уже стояли у другого стенда. На нем красовалось непонятное громоздкое сооружение, ни на что не похожее.

— Это всего лишь часть самой первой машины времени, а всего она занимает пятьдесят один стенд,— пояснил начальник патруля.— Да, Костя, ты был совершенно прав: первую машину времени, случайно натолкнувшись на ее идею, действительно построил француз Антуан Лавуазье. В истории науки вашей цивилизации он в основном известен как химик, положивший начало точным количественным измерениям во время реакций, однако главным его изобретением стала машина времени. Он сумел добраться на ней до 1856 года, но был возвращен патрулем в свой 1793 год. Это время Великой французской революции. Представьте, что стало бы, если б в ту пору можно было свободно пользоваться машиной времени? Франция могла обезлюдеть, многие кинулись бы в прошлое или будущее, спасаясь от смут, казней!

— Лавуазье! — завороженно пробормотал Изобретатель.— Еще Лавуазье! Как велик человек! А я, как же мало я знаю, как мало делаю!

В бороде начальника патруля вновь мелькнула добрая улыбка.

— Я могу сообщить,— сказал он,— что вам, именно вам, Лаэрт Анатольевич, предстоит сделать немало важных и своевременных открытий. И не всегда вы будете преподавателем физики в школе № 1441... Но пойдемте, пойдемте дальше! Следующие машины времени изобретали Кулибин, Фарадей, другие... Их изобретали и в двадцатом веке, и в двадцать первом, и они все еще были преждевременны. Но это, знаете ли, общее правило для всех цивилизаций: технический уровень развития поначалу всегда опережает нравственный. Такая диспропорция наблюдается поначалу даже у тех открытий, время которых подошло и которые уже нельзя изымать, потому что сама идея носится в воздухе... Но пойдемте дальше! О, в этом хранилище есть на что посмотреть! И вы не заботьтесь о времени. Оно здесь уплотнено, спрессовано, оно, считайте, совсем не идет, и вы все успеете. А кроме преждевременных машин времени, вы увидите преждевременные радиоприемники, преждевременные летательные аппараты и, конечно, оружие разного рода. Все это изымалось нашими патрулями, автор изобретения переносился назад, в тот день, когда еще не брался за осуществление своей идеи и никто о ней не знал. Изобретателей машин времени мы обычно перехватываем уже где-нибудь на пути в прошлое или в будущее и тоже возвращаем их в период, предшествующий постройке. Самым достойным сохраняем память о встрече с нами, и они так и живут, храня свою великую тайну. Вот так же,— начальник быстро взглянул всем четверым в лица,— будете жить и вы!

И они двинулись дальше, в глубь этого нескончаемого зала, мимо бесчисленных стендов с экспонатами самого разного вида и объединенных только одним — мощью человеческой мысли, иногда, да, впрочем, как теперь выяснилось, совсем не так уже и редко, далеко опережающей свое время,— время, которое оказывается недостойным этой великой мысли и наделенного ею человека. Однако именно время, обстановка, окружение побеждают истинное величие, заставляют его таиться, погибать... если не пришел его час. Вот о чем все время думал Костя, поражаясь все новым и новым открытиям, сделанным раньше срока. И в конце концов он решился спросить начальника патруля:

— Но почему же, почему общая нравственность, понятия о морали всегда так отстают от технических идей, прорыва человека в неизвестное? Почему они, бывает, могут без вреда использоваться только века спустя, а до этого лучше скрывать их в тайне?

Начальник патруля сжал его локоть.

— В ходе развития цивилизации идея и мораль приходят в равновесие, это неизбежно. Но пока этого не случится, может произойти много непоправимого, и именно поэтому работают наши патрули. А почему так происходит, сложный философский вопрос. Вообще, строго говоря, полной гармонии ни в чем практически нет.

Начальник вновь улыбнулся.

— А у тебя есть пытливость, любознательность и очень серьезный подход ко всему, с чем ты сталкиваешься! Ты, похоже, тоже из тех людей, что опережают время и совершают открытия, черед которых еще не настал. Смотри, как бы нам еще раз не пришлось с тобой встретиться! Жаль, что ты живешь не в XXII или в XXIII веке

и сейчас тебе придется вернуться. Конечно, в наших силах навсегда оставить тебя в любом времени, но человек не может жить оторванным от всего привычного, жить, несмотря ни на что, приходится в том времени, где родился.

Было непонятно, говорит этот загадочный человек всерьез или в шутку, но глаза у него были добрые, внимательные, очень умные. Казалось, они легко читают самые сокровенные мысли того, кто стоит перед ними. И, глядя в них, Костя вдруг решился; как мог он это сделать, потом он и сам никак не мог объяснить.

— А можно не навсегда? — спросил он тихо.— Можно нам просто заглянуть, ну хотя бы на несколько минут, в шестидесятые годы двадцать третьего века? У нас там друзья есть, они посещали наше время, мы подружились, и Лаэрт Анатольевич с Верой Владимировной тоже с ними знакомы. Они у нас фильм снимали, но исчез эффект кажущегося неприсутствия, и мы их скрывали, чтобы не было поворота в ходе истории, а ведь вы все можете...

И, сбиваясь, перескакивая с одного на другое, Костя начал рассказывать. А когда он закончил, Петр дополнил его самым простым, бесхитростным аргументом: он показал начальнику патруля плотно набитый пакет.

— Вот, бабушка им даже пирожков в подарок послала, если мы их встретим. Неужели ничего нельзя сделать? Вы ведь все можете!

Поначалу на лице начальника патруля ничего нельзя было прочитать. Но потом его глаза сверкнули лукавыми огоньками.

— Ну что ж, вы заслужили это, хотя бы своей дерзостью! Моя работа — это борьба с преждевременными, дерзкими открытиями, и, может быть, именно поэтому больше всего я ценю именно дерзость, дерзкий полет мысли, дерзкие намерения. Мы переправим вас в XXIII век, выберем для встречи с вашими друзьями самое подходящее место. Но есть условие: они не должны знать правды, как вы к ним попали, не должны знать о существовании патруля. Можете, не кривя душой, сказать, что Лаэрт Анатольевич построил машину времени, и она доставила вас к ним.

— Согласны! — одновременно вскричали Костя и Петр.

— Есть еще условие.— Начальник патруля вытянул ладонь, и на ней непонятно откуда вдруг оказалась маленькая плоская коробочка с рядами клавиш-кнопок.— На встречу вам будет отведено только пять минут, а потом и вы, и они,— он кивнул в ту сторону, где в пустом зале по-прежнему, должно быть, пребывали в застывшей неподвижности директор, педагоги, Марина Букина, подруга Галины Сергеевны и председатель родительского комитета,— будете перенесены назад, в одиннадцатое сентября своего года, в день, когда диплодок еще не появлялся. Лаэрт Анатольевич, если вам интересно, могу показать витрины, где разместится ваш вариант машины времени. Вот одна, вторая, третья. Как раз для десяти больших железных шкафов. Будет и ваш голографический портрет, он уже сделан.

Изобретатель проглотил слюну.

— Что ж, я вас понимаю,— сказал он глухо,— да я и сам, наверное, разобрал бы ее... скорее всего.

Тут у него мелькнула другая мысль. И с прежним жадным любопытством он спросил:

— А для чего вы храните все, что было создано раньше времени? Есть ли в этом какая-то польза?

— Есть,— очень серьезно ответил начальник патруля,— потому что ни одна мысль, ни одна идея, где бы и когда бы она ни родилась, не должна исчезнуть бесследно.

Было видно, что он хочет сказать что-то еще очень важное, но сдержался.

— Пришла пора расстаться,— сказал этот загадочный человек, представитель неизвестно какой цивилизации, какого мира, какого времени.— Прощайте!

Он нажал одну из кнопок маленького аппарата на своей ладони, и все вокруг вновь, как и во время путешествия во времени, поглотил густой мрак, а потом сразу вспыхнуло яркое и теплое солнце.

Петр, Костя, Изобретатель и Верочка стояли в мягкой густой траве, покрытой пятнами ярких цветов. Этот красочный луг тянулся во все стороны до самого горизонта. Воздух был наполнен птичьим щебетом, жужжанием насекомых, где-то сзади, неподалеку, мягко журчал ручей. Все четверо одновременно оглянулись на его мерный рокот и увидели на песчаной отмели двух мальчишек, сидящих за походным столом, уставленным какими-то приборами. На берегу стояло маленькое сооружение непонятного назначения, но что-то подсказывало, что оно может ездить по земле, летать по воздуху, плавать по воде и, может быть, даже под водой.

— Бренк! — крикнул, узнав, Костя.

— Златко! — закричал Петр.

Ребята за столом оторвались от приборов.

— Постой,— сказал шоколадный Златко,— да ведь этого не может быть... Костя!

— Петр! — крикнул Бренк.— И Лаэрт Анатольевич, и Вера Владимировна с вами!

Люди XXIII века и люди XX века кинулись друг к другу, остановились, а потом обнялись все вшестером, как делают и делали во все времена друзья после долгой разлуки.

— Нет, это правда вы? — восхищенно приговаривал Бренк.— Неужели вы, Лаэрт Анатольевич, построили машину времени?

— Да,— улыбаясь, ответила Верочка,— построил... Не очень надежную, и мы к вам только на пять минут, а потом перенесемся обратно.

Несколько секунд все молчали, и так тоже всегда бывает после долгой разлуки, когда столько чувств переполняет душу и боишься неверных слов.

— Мы очень хотели увидеть будущее,— сказала потом Вера Владимировна.— Какое оно, что ждет наших далеких детей?

— Будущее? — Златко обвел рукой все вокруг.— Да вот же оно: луг с цветами, солнце, воздух, птицы, ручей с чистой водой. Это ваше будущее и наше настоящее.

Он помолчал.

— Школьники нашего возраста в это время проводят здесь самостоятельные исследования по плеритальному квазифону,— он показал на стол с приборами,— потом мы будем сдавать зачет. Нам достался довольно трудный участок.

— Как, как? — с прежним любопытством спросил Изобретатель.— Какой это фон?

— Да не успеют они вам объяснить,— с грустью сказала Вера Владимировна.— У нас только пять минут!

Она скользила взглядом по пестрому бескрайнему лугу, всей грудью вдыхала воздух, слушала журчание кристально прозрачного ручья...

Петр спохватился.

— Вот, бабушка просила вам передать, вы же помните, какие вкусные эти пирожки?

Косте вдруг стало нестерпимо грустно, будто чья-то злая рука сжала сердце. Увидеть своих друзей и через пять минут исчезнуть, вернуться в свое время, не успев толком ничего сказать, а сказать хочется так много! Уж лучше бы, подумал он, совсем не просить начальника патруля об этой встрече! На глаза у него навернулись слезы, яркие пятна цветов на траве расплылись, солнечный свет размылся.

— Нам, наверное, пора прощаться,— дрогнувшим голосом сказал он,— и навсегда. Наша машина времени больше никогда не будет работать.

Бренк покрутил головой. Вид у него был такой, словно он только что вспомнил что-то очень важное.

— Прощаться навсегда? — переспросил он с непередаваемым удивлением.— Да ведь мы только сейчас говорили снова с Златко о вас, потому что есть один план. По учебной программе нам скоро предстоит важная практическая работа, правда, не в вашем времени, но мы уже давно по крупицам собираем лишний запас энергии для блока хронопереноса, чтобы можно было взять вас с собой.— Он оглянулся по сторонам.— Тайно, конечно! Это уже совсем скоро, и сейчас я все объясню.

Бренк приник к Костиному уху, хотя говорил так громко, что должны были слышать и все остальные:

— Тут нужны ум, отвага, смекалка! Не то что мы боимся, что сами не справимся, но мы знаем, как вам это было бы интересно! Не обижайтесь, ведь в ваше время школьная жизнь так скучна, однообразна...

Костя припомнил диплодока, набор «Юный гангстер», бородатого начальника патруля 782А — нет, не такой уж пресной была их жизнь! — однако промолчал.

— И вот вместе с вами мы отправимся...

Но услышать слова Бренка до конца им было не суждено, потому что пять минут истекли. Снова все заволокло мраком, и сразу Петр и Костя ощутили себя за столом в кабинете математики.

Шел урок. Елизавета Петровна, тоже совершившая путешествие в будущее, но уже не знавшая об этом, как ни в чем не бывало доказывала у доски теорему.

Искоса Костя посмотрел на соседа. Он отлично помнил все, что было и минуту назад, и полчаса назад, и весь сегодняшний день: уроки, перемены, уроки. Да и было ли впрямь другое: патруль времени, огромное собрание преждевременных открытий, яркий луг в XXIII веке, пятиминутная встреча с Бренком и Златко? Может, он задремал от скучного голоса математички, и вот во сне... Но Петр в этот момент взглянул на свои электронные часы, которыми щеголял в данный момент (он часто менял их, потому что родители постоянно привозили новые), и показал Косте дату.

— Одиннадцатое сентября,— зашептал он ему на ухо,— как он и обещал! Значит, диплодок появился бы в школе через день, но теперь уже не появится, потому что машины времени у Лаэрта уже, конечно, нет. Но он про нее помнит. Родители с видеомагнитофоном приедут через два дня... наверное, приедут, они-то тут ни при чем. А Бренк и Златко появятся, чтобы взять нас с собой куда-то... когда?

Значит, все это было на самом деле!

— Скоро, как они говорили! — с легким сердцем отозвался Костя.— Да ты и сам это слышал!

Леонид ЯХНИН

Тайновидец лопастей

Птица Летатлин

Я летел, подхваченный стремительным потоком воздуха. Я летел, а подо мной было фиолетовое небо, ухнувшее в плоскую обмелевшую реку и отразившееся в ней всей своею неожиданно бесконечной космической глубиной. Рябое песчаное дно словно бы растворилось, а розоватые облака медленно чередой проваливались в лиловую колодезную тьму.

Кто я? Астронавт с неведомой планеты? Синдбад-Мореход, уцепившийся за ногу гигантской птицы Рухх? И верно, мой летательный аппарат напоминает костяк фантастической птицы... Это было, было! Но не летал я пока, я стоял у балконных перил длинной галереи, а подо мной парил, расправив тугие крылья и слегка покачиваясь на крепком тросе, этот странный летательный аппарат. Его изумительные, идеально прочерченного рисунка конструкции, тяжи, полированные деревянные лопасти, тугие прутья каркаса были не менее удивительны, чем его название — ЛЕТАТЛИН.

Непонятное, странное слово. Вроде имени той волшебной птицы Рухх. Но вот отлетает одно перышко, один легчайший слог — «ле»,— и остается фамилия создателя этой деревянной фантастической птицы — ТАТЛИН.

Неожиданный бандурист

В 1914 году в Париже выступал Украинский народный ансамбль. Лихим плясунам аккомпанировал на бандуре молодой Владимир Татлин. Тогда же встретились два художника-единомышленника — Пабло Пикассо и Владимир Татлин. Год спустя в Петрограде открылась первая футуристическая выставка — «Трамвай В». Организатором и участником ее был Владимир Татлин. А поэт Велимир Хлебников тогда же писал:

Татлин, тайновидец лопастей
И винта певец суровый,
Из отряда солнцеловов.
Паутинный дол снастей
Он железною подковой
... завязал.

Многоликий Татлин. Удивительный Татлин.

Есть великие художники, создавшие неумирающие шедевры. А существуют такие, что всем своим творчеством формируют целую эпоху в искусстве. Владимир Евграфович Татлин (1885—1953 гг.) именно из той редкой породы художников, которые угадывают стиль времени, чьи произведения не только остаются в музеях, но и входят в жизнь людей, даже в их быт.

Любой вид художественной деятельности был подвластен Татлину. Он оформлял театральные постановки, писал картины, занимался скульптурой, архитектурой. Он один из родоначальников конструктивизма — самого, пожалуй, перспективного художественного направления XX века. Конструктивизм — конструирование материальной среды. Мебель, посуда, одежда, рисунки тканей, книги — все вещи, окружающие нас, несут на себе след руки художника. Сегодня это называется одним словом — дизайн, то есть художественное конструирование.

Башня гения

И снова несет меня стремительный Летатлин в мир космической фантазии. Перед нами четырехсотметровая стальная, чуть наклонная спираль. Она штопором ввинчивается в облака. Внутри ее вращающиеся стеклянные шары и кубы просторных залов, возносятся ввысь гудящие лифты, медленными кругами, словно повторяя циклы вращения планет, движутся открытые смотровые площадки, блестят в лучах солнца иглы радиомачт.

И это тоже творение художественного гения Владимира Татлина. Знаменитая «БАШНЯ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА». В 1919 году художник создал макет своей башни и предложил построить ее в Петрограде над Невой. Проект остался проектом. Однако заложенные в нем идеи во многом определили характер современной архитектуры. На Земле пока не нашлось места Башне Татлина. Но она вполне могла быть возведена где-нибудь на Марсе, на Луне, на любой планете. Художник словно бы предвидел космическую эру человечества...

А Летатлин летал не только в моем воображении, но и в действительности. Говорят, что уже после войны, в конце жизни Владимира Татлина, летчики, видевшие его аппарат для свободного парения и восхищенные этим чудом красоты и точности, несли его автора и создателя на руках.

В. Татлин. Башня III интернационала.

«СНИП, СНАП, СНУРРЕ»...

Сказочная новогодняя викторина

Вы пели когда-нибудь песенку: «Говорят, под Новый год, что ни пожелается, все всегда произойдет, все всегда сбывается»? Наверное, пели. И были твердо убеждены, что и вправду под Новый год сбываются все чудеса. Но теперь вам уже столько лет, что ни в Деда Мороза, ни в Снегурочку, ни в новогодние чудеса вы не верите. И называете все это сказками.

Ну, конечно, Дед Мороз и Снегурочка — это сказка. Но ведь Новый-то год приходит к нам каждый год не в сказке, а по-настоящему. И если очень-очень горячо пожелать чего-нибудь в тот самый момент, когда он, то есть Новый год, приходит, то это самое «что-нибудь» обязательно сбудется. Есть только три условия, которые непременно надо выполнить при загадывании желания. Первое условие — никому на свете не желать, даже невольно, зла. Второе условие — успеть загадать желание в самый-самый Новый год, ни мигом раньше, ни мигом позже. А третье условие — не ждать сложа руки, когда исполнится загаданное желание, а самому начинать действовать. И если все три условия будут соблюдены — очень-очень горячее желание исполнится. Как в сказке.

А если вы не только будете загадывать под Новый год желания, но и попробуете разгадать все вопросы нашей сказочной новогодней викторины, то в наступившем Новом году вас ждет приятная неожиданность. Точнее две приятные неожиданности. Одна — для всех читателей журнала «Пионер». Вторая — для десятерых лучших знатоков сказок.

Итак...

1. «Снип, снап, снурре, пурре, базелюрре...» Это волшебное заклинание из очень снежной сказки, которую сначала рассказал один сказочник, а потом пересказал другой. Знаете ли вы, что это были за сказочники и какие еще сказки они — один писал, а второй пересказывал? Знаете ли вы еще какие-нибудь волшебные заклинания из сказок?

2. Все туркменские дети знакомы с Ярты-гулаком, а все дети Франции — с Сапожком. А известны ли они вам? И знаете ли вы, в сказках каких других стран живут герои, очень похожие на Ярты-гулака и Сапожка? И как этих героев зовут?

3. Сюжет сказки о Ярты-гулаке называют «бродячим». Это значит, что сказки с таким сюжетом рассказывают во всем мире, в каждой стране по-своему, но все одинаково. Назовите еще хотя бы три сказки с «бродячим» сюжетом.

4. Тролли, как вы знаете,— существа злобные и мрачные. Но есть долина, в которой живут веселые, добрые и дружелюбные тролли. В какой сказке расположена эта долина? И как зовут самого замечательного тролля этой сказки?

5. В народных сказках каждый зверь свой характер имеет: лиса всегда хитра да пронырлива, заяц всегда труслив да беспомощен. А известны ли вам лисы — правдивые и бесхитростные, а зайцы (точнее близкие заячьи родственники) — хитрые и бесстрашные?

6. Можете ли вы назвать сказочное имя Чарлза Лютвиджа Доджсона, имя его героини и названия фантастических сказок, в которых живет тезка этой героини?

7. Сказки, случается, сочиняют не только сказочники, но и серьезные, взрослые писатели и поэты. Назовите пятерых русских писателей и поэтов, которые сочинили за свою писательскую жизнь хотя бы одну сказку, а заодно припомните, как эти сказки назывались.

8. Снегурочки чаще всего тают. Но один писатель сочинил такую сказку, в которой Снегурочке было официально, посредством важного документа, разрешено стать обыкновенной девочкой. Этот писатель сочинил и другие сказки: и про человека, ставшего песочными часами, и про Великого Завистника, и еще про множество чудес. А все эти чудеса происходили в одном и том же городе. Что это за город? И как зовут его создателя?

9. Помните, кто сочинил «Большую кошачью сказку»? И уж, конечно, помните, о чем и на что спорил в ней знаменитый сыщик Сидни Холл с начальником полиции? И, кстати, как звали кошку, из-за которой вышла вся эта сказка?

10. Как-то раз в одной не столь отдаленной от нас северной стране был написан учебник по географии этой страны, который теперь весь мир читает как сказку, хотя географические сведения в книге совершенно точны. В какой стране был написан этот сказочный учебник, кто его написал и как он называется?

Если вы разгадали все сказочные загадки, то ждите приятных неожиданностей. Первую следует ожидать в первом номере «Пионера» в новом году. Вторую — после подведения сказочных итогов. Постарайтесь только успеть ответить нам до 15 февраля 1991 года.

С НОВЫМ ГОДОМ!
С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!
С НОВЫМИ СКАЗКАМИ!

Рисунок Я. ПЕТРАШОВОЙ.

Лев ЯКОВЛЕВ

ПОДХОДЯЩИЙ случай

— **В**аська, тумбы покрасил?..

Надо же, и тут нашли. Он сидел в углу коридора на матах, заставленных аппаратами, похожими на серебристых гигантских пауков, и черными иллюзионными коробками. Из зала доносились скрипичные всплески фокстрота. Это жонглеры заканчивали. Потом велофигуристы, потом иллюзион Ревелино. А потом — они, Васька с родителями и их четвероногими друзьями.

— Вчера еще,— буркнул Васька насчет тумб.

— Отработаем и займешься барьерами, совсем облупились.— Отец ждал четкого ответа.

— Ладно, займусь.

Родители у Васьки строгие. Они прошли суровую жизненную школу. И теперь устроили такую же школу для Васьки. Да и жизнь на колесах, из города в город, из цирка в цирк, не располагала к нежностям. Короче, не баловали Ваську, наоборот. Дрессировали, можно сказать, как хищника. Хотя какой он хищник, он больше на кузнечика смахивал. Одни глаза и коленки. Целый день он чистил что-нибудь, приносил, подкрашивал, заклеивал, прилаживал. У артистов даже условный рефлекс выработался. Как увидят его, тут же мелкое поручение подсунут. Вот Катя притопала, дочка Ревелино, запыхалась бедняжка.

— Чего тебе?

— Васенька, опять насос испортился. Надуешь шарики, а?

Теперь насос у них испортился. А если униформист, которого они распиливают, в отпуск уйдет, тоже Ваське под пилу ложиться? «В каждую бочку затычка»,— образно подумал о себе Васька и пошел надувать шарики.

Ревелино был не каким-нибудь обыкновенным факиром, глотающим шпаги, лежащим на гвоздях и поднимающим раскаленные железяки. Не уважал он страсти-мордасти, а уважал научно-технический прогресс. Автоматические пружины, оптические обманы, электронику и кибернетику. Но главной в его аттракционе была не научная мысль, а Катя. Неплохо, между прочим, устроилась. Папочка кнопочки на пульте нажимает, а она

порхает себе из ящика в ящик, исчезает, появляется, превращается. Да еще и зазнается. Подумаешь, всего-то на полтора года старше Васьки. А строит из себя принцессу цирка. Видели бы вы, с каким наслаждением она гримируется перед выходом, ресницы подкрашивает, брови подводит, веснушки замазывает. И с какой печалью всю эту ерунду смывает потом. Ну объясните, зачем человеку разрисовывать себя, как матрешку? И Ваську заставляют щеки подрумянивать. Чтобы он своим бледным видом зрителей не огорчал. Только не на такого напали...

— Надул, Васенька! Молодец ты у нас.

Препротивная у нее привычка — обращаться с ним, как с маленьким. А все потому, что он терпеливый и безропотный. Поставить бы ее разок на место. Пока Васька придумывал, как это сделать, она чмокнула его в щеку и помчалась на манеж, раздавать надутые Васькой шарики. Васька от неожиданности на стул сел. Тот самый, клоунский, с подгибающимися ножками.

— Блистательно! — воскликнул клоун-эксцентрик.— Василий, не мог бы ты повторить этот феерический каскад на манеже?

— В другой раз,— проворчал Васька, вылезая из-под гримерного столика, куда он закатился после падения.

— О, что я вижу! — обрадовался клоун.— Василий! На твоем лице написаны твои сердечные тайны! Это нескромно.

— Да ладно вам,— смутился Васька и, вытирая помаду с щеки, пошел готовить собак к выходу. Теперь растрезвонит по всему цирку. Одни неприятности от этой Кати...

К счастью, историю про Катин глупый поцелуй затмил приезд знаменитых джигитов Кунанбаевых. С завистью разглядывал Васька продубленных среднеазиатским ветром и зноем джигитов, которые прогуливали по цирковому двору лошадей, лаково-бронзовых, тонконогих. Конечно, подумал Васька, тут волей-неволей джигитом станешь. Когда тебя сначала в седло сажают, а только потом ходить учат. Особо приглянулся ему пританцовывающий жеребец с черной отметиной на лбу.

— Нравится? Это Ветерок. А я — Улугбек.— Смуглый мальчик в джинсах и желтой майке протягивал руку.

— А меня Васькой зовут.

...Не мог он, что ли, посолидней представиться? Но такое уж это имя, что хочется к нему «ка» прищелкнуть. Несерьезное имя, подскакивающее. Что тут поделаешь, судьба такая у него — Васькой быть. Может, если бы Альбертом назвали или Кириллом, например, и жизнь бы по-другому пошла. С уважением. Недодумали родители. А ему теперь отдуваться.

— Это, Васька, не Ветерок.— Улугбек взмахнул растопыренной пятерней и аппетитно прищелкнул языком.— Это Ветер! Это Ураган, Васька! Сам увидишь.

И вечером Васька увидел. Ветерок, разбрызгивая опилки, мягко мчался по кругу, словно плыл. А Улугбек в белом джигитском костюме, с кинжалом на поясе подбрасывал папаху. И, проскакав метров десять, ловил ее. И жонглировал саблями, стоя на седле. И срезал прутик на всем скаку. И откинувшись вниз, подхватывал с манежа платки. И пролезал под Ветерком. И на дыбы его поднимал — они замирали на несколько секунд, словно сфотографированные.

Васька себе места не находил. Разве не ужасно, что он играет такую незначительную роль в номере родителей! Разносчик тумб и барьеров! Прикатыватель мячей! Раздаватель сахара! Вот бы родители простудились немножко. И пришел бы Васька на выручку, показал бы высший класс дрессировки, и расхваливали бы его, и приписывал бы он весь успех собакам... Но каждое утро обливались родители ледяной водой и чихать не собирались. Хорошо ещё, их номер нескоро. Недолюбливают лошади и собаки друг друга, поэтому выступают в разных отделениях. Да все равно же придется на манеж выйти. И Улугбек увидит, с кем связался... А между прочим, Жучка только Ваську слушается. Жучка-то — звезда! Если она в настроении, и сальто с пируэтом сделает, и стойку на одной ноге. Не подкачай, Жучка...

Подкачала. В самый ответственный момент. Терьеры прыгали через скакалку, пинчеры — сквозь обручи, а пудели, маша ушами,— друг через дружку. И тут Жучка засуетилась. Никогда с ней такого не случалось. Одно, если ты в одиночку суетишься. Это твое личное дело. А когда ты суетишься в компании, это на других отражается. Собаки стали на Жучку отвлекаться, нервничать — и как с цепи сорвались. Носились ошалело по манежу, облаивая друг друга и зрителей. Тут уж не до стойки на одной ноге. Васька храбро кинулся разнимать четвероногих друзей — и споткнулся о тумбу, растянулся у всех на виду. Выступил, называется. Показал высший класс...

Хотел проскользнуть незаметно мимо Улугбека — не тут-то было. У джигитов острое зрение.

— Ты чего, Васька? Да собаки, они и есть соба-

Рисунок Н. ДЕМИДОВОЙ.

ки. Не расстраивайся.

— Я и не расстраиваюсь,— неубедительно соврал Васька.

— Идем, я тебя с нашими познакомлю.

В курительном закутке, около лестницы, Улугбека окружили артисты, поздравляли с началом, расспрашивали, шутили. И Васька поздравлял, смеялся вместе со всеми.

— Васька, собак кормить! — окликнул отец.— И клизму Жучке поставь! Понос у нее!

Ну хоть про это можно было умолчать? Неужели всем знать обязательно, какие у Жучки неприятности в организме? Только он человеком себя почувствовал, и нате вам, какая-то клизма дурацкая влезла. Эх, Жучка, нашла время...

Рука Улугбека легла на Васькино плечо.

— Давай завтра в три, у служебного входа, город покажешь.— И Улугбек еле заметно подмигнул Ваське. Как все-таки мало человеку нужно для счастья. Подмигнуть нужно вовремя...

Разлетались мыльные брызги, клокотала грязная вода в тазу, шипели пузыри, пыхтел Васька. А белье не кончалось. Удивительно, сколько грязных носков, трусов и маек накапливается за месяц. Живешь, не обращая на них внимания. Но приходит черный день, и перед тобой вырастает прямо гора, и приходится засучить рукава.

Хорошо разным там бушменам и папуасам, думал Васька, бегают под солнцем в набедренных повязках и забот не знают. А тут сколько всего надевать приходится! Непросто живется цивилизованному человеку. Когда Васька разделался с предметами туалета, было начало третьего. У служебного входа он обнаружил Улугбека и... Катю. А она-то здесь зачем?

— Мы, Васенька, заждались тебя. Пойдем в кино?

Какой голос у нее... парафиновый. А напудрилась! А шею-то выгибает — думает, она у нее лебединая. Как же, утка конопатая. И фильм попался чепуховый, хоть и американский, чудовища резиновые, бандиты тупые. А уж любовь — животик надорвешь. «Ах, Джон, если бы не твой винчестер... Ах, Мери, ты удивительная женщина... Угадай, милый Джон, чего я хочу...» Чего тут угадывать, целоваться хочет. Они все такие, девчонки.

Обратно шли молча. Только Катя носом шмыгала.

— Тебе понравилось? — спросил Улугбек.

Еще бы, хмыкнул про себя Васька, разве может ей такая чушь не понравиться? И чего она к ним прицепилась?..

Бока Ветерка шелковисто блестели. Как луг после дождя. Поглаживая шею, Васька чувствовал под ладонью мускулистую нетерпеливую игру. Ветерок желал скачки — он знал, что уже пора.

Ну-ну, потише, успокаивал его Васька, выходной сегодня, отдыхай, все отдыхают, а ты что, исключение? Сейчас Улугбек придет, и мы гулять пойдем в парк, с Катей. Удивляешься? А ты забыл, что джигит не может обидеть женщину? Толку, конечно, от нее никакого, но пусть с нами ходит — ты не против? Ну и правильно, умный Ветерок, хороший, все понимаешь...

Ветерок заржал и переступил ногами. Васька оглянулся. Около стойла стояли Улугбек с Катей. Они уже готовы, а Васька не переоделся.

— Я сейчас, ребята, быстро...

— Знаешь, Васенька, мы тут решили на велосипедах покататься. Ты не одолжишь Улугбеку «Орленок»?

Как это — они решили? Без него, значит? Но ведь договорились — в парк. Выходит, Ваську побоку, чтоб не мешался? Да пожалуйста, катайтесь хоть всю жизнь!..

Не ожидал он от Улугбека. Выходит, Васька для него — личность незначительная, можно руку пожать, можно к черту послать. Сам он, понимаешь ли, потомственный джигит. А Васька — непонятно что, специалист по клизмам. Разве от человека зависит, где ему родиться удалось — в семье джигитов или в семье дрессировщиков собак. Да если бы Ваську в грудном возрасте в седло посадили, он бы не хуже Улугбека папаху ловил. И саблями жонглировал. И под конем на всем скаку пролезал. Да-да, не сомневайтесь! Да он всем доказал бы... И докажет!..

Васька выскочил в коридор, который вел от конюшни к манежу. Никого. Только глухие невнятные возгласы из фойе. Это уборщицы делом заняты. И вахтер к ним ушел, поболтать. Самый подходящий случай. Может, другого не будет. Надо решаться. Сейчас — или никогда. Он столько раз видел, как Улугбек это делает. Он сумеет. Васька был словно в лихорадке.

Оседланный Ветерок терпеливо ждал, пока Васька заберется на него. Легко пошел по кругу, быстрее, еще немного. Скоро Васька подладился под упругие равномерные прыжки... Темп правильный, можно начинать. «Прямо сейчас?..» — «Ты трусишь?..» Он разделился словно на двух Васек... «Я забыл, как это делается...» — «Врешь, ты все помнишь наизусть...» — «У меня не получится...» — «У тебя все получится... по-лу-чит-ся-по-лу-чит-ся...»

Прыжки отбивали ритм, Васька сместился вбок — по-лу-чит-ся,— цепляясь за ременные петли, он лез вниз головой — поо-луу-чиит- тело отяжелело, его бултыхало и встряхивало — пооолууу... Он еще держался, но уже отрывался, отваливался... Поооо. В последний миг Ветерок подпрыгнул, чтоб не задеть его, и все же вскользь смазал копытом...

Каждый день в больницу приходили родители, сидели грустные у кровати и рассказывали, что собаки без него совсем от рук отбились. А Жучка устроила лежачую голодовку из-за того, что ее в палату не пускают. Артисты приносили яблоки и печенье. Заявилась и Катя, притащила карамель с повидлом. Которую, между прочим, Васька терпеть не мог. Только Улугбека не было.

Он пришел вечером, после представления. И как его пустили? Впрочем, Улугбека все в городе знают. Он стоял возле окна, какой-то смурной. Потом сел рядом с Васькой, близко-близко.

— Слушай, ты зачем это сделал?

— Так просто, взбрело в голову.

— Понятно... А мы уезжаем в Швецию, на гастроли.

— Врач сказал, на мне заживает, как на собаке. Смешно, правда?

— Я тебе напишу оттуда.

— И марок побольше наклей. У меня шведских нет.

— Сто марок наклею.

— Не уместятся.

Улугбек ушел. На тумбочке что-то лежало. Васька взял в руки разрисованные цветными квадратиками старинного восточного узора ножны. Старинные, они Улугбеку от прадеда достались. Васька осторожно вынул кинжал с длинным матовым лезвием. На костяной ручке было нацарапано: «Джигиту Ваське, на память».

РАСКРАСКА

Лев ЯКОВЛЕВ

Достает сова билеты,
Дарит счастье за пятак.
Ну, а если нет монеты,
Слушай музыку за так.

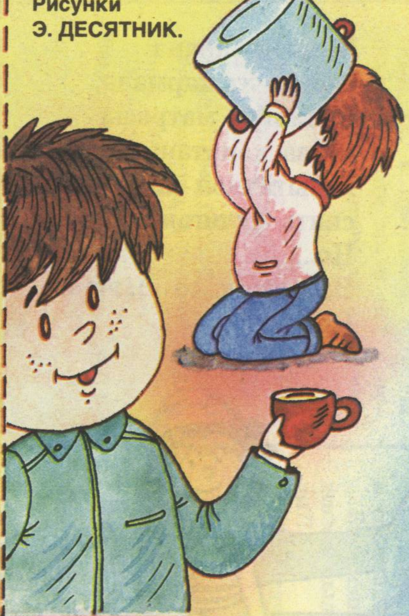
Жанна ДАВИТЬЯНЦ

Ты самая лучшая мама!

Ты самая лучшая мама!
Ты варишь отличный компот.
И Вовик тебе это скажет,
Похвалит, как только
Допьет.

Ты самая лучшая мама!
Я жить без тебя не могу.
И Вовик тебе это скажет,
Ведь правда же, Вовик?
— Угу.

Рисунки
Э. ДЕСЯТНИК.

ПРЫГ-СКОК

Валентина ЛАНЦЕТТИ

Ее встречают, шапки надевают,
Она домой — шапки долой!

(зима)

Дмитрий ФИЛИМОНОВ

Мычало

Однажды Мычало
совсем одичало:
залезло на крышу
речного причала,
рогами трясло,
на вопросы молчало
и даже милиции
не отвечало.

Четыре банана
достав из кармана,
пытались матросы
и два капитана
испытанной хитростью
снять хулигана.
Но...
Не пожелало Мычало
банана.

Пожарники были,
ругались ужасно.
Водой из брандспойта пытались...
Напрасно...
Из черной машины,
Ни много ни мало,
Грозили Мычалу тюрьмой.
Не слезало...
Лежало Мычало на крыше причала.
Мечтало
и ругани не замечало.

На речку смотрело
и солнце встречало.
И думало:
— Где же у речки начало?
И думало:
— Где же кончается речка?
А речка бежала,
свиваясь в колечко,
потом распрямлялась
и таяла где-то,
где вечное солнце
и вечное лето.

«ПИОНЕР»СКОЕ **ФАКТ** АГЕНТСТВО

НУ И НУ!

(Начало на стр. 17 и 24)

А вот анекдотик с «бородой». Так — для разнообразия...

«Идут соревнования по гонкам на мопедах. На повороте стоит мужчина с мегафоном в опущенной руке и кричит басом:

— Заворачивай! Заворачивай!

К нему подходит мальчик:

— Дяденька, а почему вы в мегафон не говорите?

Мужчина посмотрел на него и сказал в мегафон:

— Пошел вон,— и снова, опустив техническое средство, басом: — Заворачивай! Заворачивай!»

Прислал Коля Х. из г. Уфы.

ДУМАЮ О МИРЕ

И О СЕБЕ

Наше «Пионер»ское агентство «Факт» вот уж полгода как мечтает встретиться с А. Г. Невзоровым. По трагической случайности наш журнал находится в Москве, а не в Ленинграде, так что увидеть этого легендарного человека нет никакой возможности. А по телефону Александр Глебович интервью не дает. Мы уже пробовали взять, так он трубку бросает. Но зато мы можем сегодня и сейчас опубликовать анекдот **читательницы Нади из города-героя Ленинграда** об этом легендарном человеке...

«В тюрьме идет перекличка:
— Иванов!
— Я!
— Петров!
— Я!
— Сидоров!
— Я!
— Невзоров!
Молчание...
— Невзоров!!
Молчание...
— Невзоров!!!
— Я.
— Раньше надо было молчать!..»

АНОНС

В начале 1991 года мы планируем рассказать читателям о НИКОЛАЕ КАЛАНОВЕ — интереснейшем человеке, побывавшем почти во всех частях света. Николай — моряк. А моряки — люди с юмором, любят «потравить»...

Мы предлагаем вам парочку анекдотов про боцмана из коллекции **Н. Каланова.**

«Что будет, если ударить по свежевымытой палубе?.. Отзовется боцман!»

«Боцман рассказывает матросам, как он свалился однажды за борт и сражался с десятью акулами. Конечно, победил!

Один матрос-второгодок робко говорит:

— Товарищ боцман, а в прошлом году вы говорили, что акул было пять?..

— Эх, в прошлом году ты был слишком юн и мог испугаться!!! — отечески заметил боцман».

ПОСЛУШАЙТЕ!

Все в «ПАФ»е сегодня рассказывают анекдоты, а я — нет. Послушайте же!

Я никому и никогда не рассказываю этот смешнейший случай из своей недавней школьной жизни: боюсь, не поверят...

Однажды учитель математики заставил меня слезть с подоконника (на подоконниках сидеть не разрешалось) и строго спросил:

— У тебя телогрейка есть?

— Есть,— отвечаю испуганно.

— Шапка-ушанка есть?

— Есть,— еще больше пугаюсь.

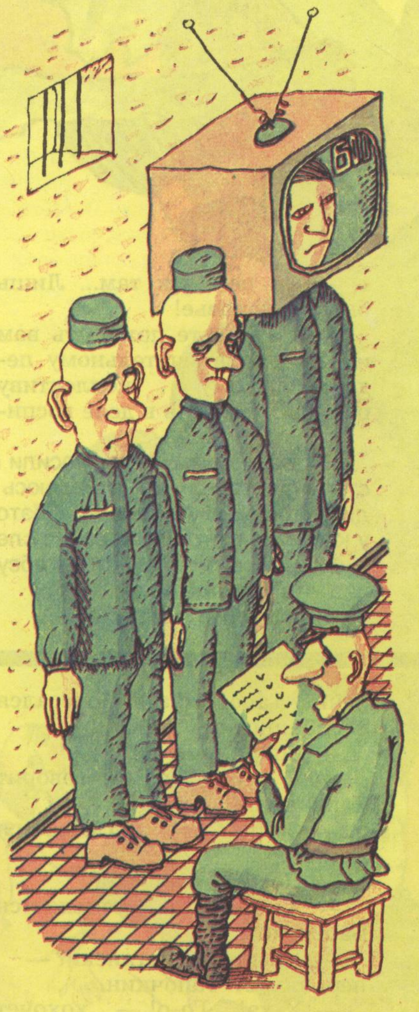
— А валенки есть?

— Нет,— аж дрожу я.

— Приходи ко мне, я дам... и собирайся в колонию...

Веселенькая школьная жизнь была у меня, не правда ли?!

Ведущий Андрей Муханов.

ПО СЛЕДАМ...

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Нужны ваши пожелания, ребята!

В этом году «Пионер»ское агентство «Факт» писало:
видеосалонах,
приеме в почетные пионеры,
конце света,
игрушечных пистолетах и автоматах,
боксерских перчатках,
школьных столовых,
идеальных учителях,
старших пионерах,
воскресных школах,
скорых землетрясениях,
национальных проблемах,—

а также о:
любви и дружбе,
том, как выжить в лесу,
«мнимых» врагах,
умении мириться,
Боге.

Мы НЕ писали о:
косметике,
звездах,
ветре и снах,
Млечном Пути...

Ребята! Присылайте письма с вашими темами, пожеланиями, репортажами. Адрес — на обложке. Звоните по телефону: 2122129. Мы нуждаемся в вашей помощи!

А пока — до свидания! Веселого вам следующего года!

Выпуск подготовил А. МУХАНОВ. Рисунок А. БАЛДИНА.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

СКАЖИ-КА, ДЕДА...

Как стало известно ведущему «Сатирикончика» Виктору Шендеровичу из самых достоверных источников, в одной из московских школ состоялись выборы директора школы на альтернативной основе. Директором стал Дед Мороз. Ведущий бросил все дела и помчался расспрашивать Деда.

— Товарищ Дед, расскажите, пожалуйста, о ваших планах.

— Прежде всего я собираюсь сильно обновить педагогический коллектив. Учителем математики приглашен Буратино — он уже умеет считать до пяти. Русский язык и литература поручены старику Хоттабычу. Историю согласился преподавать барон Мюнхгаузен. Ну и, естественно, старшей пионервожатой назначена Снегурочка — все-таки внучка...

— Как коллектив вашей школы собирается встречать новый, 1991 год?

— У елки. На елке будут развешаны учебники и наглядные пособия. Ученики шестого «А» предложили, чтобы на веточках также были и составители некоторых хрестоматий и учебников, но это предложение не набрало большинства голосов в гороно. В конце вечера мой заместитель по воспитательной части Змей Горыныч собирается все это поджечь, а остальные будут водить хоровод и петь «Гори, гори, ясно». Будет весело, это я вам обещаю.

— Кстати, если не секрет, что в вашем мешке? Подарки?

— У меня там один большой подарок для всех. Это прежний педагогическй состав школы. Учащиеся попросили меня избавить их от него. Но пока нигде не берут. Говорят, нам не нужно. Замучился я совсем — все-таки не мальчик, чтобы такие тяжести таскать.

— Спасибо за интервью, Дед!

— Да чего уж там... Лишь бы на здоровье!

— Позвольте пожелать вам и вашему замечательному педагогическому коллективу больших успехов в деле воспитания зарастающего... тьфу ты! — подрастающего... Ну, в общем, вы меня поняли.

— Я вас давно понял.

— До свидания.

— Чао-какао.

От ведущего. Меня просили не называть номера школы — государственная тайна. Но я надеюсь еще не раз встретиться с ее новым директором и учителями. Поэтому напишите, если, конечно, не лень, у кого мне взять интервью в следующий раз? И какие именно вопросы школьной жизни нам стоит обсудить с преподавателем истории, а какие — с математиком.

Присылайте вопросы.

Александр ДУДОЛАДОВ

И НАЧАЛОСЬ!..

Тапочкин пришел к Башмакову и говорит:

— М, ы, о, п, р, ф, ха!

Башмаков говорит:

— Это ты по-какому?

Тапочкин говорит:

— Н, г, в, о, л, з, д!

Башмаков задумался. Взял бумагу и карандаш, записал речь Тапочкина. Почесался и спрашивает:

— Шифр, что ли?

— Т, пэ, зо рэ! — говорит Тапочкин.

— Ф-фэ! — усмехается Башмаков.

— По-португальски?

— Хс-сэ! — усмехается Башмаков.

— По-инопланетянски? — нервничает Тапочкин.

— Х-хэ! Го-о! — хохочет и гогочет Башмаков.

Тогда Тапочкин обиделся, подумал и говорит:

— Файла адум!

Башмаков рот раскрыл. Стоит, смотрит на Тапочкина и не может даже моргнуть.

А Тапочкин страшно руки растопырил. Три раза обошел вокруг Башмакова да ка-а-ак гаркнет:

— Кнут!

— Какой кнут? Ты чего,

Витька? Ты чего это? — спрашивает Башмаков. И на всякий случай задрожал.

— Амонэ мэнэ зы-ыр! — завыл Тапочкин.

Башмаков испугался — и вдруг ка-ак превратится в пулемет! Тогда Тапочкин ка-ак превратится в самолет!

И стали они биться.

— Ты-ты-ты-ты! — строчит пулемет.

— Тиу-бум! Тиу-бум! — бросает бомбы самолет.

И такое тут началось! Такое началось!..

Такое, что, когда пришел с работы Башмаков-папа, он сразу превратился в зверя.

Когда однажды лимерикам и лимерчанкам из ирландского города Ли́мерика стало скучно и грустно, они начали сочинять лимерики. И придумали для них собственные оригинальные правила. Стихотворение должно быть обязательно смешным, обязательно из пяти строчек в определенном ритме, а третья и четвертая строчки — короче двух первых и одной пятой.

Когда это произошло, почему-то никто столь знаменательное событие не зафиксировал. А широко известны ирландские частушки стали после того, как вдохновленный ими поэт ЭДВАРД ЛИР издал книгу «Бессмыслицы», почти сплошь из лимериков.

В частности, он придумал вот что:

Жил старик у подножья Везувия,
Изучавший работы Витрувия.
Но сгорел его дом,
И он взялся за ром,
Ром-античный старик у Везувия!

И вот это:

Одна старушонка из Лоха
Себя развлекала неплохо:
Все утро сидела
И в дудку дудела
На кустике чертополоха.

Перевел эти лимерики Григорий КРУЖКОВ.

А вот такие лимерики придумал Сергей САТИН.

* * *

Приглашенный на роль Мефистофеля
был актером широкого профиля.
Был он также анфас
шире в несколько раз,
чем положено для Мефистофеля.

* * *

Обнаружены в недрах Алжира
были залежи рыбьего жира,
что (как это ни жаль)
ввергло в грусть и печаль
большинство юных граждан Алжира.

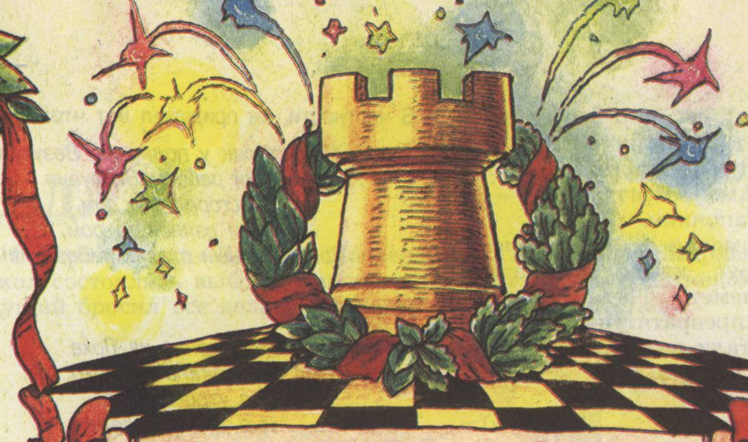
* * *

Согласитесь, что хоть и немного,
но смущает нас вид осьминога.
Надо думать, НАШ вид
точно так же смутит
не знакомого с ним осьминога.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

Дороги победы

Тик-так... Тик-так... Т-сс. Скоро Новый год... Не в каждом доме и не в каждой квартире есть старинные часы с маятником. А как они необходимы в Новый год!

Ну, ничего... Ося Б. из Новых Васюков дарит вам, ребята, старинные часы, одни на всех, ШАХМАТНЫЕ.

МАЯТНИК СТАРИННЫХ ЧАСОВ

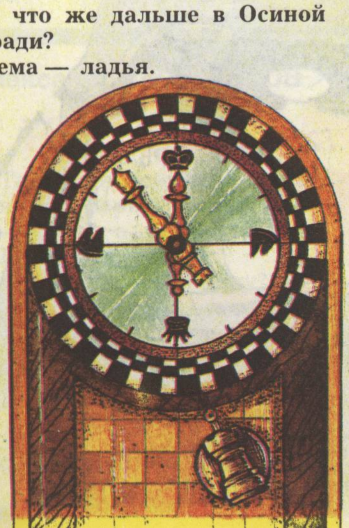
Диаграмма 1

Белые начинают и делают ничью.

В позиции, над которой перед Новым годом вам предстоит подумать, сила одной белой ладьи и скованность ее черных коллег видны особенно наглядно. Как маятник старинных часов, вот-вот отобьющих полночь, будет раскачиваться белая ладья, и превосходящие силы соперника не смогут остановить это вечное движение...

А что же дальше в Осиной тетради?

Тема — ладья.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

В древней Руси ладья, настоящая, не шахматная, являлась самым распространенным способом передвижения славянских дружин по многочисленным рекам во время походов. И потому в нашей стране на шахматной доске ладья заменила боевую колесницу, которая была своеобразным «танком» во время войн восточных народов, откуда и пошли по свету шахматы. Не случайно поэтому тогда в этой древней игре колесница, как и наша ладья, была самой сильной фигурой, поскольку старинный ферзь мог передвигаться только на одну клетку по диагонали и был довольно скромным созданием.

Шло время, в средние века правила шахмат изменялись, они становились более динамичными, современные мощные права получил ферзь, а ладья скромно отошла на вторую, но вовсе не второстепенную роль.

НА ПРОСТОР РЕЧНОЙ ВОЛНЫ

В начальной позиции ладьи располагаются в углах доски, как бы в клетках, построенных из собственных фигур и пешек. Ввести в игру их очень быстро нелегко, но, самое главное, это и не нужно. Для демонстрации своей силы ладьям необходимы открытые линии, по которым они могут ворваться в лагерь соперника. В связи с этим они чаще всего выходят на сцену лишь во втором действии — миттельшпиле, предоставляя право завязывать борьбу пешкам и легким фигурам. А уж затем, в середине игры, когда вскрываются те или иные вертикали, ладьи вырываются на простор и проявляют удивительную подвижность, становясь серьезной ударной силой.

НА 14 ХОДОВ ВПЕРЕД

Когда ладья врывается в неприятельский пешечный ряд, под ее удары попадают не только легкие фигуры и пешки. В такой ситуации, например, при вторжении белой ладьи на седьмую горизонталь, в отчаянном положении нередко оказывается черный король, обычно расположенный на последней линии. При таком тягостном соседстве с чужой ладьей он как бы «прижат к бортику», у него остается мало свободных полей, что может привести к созданию самых неожиданных и разнообразных комбинаций.

Диаграмма 2

Пожертвовав пешку, первый чемпион мира **Стейниц** (белые) в партии с **Барделебеном** (1895 г.) получил грозную инициативу.

I. **Л:е7+ !** Ладья эффективно врывается на седьмую горизонталь. Теперь плохо I...Ф:е7 из-за 2. Л:с8+, а на I...Кр:е7 белые приготовили такой вариант: 2. ЛеI+Kpd6 (2... Kpd8 3. Ке6+) 3. Фb4 + Крс7 4. Ке6+Kpb8 5. Ф f4+. Однако искушенный немецкий мастер увидел, что у белых тоже имеются свои слабости — первая горизонталь, и нашел хитрый и хладнокровный ответ.

I...Kpf8! От такого сюрприза можно было и растеряться: белым угрожает мат на cI, под удар попали абсолютно все их фигуры. Тем не менее Стейниц невозмутимо и красиво продолжил свою ставшую классической атаку.

2. Лf7+! Kpg8 3. Лg7+! Казалось бы, беззащитная, а на самом деле неприступная ладья смело маневрирует в тылу врага! Нельзя сейчас ни 3... Кр:g7 4. Ф:d7+, ни 3... Ф:g7 4. Л:с8+

3... Kph8 (3...Kpf8 4. К:h7+) **4. Л:h7+.**

В этот момент Барделебен ушел из турнирного зала и не вернулся — признал свое поражение, правда, не совсем обычным способом. А Стейниц немедленно показал окружающим, как он намеревался завершить атаку: 4... Kpg8 5. Лg7+! Kph8 6. Фh4+Кр:g7 7. Фh7+ Kpf8 8.Фh8+Кре7 9. Фg7+Кре8 10. Фg8+Кре7 11. Фf7+Kpd8 12. Фf8+Фе8 13. Kf7+Kpd7 14. Фd6х.

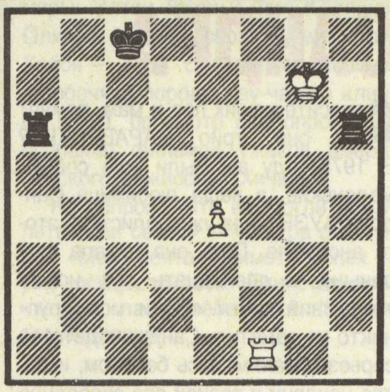

Диаграмма 1

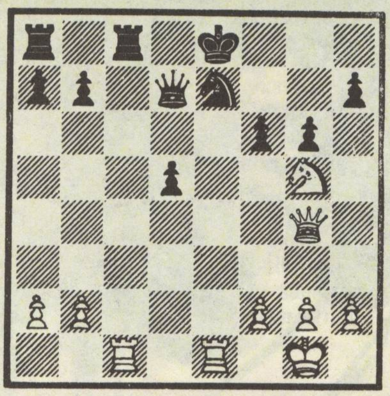

Диаграмма 2

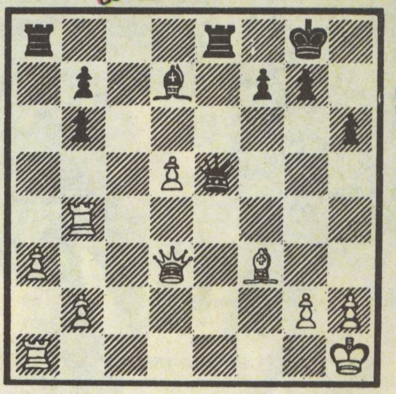

Диаграмма 3

Как видно, начиная комбинацию, Стейниц рассчитал варианты до самого конца, на 14 (!) ходов вперед.

ОПАСНАЯ МАГИСТРАЛЬ

Все шахматные фигуры не любят засиживаться на своих местах. Быстро уходят вперед центральные пешки, кони и слоны, король эвакуируется, чаще всего на собственный фланг, и фигурные горизонтали, первая или восьмая, становятся прекрасными магистралями для соединения действий своих ладей. Но нередко эти ладьи либо по своей воле, либо вынужденно покидают свои тылы. В таких случаях в начале игры загроможденная фигурами горизонталь может оказаться пустынной и слабой и становится отличной дорогой для чужих тяжелых фигур.

Обычно каждый из соперников внимательно следит за своей первой горизонталью, и ворваться туда совсем не просто. Все же иногда сделать это удается, и такие комбинации чрезвычайно красивы, поскольку можно пожертвовать много материала, ведь ставка — поставить мат — гораздо выше.

Диаграмма 3

В этой позиции из партии **Микенас — Бронштейн** (1965 г.) ход черных. Прежде всего напрашивается I...Фel+, однако в этом случае белые защищаются с помощью типичного приема, который следует запомнить,— 2.Фfl. Таким образом, выясняется, что ладья белых на al «привязана» к первой горизонтали, а их ферзь — к диагонали a6—fl. Если же еще заметить, что пешка b2 заслоняет собой ладью a1 от удара черного ферзя, то выясняется, что пешка a3 фактически беззащитна. Черные так и сыграли I...Л:a3!, и белые сразу сдались. Продолжения 2.Л:a3 или 2.Ф:a3 отвлекают эти фигуры от их главных обязанностей (2...Фel+), а защититься от двойного удара черной ладьи белые не могут — 2.Фbl Л:al 3.Ф:al Фel+.

Белые не сумели своевременно открыть «форточку» (h2—h3 или g2—g3), а ведь и шахматным королям необходим «свежий воздух».

ШАХМАТНАЯ ГОСТИНАЯ

А теперь, после праведных трудов, отправимся-ка мы в Шахматную гостиную. Перед праздником самое время послушать веселые истории!

С Новым годом, ребята! С новыми успехами, не только в шахматах!

Пора спать

В одной из решающих партий чемпионата города отец играл со своим маленьким сыном. Когда старший остался в эндшпиле без пешки, он потребовал от соперника соглашения на ничью. «Потому что,— сказал отец,— уже поздно и тебе пора идти спать».

Реванш — на экзамене?

Большой матч между командами учителей и школьников завершился победой ребят, которые оказались строгими экзаменаторами. Один восьмиклассник заматовал своего физика, но в ответ на поздравления товарищей грустно заметил: «Надеюсь, он не попытается взять у меня реванш на предстоящих экзаменах».

Лихач за доской

Один молодой шахматист поражал своих противников молниеносной реакцией на их ходы. Одному из них, офицеру полиции, это настолько действовало на нервы, что он, наконец, не выдержал: «Послушайте, если вы будете продолжать в таком же темпе, я арестую вас за превышение скорости».

Рисунки В. КУЗНЕЦОВА.

Фотография А. АСТАФЬЕВА.

КЛИП – КЛУБ

САНДРА

Спросите ваших пап и мам, помнят ли они трио «АРАБЕСКИ»? В 1978 году вы были еще совсем маленькие, а ваша любимица Сандра ЛАУЭР была уже солисткой этого ансамбля. Петь она начала еще раньше, в двенадцать лет, но ее тогдашний сингл «Энди мой друг» никто не заметил. Сандра с детства серьезно занималась балетом, и после неудачи с песней все свободное время решила отдавать ему. Но любовь к песне взяла свое, и она вместе с Микаэлой Роуз и Жасмин Веттер создала трио «Арабески», которое было очень популярно в начале восьмидесятых годов (у старых меломанов еще найдется диск фирмы «Мелодия» с записями этого ансамбля).

В 1983 году Сандра начинает сольную карьеру. Она сотрудничает с композитором и продюсером Микаэлом Крету. С ним она записала свой первый сольный шлягер «Мария Магдалена», стремительно ворвавшийся в хит-парады многих стран Европы. А вышедший затем первый диск-гигант певицы «Лонг плэй» (он выпущен также и у нас в стране в 1989 году) сделал Сандру знаменитой на весь мир. На фестивале в Токио она занимает второе место. Затем выходит еще один супеpальбом «Зеркала» (1986). 7 февраля 1988 года она вышла замуж за Микаэля Крету. Происходила эта церемония на экзотическом острове Ибица в Испании. Во время прогулки на вертолете случилась небольшая авария, что стало причиной слухов о гибели Сандры и ее мужа. Но они отделались легкими царапинами. Это «маленькое происшествие» лишь прибавило популярности и без того уже знаменитой певице.

В сентябре 1989 года с большим успехом прошли гастроли Сандры в Советском Союзе, где она исполнила песни из альбома того года «По пути в таинственную страну».

А теперь более подробно о вашей любимице. Из многочисленных интервью с Сандрой в советских и зарубежных изданиях мы выбрали самые интересные фрагменты, и, учитывая ваши вопросы, представляем их вам.

Итак, Сандра Лауэр родилась 18 мая 1962 года в городе Саарбрюкене (ФРГ). Рост 170 см, глаза карие, волосы светло-коричневые. Ее ку-

миры: Элтон Джон и Фил Коллинз, Оливия Ньютон-Джон и Кейт Буш. Хобби — игра с сиамской кошкой и собачкой породы чау-чау по кличке Паша, просмотр видеопрограмм, особенно фильмов ужасов американского режиссера Хичкока.

На вопрос: «Что вы могли пожелать сами себе?» — Сандра ответила: «Моя мечта — иметь успех — уже осуществилась. Единственное, что я могла бы себе пожелать, так это здоровья».

ВЕСТИ МУЗ

Андрей МАКАРЕВИЧ, Александр КУТИКОВ, Петр ПОДГОРОДЕЦКИЙ, Валерий ЕФРЕМОВ, Евгений МАРГУЛИС выступали в составе группы «Машина времени», но — в разное время. И вот впервые они вместе. Первые концерты прошли «на ура». Останется ли данный состав в новом году?

* * *

В женской группе «КОМБИНАЦИЯ» появился первый мужчина. Это Иван ПОПОВ. Осуществилась давняя мечта этого пятилетнего крутого рокера.

* * *

Для поклонников Дитера БОЛЕНА сообщаем, что в его группе «Блю систем» собирается пробовать свои силы Гена БОГДАНОВ из ленинградской группы «РУССКИЕ». Советский Томас Андерс? Поживем — увидим.

Новости из страны «Ласковый май»

Солист группы Юрий ГУРОВ служит сейчас в Краснознаменном ансамбле песни и пляски Московского округа противовоздушной обороны, но связь со своей родной студией не теряет, в чем вы могли убедиться, увидев его в передаче «50×50». Гуров-младший пока отдыхает (у него возрастные проблемы с голосовыми связками). Думается, в новом году он запоет уже другим голосом. По тем же причинам знаменитый Юра ШАТУНОВ сейчас занимается только стихами. Кстати, знайте, что в песне «Не грусти» — текст его!

А Андрей РАЗИН вместе с Матвеем АНИЧКИНЫМ (экс — «КРУИЗ») и композитором Юрием ЧЕРНАВСКИМ на студии «Рекорд» записал новый альбом. В следующем году послушаем вместе с вами!

Поп-информ

Группа «ФРИСТАЙЛ» НА СТУДИИ «СОЮЗ» записала новый суперальбом «Получите ДУБЛЬ-3!». Требуйте в студиях звукозаписи!

* * *

Вы еще не смотрели новый фильм «Короткие игры»? Если нет, поспешите, поскольку в этом фильме звучат песни Вити ПОПОВА и группы «Твой день». А сама группа собирается на гастроли по Западному Берлину, Бразилии и США, для чего готовит новую программу.

* * *

Отвечая на вопросы, сообщаем, что солистка группы «ФЕЯ» Света РАЗИНА и Андрей РАЗИН — всего лишь однофамильцы.

* * *

Фирма «Мелодия» выпустила диск группы «МИРАЖ». Спешите купить!

ХИТ-ПАРАД журнала «Пионер»

Вынужден разочаровать фанатов «Ласкового мая» — песен их кумиров в нашем хит-параде нет.

1 место.
Группа «КОМБИНАЦИЯ». Песня «Америкэн бой».

2 место.
Группа «ЛЮБЕ». Песня «Атас».

3 место.
Группа «МИРАЖ». Альбом «ДИСКОТЕКА».

Кто будет вашим кумиром в наступающем году? Пишите только на открытках.

Подготовил Вит. АПЛАТОВ.

СОДЕРЖАНИЕ журнала «Пионер» за 1990 год

цари.— В. Кожемякин.— № 3.
Вечерняя поверка.— В. Друк.— № 4.
Вертикальный срез. Считалочка.— И. Иртеньев.— № 4.
Бегемот под зонтиком. Письмо Бегемоту. Квадратный Бегемот. Сонет.
Песенка трех бегемотиков, когда они встречаются с серым волком.— Т. Собакин.— № 4.
У обочины... Неандерталец.— А. Зайцев.— № 4.
День Летуна. Шкатулка.— А. Усачев.— № 4.
Стихотворение о том, как я писал стихотворение о том, как... Недостатки. Урок зоологии. Спор. Робот из 3 «б». Да или нет.— Л. Яковлев.— № 4.
Кривляки. Глазок. Назло. В одном городишке. Батон. В лодке.— О. Григорьев.— № 4.
Портной по имени Лопух. Жил на свете кое-кто.— Н. Ламм.— № 4.
Не хочу! Жизнь на звездах. Невидимка.— А. Костецкий.— № 6.
Вот такие пироги. Дождь идет. Доброе дерево в нашем саду.— Р. Фархади.— № 7.
Счастливые концы. Мимолетное виденье. Ее родители. Песенка.— М. Вейцман.— № 7.
«Живая квартира».— В. Кожемякин.— № 7.
«Фартук строго-черный...». Амур. «Ты любишь...». «Стою на холме, вся в надежде...». «За твою соболью бровь...».
«Лог Изба». Геометрия.—Т. Смертина.— № 8.
Малые речки. Дымовой. Морские камешки. Утренние кавалеристы. Зернышко и дождинка. Осенняя земля. Улетает лето. Забор.— В. Орлов.— № 9.
Беседа. Сторож Пров. Из дневника боровика.— Е. Липатова.— № 9.
Губная гармошка. Десять птичек. Драндулет. Из-за ссоры пустяковой. «Купили в магазине...»— М. Пляцковский.— № 10.
Зеленая мечта.— В. Шендерович.— № 11.
Вася с Булей. Велосипед. Про воробьев. «Хорошо никого не бояться...». «Боевые слоны со времен Ганнибала...». Пой, жаворонок.— Б. Слуцкий.— Публикация Ю. Болдырева.— № 11.
Кинозвезда.— П. Синявский.— № 12.

КОРАБЛИК — №№ 1—4, 6—12.
Воробьевы горы.— Журнал литературного клуба Московского дворца пионеров и школьников.— № 5.

ПИОНЕРСКАЯ И ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Мы за кооперацию, а вы?— М. Матвеева, А. Муханов.— № 1.
Укрощение строптивого.— И. Анатольева.— № 3.
Адамам и Евам 1990 года.— И. Андрианова.— № 5.
Как пионеры читали проект Устава и еще о многом другом.— М. Матвеева.— № 6.
Параграф номер два под микроскопом, или Продолжаем обсуждать проект Устава.— М. Матвеева.— № 7.
Вот и лето прошло.— Г. Смирнова.— № 9.
Улыбнись перед зеркалом.— Л. Матвеева.— № 9.
Рисуем групповой портрет. Анкета для читателей журнала «Пионер».— В. Павлов.— № 9.
Анкета для родителей.— В. Павлов.— № 10.

Что стоят ваши эполеты?— Е. Селезнева.— № 1.
Дорогой свободной иди, куда влечет тебя свободный ум.— Е. Селезнева.— № 2.
Познай, где свет,— поймешь, где тьма.— Е. Селезнева.— № 8.
О, не тревожь меня укорой справедливой!— Е. Селезнева.— № 12.

«Факт».— Пионерское агентство.— №№ 1—3, 5—12.
«Зеленая карета».— №№ 2, 8, 11.
Птичий рынок.— И. Андрианова.— № 3.
Клюся.— И. Андрианова.— № 4.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Когда обидел учитель.— Г. Марасанов.— № 1.

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ «ПИОНЕРА» за 1990 год

Этот человек летает на воздушных шарах, спускается на горных лыжах с крутых склонов, знает, что такое опасные пещеры и как выглядит кость мамонта не понаслышке, а на собственном опыте. Еще человек вяжет фантастические шапки, которые начинаются на голове, а заканчиваются где-то у пяток, лепит музыкальные инструменты под названием дрымба, поет протяжные песни и танцует зажигательные танцы. А в оставшееся от вышеперечисленных необыкновенно важных занятий время человек — Марина Москвина — пишет рассказы и повести, которые мы с радостью читаем и печатаем в журнале, чтобы и вы смогли их прочитать. За повесть «Не наступите на жука», опубликованную в третьем, четвертом и пятом номерах, Марине МОСКВИНОЙ присуждены премия и диплом имени А. П. Гайдара.

Рассказывая об этой удивительной женщине, хочется избежать готовых, общепринятых фраз. Она большой фантазер и путешественник, ее манят горы и степные дали, ей нравится мечтать, сидя у костра, и бродить по лесу. А еще она влюблена в поэзию. Долгие годы Ирина Петровна Вечная-Петрова работала в редакции «Пионера» и до сих пор верна своему призванию: она наш литературный консультант. И хотя ее фамилия не появляется на страницах журнала, знакома она многим читателям, тем, кто тоже любит поэзию и мечтает попасть на борт «Кораблика». Мягко, тонко и деликатно учит Ирина Петровна своих подопечных мастерству поэзии, приучает их всматриваться в окружающий мир. И если не все из ее учеников станут поэтами, то все они обязательно станут хоть чуть-чуть похожими на прекрасного человека Ирину Петровну ВЕЧНУЮ-ПЕТРОВУ, которую журнал «Пионер» за многолетнюю работу с почтой «Кораблика» награждает премией и дипломом имени Л. Кассиля.

В редакции нашего журнала работают многие художники. Но когда надо оформить сказку или сказочно-шахматный отдел «Новые Васюки, 64», работа достается Андрею Балдину. Потому что все уверены — фантазии и мастерства этого художника хватит на самую сказочную сказку. За иллюстрирование разделов «Новые Васюки, 64», «В треугольнике НЛО» и оформление сказок в журнале «Пионер» художнику Андрею Николаевичу БАЛДИНУ присуждены премия и диплом имени Н. Н. Жукова.

В оформлении журнала участвовали художники
А. Балдин, А. Борисов, А. Богатов, В. Бурмистров, А. Буркин, А. Бухарев, А. Вовикова, А. Гришин, К. Гераймович, Д. Гончарова, Э. Десятник, Н. Демидова, В. Кузнецов, И. Караян, И. Климов, А. Мартынов, А. Мазаев, А. Остроменцкий, А. Симонова, С. Трофимов, И. Панков, М. Петров, Л. Тишков, К. Ясинская.

Фотокорреспонденты
А. Бойцов, М. Вылегжанин, Д. Дебабов, В. Зубрицкий, А. Каспаров, А. Костенко, А. Крупников, М. Кузминский, И. Папкьян, И. Стин, С. Сафонова, А. Фирсова.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Сдано в набор 04.10.90.
Подписано к печати 19.10.90.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 2905.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

30 коп. Индекс 70694.

Клип-клуб

Олег и Родион

Наступление на хит-парад Олег Газманов предпринял в 1989 году хитом «Эскадрон», который до сих пор успешно «скачет» по всем дискотекам страны. А год уходящий можно смело назвать годом Газманова. Вместе с «Эскадроном» его супершлягеры «Свежий ветер», «Есаул» поднимали с мест десятитысячные аудитории концертных залов и стадионов. Свой новый стиль Олег так и назвал — «Эскадрон». А мощные залпы по многомиллионной телевизионной аудитории окончательно доконали наших меломанов. «Эскадрон» чуть-чуть не дотянул до лидирующей тройки «Пионер»ского «Хит-парада». Фанаты Газмановых, у вас есть шанс вмешаться в спор о лидерстве в нашем параде популярности.

А теперь два загадочных эпизода из музыкальной истории. Эпизод первый. Знаете ли вы, что песне «Эскадрон» уже четыре года? И что ее исполнителем должна была стать... Алла Пугачева? Олег и сам бы песню спел, но у него тогда сильно болело горло. Алла Борисовна из-за своей занятости до поры до времени отложила эту песню, а когда Олег поправился, решила ему ее вернуть. Что из этого получилось, вы уже знаете.

Эпизод второй. Вы догадываетесь, с какого времени половина собак носят теперь кличку Люси? Правильно, со времени дебюта песни с тем же названием, которую исполнил сын Олега — Родион Газманов. Но вы не знаете, что первоначально эта песня была вовсе не про собаку, а про девушку Люси. Однако Родиончик очень хотел про собаку... Он вообще человек самостоятельный — сам сочиняет песни и мечтает написать и спеть свой собственный «Эскадрон».

Пожелаем ему в новом году успешно атаковать своими шлягерами наш «Хит-парад».

Фотография А. ЛИДОВА.

N 0130—8009. Пионер. 1990. № 12. 1—64.